

Научный совет РАН по исторической демографии
и исторической географии
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Институт российской истории РАН
Институт истории и археологии УрО РАН

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
НА СЕВЕРЕ ЕВРАЗИИ**

Сборник научных трудов

*Выпуск 3
Часть 4*

*Материалы Всероссийской научной конференции
по исторической демографии «Этнодемографические
процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)»
(Сыктывкар, 28–30 сентября 2005 г.)*

Москва–Сыктывкар, 2006

УДК 947 (470.13)

Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сборник научных трудов. Москва–Сыктывкар, 2006. Вып. 3. Ч. 4. 208 с. (Материалы Всероссийской научной конференции по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)» (Сыктывкар, 28–30 сентября 2005 г.).

В третьем выпуске серии сборников трудов, посвященных этническим и этнодемографическим процессам, происходившим в различные исторические эпохи на Севере Евразии, публикуются материалы Всероссийской научной конференции по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)», состоявшейся в Сыктывкаре 28–30 сентября 2005 г. В четвертую, заключительную часть выпуска вошли материалы, посвященные этносоциокультурным процессам в России на рубеже тысячелетий и современной демографической ситуации.

Сборник подготовлен при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 04-06-80411) и программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Редакционная коллегия

Ю.А.Поляков (главный редактор, Москва), И.Л.Жеребцов (зам. главного редактора, Сыктывкар), В.Б.Жиромская (зам. главного редактора, Москва), Е.Н.Рожкин (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В.Аргудяева (Владивосток), Я.Е.Водарский (Москва), А.В.Головнев (Екатеринбург), Г.Е.Корнилов (Екатеринбург), К.И.Куликов (Ижевск), В.Н.Петров (Краснодар), А.С.Сенявский (Москва), В.А.Семенов (Сыктывкар), В.В.Фаузер (Сыктывкар)

Рецензенты

доктор исторических наук, профессор О.В.Золотарев
доктор исторических наук, профессор В.И.Чупров

- © Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии, 2006
- © Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН, 2006
- © Авторский коллектив, 2006
- © И.Л.Жеребцов, сост., 2006

**Приветствие Научного совета РАН
по исторической демографии и исторической
географии**

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии поздравляет с открытием Всероссийской научной конференции по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)» и желает успеха в ее проведении, хороших и интересных докладов, оживленных прений, творческих успехов ее участникам.

Научный совет РАН желает коллективу Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН больших научных достижений, в первую очередь в области исторической демографии.

22.09.2005

*Председатель Научного совета
по исторической демографии
и исторической географии,
академик РАН*

Ю.А.Поляков

**Приветствие
Института российской истории РАН**

От имени дирекции и всего коллектива Института российской истории РАН приветствуем участников Всероссийской научной конференции по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)» и желаем успеха в ее проведении.

23.09.2005

*Директор Института
российской истории РАН,
член-корреспондент РАН,
доктор исторических наук,
профессор*

А.Н.Сахаров

А.А.Игнатов*

**Типология российских регионов
по преобладающим в них этнодемографическим
процессам с конца 1930-х годов
(Попытка реализации подхода «сверху»)**

Введение

Сначала раскроем скобки в заглавии. Нам заранее понятно, что подход «сверху» менее употребим в неформальных (в том числе историко-географических и современных социально-региональных) исследованиях, чем подход «снизу» (для нашего случая – это конкретные время и территория). Но при попытке «охвата» процесса социально-демографического «развития» в некотором временном интервале осваиваемых человеком пространств, он может стать вполне оправданным.

В рамках темы проводимой конференции, на наш взгляд, уместно заметить, что анализ этнического и демографического развития какого-либо крупного региона мира в большом временном интервале требует или наличия непрерывных наблюдений за процессом (зачастую такой подход реализуется через отображение состояний его отдельных наиболее «зримых» – т.е. тех, которые по ряду причин привлекают к себе внимание наблюдателей на протяжении всей истории существования обследуемого процесса, самых значимых компонентов), или, по меньшей мере, результатов фиксации этого процесса лишь в некоторые, «заданные» промежутки времени (т.е. проводя обследование процесса с некоторым относительно равномерным «шагом»).

При таком, втором, подходе – с определением целесообразного размера шага – весь Север Евразии (при максимальном охвате мы сюда включаем северо-восточную часть материка, соответствующую бывшему СССР), по-видимому, «может быть познан» через «улавливание» и отображение тенденций исторического процесса. Конечно, при этом не удастся избежать генерализации явлений в ущерб детальности взаимодействий разных «временных ситуаций». Да и реализация «пошаговой методики» возможна все же в ограниченном временном интервале.

*Игнатов Александр Андреевич (Владивосток) – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения РАН.

В случае существенной конкретизации временного интервала исследований (например, с момента образования Российской Империи) может быть реализован несколько иной подход – с выделением, кроме временных, относительно четких внешних пространственных рубежей и определением некой «универсальной» информационной ячейки в их пределах (таковой в нашем случае могут выступать «равные» по каким-то признакам территориальные социально-хозяйственные сочетания в виде небольших стран, вместе составляющие макрорегион в пределах крупного участка земной суши; или административно-территориальные единицы первого порядка отдельно взятой большой страны, сопоставимой с таким макрорегионом).

Выбор объекта, пространственных рубежей и временного интервала исследования

В этой связи выбор нами в качестве объекта исследования этнодемографической структуры российского многонационального социума с конца 1930-х гг. в сравнении с настоящим временем (2002 г.) является внешне привлекательным – в условиях становления плановой централизованной системы хозяйствования (как, впрочем, и после этого, в условиях становления рыночной экономики) существовали слабо изменяемые внешние рубежи (но их свойства во времени могли существенно меняться); единые методы статистического учета «подпроцессов» и явлений; относительно малоизменяемые сетки основного и низового административно-территориального деления; наличие «уточняющих» данных не менее чем четырех общегосударственных переписей населения. Но даже учет только сопоставимых характеристик «начального» (1939 г.) и «конечного» (2002 г.) состояний структуры, на наш взгляд, позволяет уловить некоторые тенденции как демографического, так и этнического развития. Хотя «внутри» этого временного интервала содержатся события, влияние которых на обследуемые нами структуры до сих пор не оценены однозначно, но заранее понятно, что эти оценки должны быть в основном отрицательными – это и Вторая мировая война, и локальные военные конфликты, и действовавшая по всей стране система ГУЛАГа, и хозяйственная перестройка 1990-х гг.

При значительном обобщении мы допускаем, что современная Россия «унаследовала» мало изменяемую сетку основного административно-территориального деления (АТД), сложившуюся примерно с «середины» советского этапа развития. Но в конце 1930-х гг. РСФСР еще не включала в свой состав три значительных региона –

нынешние республику Тыву, Южный Сахалин с Курилами и Калининградскую область (составной частью советской России они стали, соответственно, в 1944 и 1945 гг.) и, напротив, в ее составе была Крымская область, несколько позднее «перешедшая» в состав Украины. «Изъятие» из общероссийских показателей около 300 тыс. чел. и примерно 200 тыс. км² позволяет сравнивать этнодемографические ситуации 1939 г. и наших дней на «равных» территориях.

При таком обобщении все же отметим, что существенно иные очертания, территориальный и людской потенциалы имели Омская и Липецкая области, Ордженикидзевский и Хабаровский края (структура статистических данных 1939 г. не позволяет из состава последнего выделить Магаданскую область и ЧАО), Калмыцкая республика и ряд других единиц основного административно-территориального деления, включавшие в свой состав территории, ставшие самостоятельными единицами АТД в 1940–1950-е гг. И поэтому сопоставление данных 1939 г. с данными 2002 г., видимо, целесообразнее проводить путем обобщения характеристик (по данным для современных регионов) для единиц старого АТД, нежели пытаться выделить доли показателей, приходившиеся на прошлые единицы основного АТД с учетом современного деления. При этом, несколько упрощая, мы делаем такое допущение, что «добавляемая» к существовавшей ранее современная единица основного АТД полностью вошла в состав первой (хотя и отдаем себе отчет в том, что далеко не всегда было так, но уточнения потребуют времени и, возможно, усложнят расчеты). Также мы «намеренно» не учитываем территориальный рост крупнейших городов по отношению к близлежащим единицам основного АТД (заочно понимая, что общей тенденцией взаимодействия, например, области и ее административного центра является пространственное расширение городской территории за счет близлежащих к ней областных районов).

Особенности статистического учета

Демографическая и этническая составляющие процесса формирования российского населения в переписи 1939 г. [1] представлены «процентными структурами»:

– возрастной состав в каждом из существовавших тогда регионов показан по трем группам населения (до 15 лет; от 16 до 60 лет; старше 60 лет; половой состав в приведенном источнике дается более детализировано, но он плохо сопоставим с имеющимися у нас современными данными), национальный состав (тогда он отображался более под-

робно, чем в настоящее время) представлен этносами, превышающими 0,1-процентный (от общей численности населения каждого из регионов) рубеж. Подобные показатели мы подобрали и по 2002 г. [2]. Однако и в возрастной, и в национальной структурах имеются, по крайней мере, по одной существенной «нестыковке» (которые мы на начальной стадии исследования допускаем в качестве рабочих) – в современной структуре по возрасту к пенсионерам отнесены женщины старше 55 лет, тогда как в 1939 г. «порог» для вывода на пенсию мужчин и женщин был один – 60 лет (здесь мы недоучитываем 1-2% женского населения); касательно же этнической структуры отметим, что сейчас в графу «прочие национальности» относят все национально-этнические образования, численность которых не превышает 1% от общего числа жителей региона, тогда как в прошлом, как мы уже отмечали, этот «порог» проходил значительно выше и позволял учитывать этнический состав населения на порядок точнее. В силу этого на территории отдельно взятого региона небольшие этнические группы фактически могли сохранять свой демографический потенциал (последний термин для данного случая мы определяем как способность к относительно самостоятельному воспроизводству, без такого количества смешанных браков, которое могло бы привести к потере самоидентификации данной национальной группы), сохраняя или повышая свой статус (процентное значение остается прежним, либо несколько возрастает), а в современных статданных они «теряют» свою «самостоятельность», попадая (при показателе ниже 1%) в графу «прочих». В то же время отметим, что самоидентификация этнических групп в прошлом была более выраженной. До начала 1990-х гг. в большинстве регионов страны преобладали консолидационные процессы и при превалировании русского населения этнодемографическое развитие в регионе могло характеризоваться существенным «размыванием» ранее сложившейся этнической структуры (в пользу русского большинства, так как молодежь, получавшая паспорта, из семей, где мать и отец были представителями разных этносов, могла по своему усмотрению отнести себя к любой, в том числе и к превалирующей нации).

Подходы к анализу

Предварительные результаты сопоставления «ситуаций» 1939 и 2002 гг. показаны в «рабочей таблице», как приложение к данной публикации. Для каждого региона в ней отводится, по меньшей мере, две строки: 1-я – данные начального периода; 2-я – современные

данные, но ниже, после суммарного показателя численности населения, следует знак «минус», «означающий», что еще ниже дается численность населения ранее не существовавших современных регионов, суммарно учтенная во второй строке для региона в прошлом большего по площади и включавшего частично или полностью одну или несколько единиц современной сетки АТД РФ. Из-за недоучета площадных изменений с 1939 по 2002 г. пересчет возрастного и этнического состава современных регионов для территорий «старого образца» затруднен, поэтому в соответствующих столбцах после «общей численности населения» приводятся статданные для каждого из современных регионов.

В демографической составляющей общей тенденцией для большинства регионов страны является уменьшение доли детей и подростков и увеличение доли пожилых, при небольшом (по нашему мнению, «инерционном») возрастании доли трудоспособного населения. Исключением из нее можно считать «национальные территории» Северного Кавказа, Среднего Поволжья и Сибири, где сохраняется традиция многодетной семьи и почитания пожилых. Кроме этого в республиках Южного федерального округа относительно низка доля трудоспособного населения (прежде всего, из-за высокой доли представителей молодых и пенсионных возрастов, а также оттока трудоспособного населения в регионы страны, характеризующиеся недостатком рабочей силы), на других из выше названных территориях преобладающим фактором расширенного воспроизводства являются сравнительно высокие показатели рождаемости при прочих усредненных, с регионами явного преобладания русского населения, показателях.

Положительной тенденцией этнического развития в пределах как преимущественно мононациональных, так и многонациональных регионов, в сравнении с 1939 г., мы считаем сохранение значения «этнических меньшинств». Примеры: кроме Татарстана, где титульная нация составляет «неоспоримое» большинство, татары «фиксируются» как вторая или третья по численности народность еще в 15-ти региональных социумах; в большинстве российских регионов «не стирается» в процессе их хозяйственного освоения самобытное значение украинского и, несколько в меньшей степени, белорусского населения, сохраняющие здесь свои диаспоры. Но для нас также значимы и менее выразительные случаи, когда этническим группам, не превышавшим в 1939 г., скажем 3%-го «порога» к 2002 г. удается «сохранить себя для статистики» (т.е. иметь более одного процента в

многонациональном региональном социуме и тем самым зафиксировать себя в качестве «самостоятельной группы», а не в «прочих»), хотя имеются случаи и повышения доли национального меньшинства к настоящему времени в сравнении с «начальным периодом». В последнем случае мы не предполагаем насильственный захват территорий и вытеснение одной этнической группы другой, а имеем в виду бесконфликтное становление этносов. Но, начиная с 90-х гг. XX в. можно привести множество примеров роста агрессивных настроений в межнациональных отношениях.

В наибольшей степени это относится к значительному числу регионов Северного Кавказа (религиозное «внутринациональное» давление преобладающего на представителей других вероисповедальных направлений; вытеснение русского населения из районов национальных республик с превалированием одной или нескольких этнических групп; межнациональные, в том числе вооруженные, конфликты при территориальных и экономических спорах и т.п.), т.е. описываемые подходы, на наш взгляд, показывают возможность выявления этнодемографических процессов в регионах даже при фиксации только их «начального» и «конечного» состояний.

Предварительные выводы

Распад СССР и последовавшие за этим социально-экономические реформации в бывших союзных республиках, ныне ставших самостоятельными государствами, послужили главными причинами формирования нового, постсоветского этнодемографического пространства. В современной России роль Закавказского и Среднеазиатского демографических анклавов (характеризовавшихся высоким уровнем рождаемости, зачастую слабой структурной дифференциацией трудового потенциала и повышенной долей населения в пенсионном возрасте) переходит на Северный Кавказ. Большинство регионов других частей страны в последнее 10-летие характеризуется либо нулевым, либо отрицательным приростом населения. И в целом Россия, с позиции демографического развития, становится страной «европейского типа», со все более сужающимся воспроизводственным циклом. Все еще высокая (но медленно и неуклонно сокращающаяся) доля трудоспособного населения становится явлением, которым не удастся эффективно распорядиться в настоящее время и которое мы рискуем безвозвратно потерять в предстоящие 5–10 лет. Но инициативы центральной власти последнего времени направлены на коренное изменение ситуации в лучшую сторону как в области

демографии, так и сфере занятости. И, кроме этого, в отдельных регионах (ряде национальных территорий, бездотационных субъектах РФ) эти проблемы решались уже несколько ранее за счет внутренних резервов.

Этносоциальное развитие страны последних лет сопровождается нарастающим числом негативных аспектов. Стали возможными проявления национального шовинизма, расовой нетерпимости, религиозные конфликты. Не перечисляя их далее, следует отметить, что у России как у многонационального, многоконфессионального и светского государства имеется огромный опыт и значительные внутренние резервы для бесконфликтного и правового разрешения споров представителей разных слоев и групп вновь формирующихся внутренних социально-политической и экономической структур.

Литература и источники

1. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М.: Наука, 1992. 256 с.
2. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2002 г. Статистический сборник. М., 2002.
3. Географический энциклопедический словарь. Географические названия. М.: Изд-во «Большая российская энциклопедия», 2003. 903 с.

Приложение

Рабочая таблица для сопоставления возрастных и этнических групп населения по российским регионам на 1939 и 2002 гг.

Регионы	Общая численность населения, тыс. чел. (1939 г., 2002 г.)	Возрастные группы населения, (в % от общей численности населения, возраст в годах)					Национальный состав населения (в % от общей численности населения)							
							1) Русские	2)	3) Татары	4) Украинцы	5)	6)	7)	8) Другие
		до 15 лет	15-60 лет	60 лет и бол.	60 лет и бол.	60 лет и бол.								
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13		
Воронежская обл.	3551,3 3644,6-	37,9	56,4	6,7	87,7		11,3						1,0	
					96,7		1,4						1,9	
+Липецкая обл.	1228,9	16,9	57,6	25,5	93,4		5,0						1,6	
Ивановская обл. +	2649,4	37	55,9	7,1	97,8		0,6						2,6	
Владимирская обл.	2765,0-	16,0	59,4	24,4	95,8								1,6	
	1573,9	16,6	59,6	23,8	95,8								4,2	
Курская обл.+	3143,1	29,5	49,0	6,3	95,0		4,4						0,6	
	2782,5-	17,5	57,9	24,6	96,9								3,1	
Белгородская обл.	1498,0	18,2	58,7	23,1	92,9		5,5						1,6	
Московская обл.	4780,2	32,3	61,7	6,01	93,7		1,1		0,7 ³	0,5 ¹	1,1 ⁶	0,9		
	6409,7	15,5	60,9	23,6	93,5								3,7	
г. Москва	4137,0	24,0	70,3	5,7	87,4	0,6 ¹	1,4	2,2	0,5 ³	0,3 ⁴	6,0 ⁶	1,6		
	8539,2	15,8	59,9	24,3	89,7			2,9			2,0 ⁶	5,4		

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Орловская обл.	3532,7	40,4	52,9	6,7	97,3			0,9			1,0 ₆	0,8
	2293,9-1410,3	17,2	58,7	24,1	97,0							3,0
+Брянская обл.		18,3	57,9	23,8	96,0							4,0
	2267,9	40,8	51,3	7,9	98,4			0,5				1,1
Рязанская область	1255,0	16,3	57,8	25,9	96,1							3,9
	2686,0	38,4	53,4	8,2	96,6			0,7	0,6 ₁		1,2 ₆	0,9
Смоленская обл.	2157,2-	16,8	60,3	22,9	94,1							5,9
	1058,9	16,8	60,2	23,0	93,8			2,8				3,7
+Калужская обл.		39	53,7	7,3	98,6			0,6				0,8
	1887,9	17,1	57,7	25,2	97,2							2,8
Тамбовская область	1240,1	17,1	57,7	25,2	97,2							1,2
	3213,1	35,5	54,9	9,6	93,7			0,6	0,3 ₇	3,7 ⁴	0,5 ₆	5,3
Тверская (Калининск.+часть Пековской) обл.	1552,3	16,5	58,7	24,8	94,7					1,4 ⁴		5,1
					93,5							0,9
Тульская область	2048,7	37,2	56,0	6,8	96,1		0,5	2,2			0,3 ₆	4,6
	1690,0	15,5	57,8	26,7	95,4							1,6
Ярославская обл.	2284,3	34,6	57,3	8,1	96,6		0,6	1,2				3,6
	2152,7-	16,0	59,9	24,1	96,4							3,7
+Костромск.обл.	766,4	17,7	59,2	23,1	96,3							4,1
	468,9	32,5	62,0	5,5	63,2	23,2	0,7	4,5	0,5 ³	1,8 ₃	2,0 ⁹	16,4
Республика Карелия	756,4	18,2	63,2	18,6	73,6	10,0						3,6
	319,0	36,7	56,1	7,2	22,0	72,5	1,9					10,6
Республика Коми	1117,2	19,2	66,5	14,3	57,7	23,3	8,3					2,0
	1216,7	34,4	58,8	6,8	93,7		0,3	2,4	0,5 ⁸	0,9 ₁		4,0
Архангельская обл.	1428,9-	18,6	63,3	18,1	92,1			3,4	0,5 ⁸	12 ⁵⁾		12,6
	44,9	23,1	60,6	21,0	65,8	9,5 ²						
(+Ненец.а.о.)												

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Вологодская обл.	1661,3	37,7	54,1	8,2	97,6			1,0			0,3 ⁹	1,1
	943,2	18,4	60,6	21,0	96,5							3,5
Мурманская обл.	291,2	30,1	66,7	3,2	84,0	1,3 ⁴	1,5	5,8	0,8 ³	1,5 ₃	1,4 ₁	3,7
	977,6	16,9	68,2	14,9	82,9			9,0				8,1
г. Санкт-Петербург	3191,3	23,5	70,2	6,3	87,0	0,6 _н	1,0	1,7	1,0 ₁	0,3 ₈	6,3 ₆	2,1
	4596,2	14,8	61,6	23,6	89,1			3,0				7,9
Ленинградская обл.	3240,7	34,5	57,3	8,2	90,6	0,4 ₁	0,4	1,1	0,5 ⁹	3,3 ₃	0,5 ₆	3,2
	3138,4-	16,3	62,1	21,6	90,9			3,0				6,1
+Новгородская +Исковская обл.	710,9	17,1	59,6	23,3	94,7							5,3
	778,0	16,9	59,3	23,8	94,3							5,7
Республика Дагестан	930,4	39,3	50,7	10,0	14,3	73,4	0,5	1,2	3,4 ₅	0,5 ₈	1,2 ₆	5,5
	2179,5	31,5	55,7	12,8	9,2	78,6						10,6
Чеченская и Ингушская республики	697,0	41,1	50,3	8,6	28,8	52,9	0,6	1,3	+12	1,2 ₄	0,6 ₆	2,6
	1090,9-	19,0	58,0	23,0	24,8	66,0			2,3			6,9
Кабардино-Балкар. республика	466,3	24,7	57,9	17,4	13,2	10,3			74,5			2,0
	369,2	38,8	53,9	7,3	35,9	42,4	1,5 ₈	3,1	+11	1,3 ⁰	1,0 ₆	3,8
Респ. Северная Осетия	783,0	24,7	57,9	17,4	32,1	48,2			+9,4			10,3
	329,2	37,3	55,9	6,8	37,2	50,3	0,9 ₈	0,6 ₂	1,9 ₉	2,7 ₄	0,5 ₆	5,9
Республика Адыгея	624,6	32,0	55,8	12,2	29,9	53,0			5,2 ¹	2,7 ₄		9,2
	241,8	37,1	56,4	6,5	71,1	22,8		2,5				3,6
Краснодарский край (без Адыгеи)	445,0	19,5	57,8	22,7	68,0	22,1		3,2				6,7
	2930,8	35,4	51,5	5,3	86,8	+0,3	0,4 ₁	4,7	1,3 ₉	1,9 ₄	1,1 ₈	3,5
	4487,6	19,2	58,4	21,7	86,7			3,9		3,7 ₄		5,7

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Караево-Черкесская респ.	244,7	39,3	51,6	7,2	48,5	6,6		0,9	28	4,0 ¹		12,0
	429,6	22,9	58,1	19,0	42,4	31,1			9,7	9,8 ¹		7,0
Ставропольск. край (без К-Черк)	1706,2	37,4	57,0	5,6	82,4	0,3	0,4	2,6	2,4 ¹	1,7,4	0,4,6	9,8
	2642,6	19,9	58,4	21,7	84,0			2,6		2,9,4		6,7
Калмыцкая респ.	220,7	38,9	55,0	6,1	45,7	48,6	1,1		1,2,0	1,9,8		1,5
	1374,2-	25,3	59,8	14,9	37,7	45,1			1,9,0	6,6 ¹		8,7
+ Астраханск. обл.	1068,6	20,2	61,0	18,8	72,1		7,2		12,8			8,0
Волгоградская (Сталингр.) обл.	2280,1	34,2	58,8	7,0	87,5		2,8	3,6	3,2,0	0,4 ^к	0,4,6	2,1
	2636,5	18,0	59,4	22,6	89,1			3,1				7,8
Ростовская обл.	2892,6	35,7	59,8	6,5	90,3	1,7,4	0,4	3,8		0,3 ^к	1,2,6	3,3
	4286,1	17,8	59,3	22,9	89,6			4,2				6,2
Республика Башкортостан	3159,0	43,9	49,5	6,6	40,6	21,2	24,6	2,9	1,8 ³	2,9 ⁶	3,4 ⁰	2,6
	4090,6	21,7	58,8	19,5	39,3	21,9	28,4		2,7 ³		3,0 ⁰	4,7
Республика Марий-Эл	579,6	38,5	55,0	6,5	46,0	47,2	4,7				0,9 ⁰	1,2
	750,3	20,4	61,2	18,4	47,5	43,3	5,9					3,3
Республика Мордовия	1188,0	39,8	53,2	7,0	60,5	34,1	4,0	0,7	0,2,1			0,5
	910,0	18,1	59,6	22,3	60,8	32,5	4,9					1,8
Республика Татарстан	2915,3	41,1	51,9	7,0	42,9		48,8		1,2 ³	0,5 ⁶	4,8 ⁰	1,9
	3768,2	20,4	59,5	20,1	43,3		48,5					4,5
Удмуртская Республика	1219,4	48,3	44,6	7,1	55,7	39,4	3,3	0,5		0,5 ⁶		0,6
	1616,2	20,2	62,1	17,7	58,9	30,9	6,9					3,3
Чувашская Республика	1076,8	40,2	54,1	6,7	22,4	72,2	2,7		2,1 ³			0,6
	1346,3	20,5	60,1	19,4	26,7	67,8	2,7					2,8
Кировская обл.	2226,2	38,2	54,1	7,7	93,3		1,4	2,2	0,5 ²	2,6 ⁶		
	1560,0	17,5	60,7	21,8	90,4		2,7			2,7 ⁶		4,2

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Нижегородская (Горьковская) обл.	3869,9	37,3	56,0	6,7	93,5		2,3	0,7	2,1 ³	0,2 ⁶	0,5 ⁶	0,7
	3598,3	16,7	59,3	24,0	94,7							5,3
Оренбургская (Чкаловская) обл.	1676,7	40,5	53,9	5,6	69,1	1,3 ⁷	6,3	9,1	6,9 ³	1,1 ⁰	4,3 ⁰	1,9
	2199,4	20,5	59,9	19,6	72,2	2,5 ⁷	7,3	4,7			5,1 ⁰	5,3
Пензенская обл.	1710,5	39,2	53,7	7,1	86,8		3,8	0,7	7,8 ³	0,4 ⁰		0,5
	1504,1	17,1	59,4	23,5	86,2		5,4		5,7 ³			2,7
Пермская (Молотовская) обл. +Коми-Пер.А.О	2087,5	35,1	57,2	7,7	84,7	5,9 ⁹	3,9	1,3	1,4 ⁷	0,4 ⁰	0,5 ⁵	1,9
	3071,5-147,8	19,3	61,6	19,1	83,8		4,9					7,3
Саратовская обл. +Авт.респ.Немцев	1798,5+606,5	35,8	57,9	6,3	86,9	2,4 ⁸	1,2	5,4	1,3 ³	1,3 ⁰ 1,5 ⁰		1,5
		39,1	56,7	4,2	25,7	60,4	0,7	9,6	0,5 ³			1,6
Поволжья	2676,4	17,9	60,0	22,1	85,6			3,8		2,7 ⁰		7,9
Самарская обл. (Куйбышевская) +Ульяновская обл.	2766,4	37,7	55,6	6,7	79,1	0,4 ⁸	4,7	2,1	6,9	5,3 ⁰	0,4 ⁶	2,1
	4698,3-1439,6	17,3	61,7	21,0	83,4		3,5	2,5	3,6 ⁵	3,6 ⁰		3,4
Свердловская обл.		18,4	60,9	20,7	72,8		11,4		4,4 ⁵	8,3 ⁰		3,1
	2511,3	35,5	58,5	6,0	91,4	0,3 ⁶	3,2	1,7	0,4 ⁵	0,6 ⁶	0,4 ⁶	1,6
	4544,9	19,5	59,4	21,1	88,7		3,9					7,4
Челябинская обл. +Курганская обл.	2801,9	38,0	55,7	6,3	87,2	2,5 ⁶	4,3	3,0	0,7 ³	1,0 ⁰		1,3
	4703,1-1072,4	18,6	60,8	20,6	81,0	4,5 ⁶	6,2	3,0				5,3
Омская обл. +(Тюм.обл. с двумя А.О):	2378,4	40,7	52,4	6,9	79,5	2,2 ⁰	3,9	6,7	0,3 ³	2,5 ⁸	1,6 ⁸	3,1
	5399,2-1339,5	19,5	61,6	18,9	80,3	6,5 ⁰	2,3	4,9	-	6,3	-	2,7
Тюменская обл. -Хант-Манск.А.О. -Ямал-Ненец.А.О.	1423,8	21,8	70,3	7,9	72,6		7,3	11,6	8,4 ¹	0,5 ^м	2,2 ¹	11,7
	508,9	22,9	70,6	6,5	66,3	2,4 ¹	7,6	17,2	0,9 ^х		2,6 ¹	8,5
					59,2	4,2 ¹	5,3		1,8 ⁸			9,7

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Респ. Алтай (Ой-ротская А.О.)	114,2	40,8	52,3	6,9	70,4	24,2				2,7 ₀		2,7
	204,9	26,2	59,0	14,8	60,4	31,0				5,6 ₀		3,0
Алтайский край (без Ойрот. обл.)	2384,4	41,3	52,3	6,4	85,6			8,0	1,3 ₈	1,2 ₀	1,2 ³	2,7
	2621,0	18,3	61,6	20,1	89,5			2,9	4,8 ₈			2,8
Республика Бурятия	545,8	37,4	57,0	5,6	72,1	21,3	0,7	2,5		0,7 ₆	0,3 ⁸	2,4
	1019,4	23,1	61,1	15,0	70,0	24,0	-	2,2				3,8
Республика Хакасия	272,7	40,0	53,9	6,1	75,2	16,8		2,9				5,1
Красноярский край с двумя авт. окр.	575,4	18,3	61,6	20,1	79,5	11,1		2,3	2,0 ₈			5,1
	1687,8	39,0	54,5	6,5	86,1	0,2 [*]	1,8	2,7	1,3 ⁵	0,3	0,6 ⁸	7,0
	3015,3	19,6	63,2	17,2	87,6			3,5				8,9
Иркутская обл. с У-Орд. Бур. АО	1304,0	37,2	57,0	5,8	84,2	⁺ 4,9	2,3	3,6	1,1 ₁	0,7 ₆	0,2 ⁸	4,1
	2712,9	21,1	62,2	16,7	88,5	⁺ 2,7		3,5				5,3
Новосибирская обл. +Томская и Кемеровская о.о.	4050,3	39,7	54,0	6,3	88,7		1,5	3,2	1,3 ³	1,0 ⁰	0,3 ₆	4,0
	6718,7- 1060,8 2940,5	17,7 18,4 18,4	61,8 64,7 61,7	20,5 16,9 19,9	92,1 88,2 90,5			2,6 2,1	2,2 ₈			5,7 9,2 5,4
Читинская обл. с А-Бурятск.А.О.	1158,6	38,6	57,2	4,2	86,8	⁺ 2,9	1,6	0,9 ₁	0,8 ³	0,4 ⁸	0,4 ₆	7,1
	1237,2	22,5	62,5	15,0	88,4	⁺ 4,8		2,8				4,0
Республика Саха (Якутия)	413,2	34,1	57,1	8,8	35,5	56,5	1,1	1,0	0,4 _к	0,3 _с	3,4 ⁸	1,8
	982,9	25,8	63,5	10,7	50,3	33,4		7,0				9,3
Амурская обл.	448,3	39,9	55,4	4,7	76,0		0,5	17,4	1,1 ³	2,3 ₁		2,7
	982,2	20,2	64,4	15,4	86,8			6,7				6,5
Камчатская обл. с Корякским А.О.	132,8	30,4	67,5	2,1	70,7			4,7	1,6 ³		20 ⁸	3,0
	380,2	18,2	69,9	11,9	81,0			9,1		1,5		8,4

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Сахалинская обл.	99,9	38,0	59,6	2,1	82,9			7,1	2,3 ¹			7,7
	584,7	18,7	66,9	14,4	81,6			6,5		5,0		6,9
Еврейская авт. область	108,9	34,9	62,2	2,9	68,9	16,2		9,1	1,7 ³	1,3 ₁		2,8
	194,6	21,1	62,6	16,3	83,2	4,2		7,4				5,2
Хабаровский край +Магаданск. о. и Чукотск. А.О.	669,8	33,9	61,8	4,3								
	1788,8-	18,8	64,8	16,4	86,4			6,1				7,5
	229,2	17,8	70,5	11,7	75,2			14,9				9,9
	73,8	19,8	70,1	10,1	66,1			16,8		7,3		9,8
Приморский край	906,8	34,4	61,8	3,8	74,7	1,0 ₁	1,2	18,6	1,7 ³	0,6 ₆		1,6
	2124,7	18,3	64,4	17,3	86,9			8,2				4,9
Республика Тыва	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.								
Калининградская область	310,3	31,4	58,3	10,3	32,0	64,3						3,7
	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.								
	943,2	17,5	63,9	19,6	78,5			7,2	8,5 ₁	2,1 _л		3,7

Примечание: По верхним строкам двух последних регионов «н.д.» означает «нет данных», так как в состав РСФСР на 1939 г. они не входили; в столбцах с 6-го по 13-й показан этнический состав населения регионов; из них четыре столбца закреплены за следующими этническими группами: 6-й – русские; 8-й – татары; 9-й – украинцы; 13-й – другие=прочие; 7-й столбец «отдан» титульному народу (народности) национальных регионов; этническая принадлежность остального населения в регионах показана преимущественно в 8-м, 10–12-м столбцах посредством «присвоения» процентному показателю дополнительного числа в верхнем или в нижнем регистре, означающего в верхнем регистре: 0 – чувашей, 1 – народности Кавказа, 2 – коми, 3 – мордву, 4 – карелов, 5 – удмуртов, 6 – марийцев, 7 – башкиров, 8 – народы Севера, 9 – вепсов, а буквы х – ханты, м – манси, о – осетины; в нижнем регистре: 0 – казахов, 1 – белорусов, 2 – греков, 3 – финнов, 4 – армян, 5 – азербайджанцев, 6 – евреев, 7 – грузин, 8 – немцев, 9 – греков, буквами: л – литовцев, э – эстонцев, ко – корейцев, с – китайцев. Знак «+» перед числовым показателем означает вторую титульную народность национальной территории.

В.В. Фаузер*

**Финно-угорские народы:
история демографического развития****

Россия по праву считается одним из самых многонациональных государств мира, объединяющим более 140 народов. Наиболее многочисленные, или наоборот, малочисленные имеют свои национальные образования (республики, округа), каждый из народов имеет свои национально-культурные особенности, специфику в хозяйственной деятельности и социально-профессиональной структуре.

В многообразном мире российских народов не одно столетие развивается самобытная группа финно-угорских народов. Эти народы объединяет, прежде всего, принадлежность к одной языковой группе. Исторически к финно-угорской этнической группе относятся: венгры, водь, вепсы, ижорцы, карелы, коми, коми-пермяки, ливы, марийцы, манси, мордва, саамы, удмурты, финны, ингерманландцы, ханты, эстонцы и др.

Финно-угры уже в древности являлись одним из наиболее крупных этнокультурных образований Евразии. Их родство и происхождение из одного ареала установлено на основе данных сравнительного исторического языкознания. В лексике любого языка представлен первичный основной слой, в который входят многие термины, имеющие общую корневую основу в большинстве родственных языков.

В процессе длительного исторического развития финно-угорской общности происходит разделение ее на финно-пермскую и угорскую группы. К современным угорским языкам относятся венгерский, мансийский и хантыйский, к финно-пермским – пермские (коми и удмуртский), волжские (марийский и мордовский), прибалтийско-финские (Финно-угорские народы России, 2005. С. 9).

Финно-угорские народы по территории своего проживания выходят далеко за границы России. Поэтому наиболее часто в научной лексике можно встретить выражение «финно-угорский мир». Понятие «финно-угорский мир» не что-то новое, оно употреблялось в работах

*Фаузер Виктор Вильгельмович (Сыктывкар) – доктор экономических наук, зав. отделом социальных проблем Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, зав. кафедрой менеджмента Сыктывкарского госуниверситета.

**Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06-02-00228).

финно-угроведов еще в начале прошлого века и обозначало, прежде всего, наличие родственных языковых связей между финно-угорскими народами. И в этом контексте слово «мир» обозначает человеческое сообщество, объединенное языковым признаком.

Формирование понятия «финно-угорский мир» было обусловлено историческими связями народов, входящих в одну из ветвей уральской языковой семьи. Принадлежность к этой семье позволила народам, входящим в эту группу, начать процессы более тесного научного и культурного взаимодействия. Эти процессы послужили началом формирования информационно-культурного пространства между народами данной группы. Таким образом, понятие «финно-угорский мир» в конце XX в. включает в себя народы, объединенные общностью языкового происхождения, активно сотрудничающие в сферах культуры, науки, политики, экономики и экологии (Попов, Уварова, 2004. С. 553, 555).

В последние десятилетия судьбы отдельных национальностей стали привлекать к себе особое внимание как отечественных исследователей, так и зарубежных ученых. Возрастающее осознание общественной значимости этнического фактора и рост этнического самосознания являются, безусловно, условиями, способствующими повышению научной актуальности этой тематики (Лаллукка, 1997. С. 9).

Неподеленный интерес в этнической тематике ученые проявляют к финно-угорским народам. Уже не одно десятилетие крупные научные центры, научные коллективы из национальных образований исследуют разные стороны жизнедеятельности этих народов. Если обратиться к истории, то можно констатировать примечательный факт, что уже в 1947 г. состоялся первый научный форум финно-угроведов в Советском Союзе в г. Ленинграде. До X Всесоюзной конференции в подобных форумах принимали участие исключительно представители лингвистической науки. В дальнейшем к ним присоединились археологи, антропологи, этнографы, фольклористы, литературоведы и историки. Символично, что такой комплексный подход к финно-угроведению был закреплён на XI Всесоюзной конференции, проходившей в г. Сыктывкаре в 1965 г. Кроме этого, Республика Коми принимала у себя Всесоюзную конференцию финно-угроведов в 1979 г., а в 1985 г. – VI Международный конгресс финно-угроведов. Через 20 лет в 2004 г. в Сыктывкаре проходит III Всероссийская научная конференция финно-угроведов (Приветствие Главы Республики Коми, 2005. С. 3). В 2005 г. в г. Йошкар-Ола прошёл III Международный исторический конгресс финно-угроведов: «Формирование,

историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов».

На сегодняшний день ни одно этническое образование России не имеет такого богатого опыта изучения своих корней, культуры, быта, социально-экономического развития. Внутренние связи финно-угорских народов России выходят далеко за ее пределы. Однако, по мнению финского ученого С.Лаллукка, на российской национальной сцене роль, отведенная финно-угорским народам, не является ведущей. Кроме того, он пишет, что внутренняя несхожесть финно-угорской группы значительна: численность пятнадцати народов, выделенных в опубликованных результатах переписи (1989 г. – *Авт.*), варьирует от нескольких сотен ижорцев до более миллиона мордвы. Ведется полемика, затрагивающая не только самые малочисленные, но и некоторые средние по численности народы, относительно того, формируют ли они собственную нацию или нет. К тому же, по всей вероятности, некоторые из этих народов обречены на постепенный упадок и вымирание (Лаллукка, 1997. С. 9).

Такие и подобные им высказывания безо всякого злого умысла привели в конечном итоге к тому, что в последние пять-десять лет вокруг этого этнического образования стали появляться вначале отдельные реплики, а затем утвердительные мнения, что финно-угорские народы в Российской Федерации находятся на грани вымирания, а власть имущая спокойно за этим наблюдает. Особенно остро данная полемика звучит в канун региональных выборов в национальных республиках и на научных форумах финно-угорских народов. При этом даже не специалисту видно, что за всем этим стоят чьи-то личные, политические интересы, нежели проверенные наукой факты. Кроме всего прочего, глубоких социально-демографических исследований по финно-угорским народам, насколько нам известно, не было. Учитывая все это, мы решили восполнить (или дополнить) имеющий место пробел по демографическому развитию финно-угорских народов, посвятив этому настоящий доклад.

Сегодня в арсенале ученых для изучения демографической динамики финно-угорских народов за относительно длительный исторический период есть достоверная информация. Таковой в настоящее время являются Всероссийские переписи населения. В XX в. их было проведено шесть. Последняя Всероссийская перепись населения была проведена 9 октября 2002 г.

В научных трудах отечественных и зарубежных ученых имеются отдельные исследования по финно-угорским народам, где рассмот-

рены образование, уровень жизни, отчасти демографические процессы и т.д., но последний исторический период (1989–2002 гг.) не стал предметом особого внимания ученых. Вследствие чего более пристальное внимание мы решили уделить последнему межпереписному периоду: 1989–2002 гг. Интерес к этому историческому периоду времени не случаен. Именно в эти годы произошли события, которые радикальным образом отразились на всех социально-экономических процессах. Не миновала «перестроечная» участь и финно-угорские народы. За исключением финнов, из развитого социализма они все в одночасье перескочили в мир капитализма. Последствия для каждого народа были разные. Большая часть финно-угорских народов бывшего Союза ССР осталась жить на территории Российской Федерации, эстонцы стали основой для образования самостоятельного государства, для финнов практически ничего не изменилось, если не считать того, что им стало проще посещать своих собратьев по этнической группе.

Каждый финно-угорский народ по-своему стал вписываться в рыночные механизмы социально-экономического развития. У одних народов это получилось лучше, у других хуже. Все зависело, в каком окружении, в каких условиях развивался этнос. Финны продолжили развивать индустриально развитое общество, венгры, как и российские финно-угры, стали осваивать премудрости капиталистического рынка.

Таким образом, конец XX в. стал временем смены государственной (социалистической) собственности на капиталистическую. Наиболее ощутимые потери при этом понесла социальная сфера: был практически полностью упразднен механизм государственной социальной защиты населения. Были отменены основные гарантии и компенсации государства по защите семьи и детства. Многие стали связывать крах социализма с депопуляцией народов России, в том числе и финно-угорских народов. Поэтому вопрос о совпадении в 1990-х гг. демографического кризиса с кризисом социально-экономического развития государства, что послужило причиной, а что явилось следствием, оставим за рамками настоящего доклада, а заинтересованного читателя отошлем к работам (Демографическое будущее России, 2001; Почему вымирают русские, 2004).

Действительно, последние 10-15 лет XX в. стали «черными» для демографической динамики всего российского народа, в том числе и для финно-угорских народов. Резкое снижение естественного воспроизводства населения России явилось следствием наложения двух

неблагоприятных тенденций: обвального снижения рождаемости и значительного роста смертности. Если снижение рождаемости прогнозировалось давно, то значительный рост смертности оказался для большинства ученых и практиков полной неожиданностью. Не секрет, что если в стране долгие годы наблюдается снижение рождаемости, а смертность населения постоянно растет, то перспектива депопуляции становится неотвратимой.

Первые четыре года двадцать первого века не изменили динамику воспроизводства населения, в то время как депопуляционные процессы по-прежнему набирают силу. Это стало возможным потому, что на уровне государства и субъектов федерации нет определенной социальной политики по увеличению рождаемости и снижению смертности. Прогнозы на ближайшую перспективу не отличаются оптимизмом. Мы все увереннее идем от одно-двухдетной семьи к однодетной. К чему это может привести? По этому поводу известный российский социолог-демограф Антонов пишет, что «эта острая социальная проблема не считается общественным мнением проблемой вовсе, поскольку в основе ее – привычная малодетность семьи, когда в семьях рождается и имеется 1-2 ребенка, что является «мало» даже для сохранения существующей численности, для простого воспроизводства населения. По расчетам видного российского демографа В.А. Борисова, в среднем при 1,5-детной семье население страны уменьшается наполовину через 50 лет, при однодетности – через 24 года» (Антонов, 2004. С. 38).

На общем фоне депопуляции российского народа есть отдельные территории, где режим воспроизводства населения имеет положительную динамику. Есть народы, где, наоборот, демографическая динамика выпадает из общероссийских тенденций в худшую сторону. К сожалению, финно-угорские народы относятся к этой группе. Именно это обстоятельство, еще раз это подчеркну, явилось основанием для нападок (претензий) западных и отечественных оппонентов об ущемлении интересов финно-угорских народов.

Учитывая особый интерес общественности к развитию именно данной этнической группы, в докладе была поставлена цель – выявить общие тенденции и специфические особенности развития финно-угорских народов, русских, а также населения Российской Федерации в целом. Это сравнение необходимо для того, чтобы получить полную и объективную картину демографического развития как финно-угорских народов, так и русских на фоне общей динамики российского народа. Хотелось бы также заметить, что в России во все вре-

мена этнические образования (АО, АССР) имели несколько отличную от общей демографическую динамику, что находило отражение в более высоких общих коэффициентах воспроизводства населения. Это отличие сохраняет свое значение и в настоящее время, хотя и выражено не так ярко.

Предваряя анализ, сделаем одно методическое пояснение по используемой в докладе информации. Федеральные органы статистики по материалам переписи предоставляют информацию в разрезе отдельных национальностей, при текущем учете населения по территориям основного проживания того или иного народа. Однако несмотря на такое допущение, применяемый подход позволяет получить только общее представление о демографической среде проживания финно-угорских народов.

Динамика численности финно-угорских народов. Если посмотреть на динамику финно-угорских народов за последний межпереписной период, то видно, что у 11 из 14 народов произошло абсолютное уменьшение их численности. Лишь у трех народов – манси, саамов и хантов – шло увеличение численности, при этом у манси и саамов на всем протяжении XX в. В целом за 1989–2002 гг. финно-угорская группа уменьшилась на 480,3 тыс. чел., что составляет 17,7% от их численности в 2002 г.

Уменьшение финно-угорской группы связано со значительным уменьшением таких народов, как: мордвы – на 229,6 тыс., удмуртов – на 78,1 тыс., коми и коми-пермяков – на 64,4 тыс., марийцев – на 39,7 тыс. и карелов – на 31,7 тыс. чел. На эти народы приходится 92,3% общих потерь их численности.

Материалы российских переписей позволяют проследить динамику финно-угорских народов за более длительный период времени – 1926–2002 гг. Имеющиеся за 76-летний период данные показывают, что численность финно-угорской группы сократилась на 554,6 тыс. чел. На общую динамику финно-угорских народов оказывало влияние развитие каждого народа в отдельности. Поэтому, чтобы получить достаточно полную и достоверную картину развития финно-угров, необходим развернутый анализ развития каждого народа. К аналогичным выводам пришел Д.Д.Богоявленский, исследуя демографическое развитие народов Севера за аналогичный период. Он отмечает, что поскольку такой прирост (очень разный – В.В.) наблюдался далеко не у всех народов Севера, и «недемографические» рост или убыль у них сильно разнятся, правильно разобраться с современной этнодемографической ситуацией у народов Севера можно,

только рассматривая ее по каждому народу и по отдельным территориям расселения. Ведь объединяя народы Севера в одну группу и оперируя этим термином, мы нередко забываем, что это очень разные народы (Богоявленский, 2005. С. 59).

Если посмотреть, как происходило изменение численности финно-угорских народов в отдельные исторические периоды, то можно констатировать, что оно шло по синусоиде: рост численности в один межпереписной период обязательно сменялся убылью населения в следующий период. При этом величина положительных амплитуд была на порядок ниже отрицательных. Остановимся на каждом периоде подробнее.

Первым достаточно крупным провальным демографическим периодом в развитии финно-угорских народов были 1939–1959 гг. – убыль составила 335,9 тыс. чел. На этот исторический отрезок времени пришлось годы политических репрессий, вторая мировая война, послевоенные репрессии и т.д. Для нормального воспроизводства населения это были не лучшие годы. Второй период убыли населения – с 1970 по 1979 г. – был не таким масштабным по потерям, он дал отрицательный прирост населения в 62,3 тыс. чел. И, наконец, третий период рубежа веков стал самым масштабным по потерям населения.

Таким образом, можно отметить, что демографические потери финно-угорских народов имели место на всем протяжении XX в., но особенно катастрофические потери произошли в последние 10-15 лет. Как результат уменьшения абсолютной численности финно-угорских народов их доля в населении России уменьшилась с 3,5% в 1926 г. до 1,9% в 2002 г. При этом каждый народ имел свое демографическое развитие. Среди финно-угорских народов за 76 лет наибольшее уменьшение произошло у ижорцев – с 17,0 до 0,3 тыс. чел. или в 56,7 раза; у эстонцев – со 150,0 до 28,1 тыс. чел. (в 5,3 раза); у вепсов – с 33,0 до 8,2 тыс. чел. (в 4 раза); у финнов – с 134,0 до 34,1 тыс. чел. (в 3,9 раза) и у карелов – с 248,0 до 93,3 тыс. чел. (в 2,7 раза). Такое значительное уменьшение абсолютной численности этих народов только демографическими факторами объяснить нельзя. Здесь, скорее всего, играли не последнюю роль факторы ассимиляции и факторы самоопределения себя с той или иной национальностью, в зависимости от «политической и экономической полезности» национальности.

Население России. Население России за 1926–2002 гг. увеличилось на 52 млн. 431,7 тыс. чел. или на 156,5%, т.е. более чем в полтора

раза. Имея в целом положительную динамику роста населения, в последний межпереписной период население России уменьшилось на 1 млн. 855,2 тыс. чел., что составляет 1,3% от общей численности населения в 2002 г.

Что касается демографической динамики русских, то здесь можно констатировать следующее. Их численность в XX в. увеличилась с 74,1 млн. до 115,9 млн. чел. или на 41,8 млн. чел. (156,4%). В отличие от финно-угорских народов в XX в. демографическая динамика русского населения всегда была положительная. Лишь на стыке последних двух веков и у них произошло абсолютное уменьшение численности. С 1989 по 2002 г. численность русских уменьшилась со 119,9 млн. до 115,9 млн. чел., уменьшение составило 3 млн. 977 тыс. чел. Менялся и удельный вес русских во всем населении России. Так, доля русских с 1926 по 1959 г. росла, а затем стала уменьшаться и к 2002 г. практически стала такой же, как и в начале XX в.

Можно отметить, что в конце XX в., начале XXI в. по России в целом и русскому этносу в отдельности, имела место та же демографическая динамика: рост населения на протяжении 1926–1989 гг., а затем существенное его уменьшение после 1989 г. Конечно, масштабы убыли здесь проявились не в таком размере, как у финно-угорских народов, но этому есть объяснение. В 1990-е гг. со всего бывшего постсоветского пространства шло вытеснение русскоязычного населения. Это обстоятельство сдерживало убыль населения России за счет положительного сальдо миграционного обмена с бывшими союзными республиками.

Можно назвать еще ряд этносов, численность которых уменьшилась после 1989 г. Например, численность чувашей сократилась с 1 млн. 774 тыс. до 1 млн. 637 тыс. чел. или на 137 тыс. чел. Уменьшилось число хакасов на 2878 чел. и алтайцев на 2170 чел. (Национальный состав и владение, 2004. С. 8, 17, 18; Национальный состав населения, 1990. С. 8–9).

Не менее интересна информация по населению финно-угорского мира в целом и по отдельным государствам: Венгрии, Финляндии, Эстонии и России. У Финляндии в 1990-е гг. статус государственности не поменялся, Венгрия стала политически независимой от влияния СССР, а Эстония приобрела государственность, выйдя из Союза ССР. В этих странах, где основное население принадлежит к финно-угорской группе и не подвержено административному давлению, как считают оппоненты, должна быть отличительная демографическая динамика.

Что же мы видим в действительности? Из четырех государств, только Финляндия увеличила свою численность на 209 тыс. чел. Венгрия, Эстония и Россия потеряли свое население на 487 тыс., 248 тыс. и 387 тыс. чел. соответственно. Совместные потери указанных стран составили 1 млн. 122 тыс. чел. Для Венгрии эти потери составляют 4,9% ее численности в 2003 г., для Эстонии – 18,7%, для России – 6,0%. Как видим, списать все демографические проблемы финно-угорских народов, проживающих в России, на политические факторы не совсем корректно, поскольку в Венгрии и Эстонии дела обстоят намного хуже.

Уменьшение населения страны, отдельного субъекта федерации или этноса может происходить за счет либо миграционного оттока, либо естественной убыли населения. Можно сделать допущение или принять за факт, что в своем большинстве финно-угорские народы, как и другие коренные этносы России меньше принимают участие в территориальных перемещениях за пределы своей этнической родины. Тогда на их количественную динамику будет оказывать влияние либо естественный прирост населения, либо ассимиляция с другими, более крупными этносами.

Чтобы ответить на вопрос о влиянии естественного прироста на динамику финно-угорских народов необходимо иметь данные о воспроизводстве населения в этническом разрезе. К сожалению, органы статистики сегодня не представляют такую информацию. Анализ можно провести в целом по территориям проживания финно-угорских народов. К имеющимся данным необходимо относиться осторожно и вот почему. Так, удельный вес финно-угорских народов на территории их проживания колеблется от 0,7% у манси, 29,3% у удмуртов до 42,9% у марийцев и 59,0% у коми-пермяков. Следовательно, финно-угорские народы не могли повлиять на общую величину коэффициентов воспроизводства территорий своего проживания из-за своей небольшой доли.

Действительно, в научной литературе отмечается, что к статистическим данным, в том числе данным переписи, следует относиться осторожно. На переписную численность населения этнических общностей влияют не только естественное движение, но и межэтнические процессы. При этом очень важно также учитывать и изменение определения национальности при переписи, и административные решения, да и просто неточности или ошибки. У малочисленных коренных северян даже небольшие ошибки, не заметные для более крупных

народов, приводят к значительным флуктуациям в динамике численности (Богоявленский, 2005. С. 57–58).

Но, тем не менее, отметим, что в 2004 г. у городского населения только в Республике Карелия и в Коми-Пермяцком АО отрицательный прирост населения был выше, чем в среднем по стране. У сельского населения отрицательный естественный прирост выше среднероссийского уровня был в Республике Карелия, Республике Мордовия, Республике Марий Эл, Республике Коми и Коми-Пермяцком АО. В целом за 1990–2004 гг. в республиках и округах проживания финно-угорских народов естественный прирост имел лучшую динамику по отношению к среднероссийским показателям (исключение – Республика Карелия).

Соотношение численности мужчин и женщин. За последние 32 года у финно-угорских народов соотношение полов было крайне неблагоприятным для женского населения (исключение – венгры). Из 14 народов только у восьми произошло определенное улучшение в соотношении полов – на 1000 мужчин стало приходиться меньше женщин.

Имеющая место вопиющая диспропорция полов обусловлена сверхвысокой смертностью мужского населения. Косвенно об этом говорят и данные об ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Во всех республиках и округах ожидаемая продолжительность жизни при рождении у мужчин значительно ниже, чем у женщин. О более высокой мужской смертности также свидетельствуют данные о возрастно-половой структуре населения. Удельный вес женщин старше трудоспособного возраста в разы больше, чем мужчин.

Рассмотрев демографическую динамику финно-угорских народов можно сделать ряд обобщающих выводов.

1. 1990-е гг. для финно-угорских народов стали не простыми в плане демографического развития. Они понесли самые существенные потери в численности населения. Однозначного ответа, почему это произошло – нет. Для того чтобы сделать окончательные выводы, необходимо дополнительно проанализировать результативность этнической миграции и ассимиляционные процессы.

2. Анализ общих коэффициентов воспроизводства населения позволяет заключить, что за счет отрицательной естественной убыли населения финно-угорские народы не могли понести столь значительные потери. Пример Республики Коми показывает, что при анализе демографической динамики всего населения на естественную убыль населения приходится примерно 10%.

3. Многие северные субъекты федерации потеряли значительную часть своего населения, при этом 90% убыли приходится на миграцию. Однако в миграционных потерях населения этническая составляющая не занимает сколько-нибудь значимой величины. Этому есть и косвенное подтверждение. Данные о численности финно-угорских народов, проживающих на территории национальных республик и округов Российской Федерации, от их общей численности за 1970–2002 гг. показывают, что их доля не только не уменьшилась, но и возросла. Исключение составляет Коми-Пермяцкий АО, там доля коренного населения уменьшилась с 82,3 до 64,1%.

4. В ходе переписи населения в октябре 2002 г. было обеспечено выполнение Конституции Российской Федерации в части свободного самоопределения национальной принадлежности. В соответствии со статьей 26 Конституции Российской Федерации национальность записывалась со слов опрашиваемых по самоопределению. Национальную принадлежность детей определяли родители. Так должно быть по Конституции, но история переписей населения имеет достаточно примеров, когда самоопределение переписываемого лица не совпадало с национальностью ни одного из родителей. Причины были разные, в том числе и конъюнктурного характера. Поэтому можно предположить, что часть населения финно-угорских народов отнесла себя к другой этнической группе. Судить об этом можно по тому, что от переписи к переписи шло уменьшение числа и доли лиц, кто бы считал родным языком язык своей национальности, при одновременном росте числа доли лиц, считающих родным языком – русский. Аналогичные результаты получены по народам Севера. Одним из показателей культурной ассимиляции может служить рост числа лиц, считающих русский язык родным (для эвенков и эвенов Якутии место русского языка занимает якутский). В 1959 г. только 15% коренных северян назвали русский язык родным, в 1970 г. – 23%, в 1979 г. – 29%, а в 1989 г. – уже 36%. Соответственно, уменьшается доля аборигенов Севера, называющих родным язык своего народа (с 76% в 1959 г. до 52% в 1989 г.) (Богоявленский, 2005. С. 59).

5. Отсутствие в переписи населения 2002 г. информации о национальности супругов в семьях не позволяет посмотреть на процесс ассимиляции в динамике. Информация за 1970–1989 гг. показывает, что была отмечена тенденция роста семей, где оба супруга относились к разной национальности и, наоборот, уменьшение доли семей, где супруги были одной национальности. Это тоже могло послужить причиной «относительного» уменьшения финно-угорских народов.

Созвучно нашему выводу мнение С.Лаллукка, который отмечает, что большинству ученых, изучающих национальные проблемы бывшего СССР, вероятно, известно, что финно-угорские народы подверглись ощутимой ассимиляционной эрозии. В научной литературе, посвященной проблемам ассимиляции и деэтнизации, давление на сглаживание этнических различий обычно рассматривается как одна из неизбежностей современного многонационального общества. В то же время на Западе было проведено очень мало исследований, посвященных этим народам, и почти ничего не было сделано по количественному измерению их демографических и этнокультурных процессов (Лаллукка, 1997. С. 11).

Завершая доклад, хотелось бы надеяться, что представленный материал о демографическом развитии финно-угорских народов, частично восполнит пробел по данной тематике. Для того чтобы получить ответы на все вопросы, поставленные временем о дальнейшей судьбе финно-угорских народов, необходимо провести не одно монографическое исследование. Демографическая и историческая науки к этому вызову времени готовы.

Литература и источники

1. Антонов А.И. Причины и последствия депопуляции в России // Почему вымирают русские. М.: Эксмо, 2004. 288 с.
2. Богоявленский Д.Д. Вымирают ли народы Севера? // Социологические исследования, 2005. № 8. С. 55–61.
3. Демографическое будущее России / Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. М.: «Права человека», 2001. 56 с.
4. Лаллукка С. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб.: «Европейский Дом», 1997. 392 с.
5. Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. Т. 4, кн. 1. 945 с.
6. Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Госкомстат РСФСР, 1990. 747 с.
7. Попов А.А., Уварова Н.А. К вопросу формирования современного понятия «финно-угорский мир» // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 656 с.
8. Почему вымирают русские. М.: Эксмо, 2004. 288 с.
9. Приветствие Главы Республики Коми В.А. Торлопова участникам III Всероссийской конференции финно-угроведов (г. Сыктывкар, 1-4 июля 2004 г.) // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всероссийской научной

конференции финно-угроведов. Сыктывкар, 2005. 624 с. (Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН).

10. Финно-угорские народы России: Статистический сборник. Сыктывкар: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми, 2005. 84 с.

11. Финно-угорский мир: Статистический сборник. Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2000. 48 с.

12. Финно-угорский мир: Статистический сборник. Сыктывкар: Комитет государственной статистики Республике Коми, 2004. 68 с.

А. Г. Низамов*

**Численность и расселение марийского населения
в Республике Башкортостан**

На территории Башкортостана марийцы, наряду с населением других национальностей, появились в конце XVI в. Переселение усилилось в XVII–XVIII вв. С тех веков началось явление, гордо сформулированное позже как «многонациональная семья народов» всей страны. Эту формулировку не менее гордо несем и в наши дни, приумножая достижения народов Республики Башкортостан (и не только здесь), в том числе и марийцев. Большая советская энциклопедия (1974 г.) свидетельствует, что марийцы проживают главным образом в Марийской АССР (сегодняшнее название – Республика Марий Эл). Далее идет перечисление близлежащих административно-территориальных единиц по убывающей степени числа проживающих марийцев. Первая в том перечислении – Республика Башкортостан. После Республики Марий Эл, марийцы проживают больше всего в Башкортостане. За неимением источников приведем те, которыми располагаем. В материалах, предыдущих до 1939 г. переписей населения по Башкортостану, термина «марийцы» нет. Единственный раз он упомянут в указанном году в разделе «На 1000 мужчин приходится женщин». В таком соотношении на 1 тыс. мужчин приходилось 1195 мариек. А горожанок – 524 чел., сельчанок – 1214 чел.

В Республике Башкортостан в 1970 г. проживало 109,6 тыс. марийцев, в том же году общая численность марийцев в СССР была 599 тыс. чел. Получается, что каждый 4,5 мариец страны проживал в Башкортостане. Надо полагать, проживают в таком количестве и в настоящее время. В Чувашии – 2,1 тыс. чел., в других соседствующих с Марий Эл территориях марийцы только указаны, что проживают (без указания количества) или, возможно, вошли в состав «других народов». Однако факт проживания братских марийцев, в первую очередь – на территориях ближних, и не очень, соседей, не вызывает сомнения.

Досоветские источники дают следующие справки: по переписи 1897 г.: в Уфимской губернии проживало 80,6 тыс. марийцев, а в 1912 г. – 90,5 тыс. чел.

*Низамов Адуль Гадильшеевич (Уфа) – кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Башкирского государственного университета.

Перепись 1989 г. зарегистрировала в Башкортостане 105,8 тыс. марийцев. Любопытно: какова тенденция изменения их численности? Она есть, в сторону уменьшения: 1970 г. – 109,6 тыс., 1979 г. – 106,8 тыс. За исключением башкирского, русского и татарского населения в РБ количество коренного республикообразующего населения между Волгой и Уралом (марийцев) имело за указанные годы тенденцию со знаком «минус».

Каково расселение сельских и городских марийцев в Башкирии? В 1989 г. сельчан было более чем в два раза больше горожан (70,6 тыс. и 35,1 тыс. чел.). Аналогичная картина по переписям 1970 и 1979 гг. Это – статика. А кинетика среди самих сельских и городских марийцев РБ есть? Да. Количество горожанросло: в 1970 г. – 15,8 тыс., в 1979 г. – 23,6 тыс., 1989 г. – 35,1 тыс. чел. Как видим, рост довольно ощутимый. В противоположность последним, сельчане уменьшались: 1970 г. – 93,8, 1979 г. – 83,2, 1989 г. – 70,6 тыс. чел. Также ощутимое уменьшение. Мало того, второе явление по темпу значительно опережало первое. Что покажут результаты переписи осени 2002 г.?

География расселения башкирских марийцев удивления не вызывает: будучи жителями, в основном, своего исторического лесного края, переселившись на земли башкир, они остановились на таких же богатых лесом местах. В Башкортостане – это северные и северо-западные сельские районы. Горожанами стали те марийцы, недалеко от новых мест проживания которых возникли новые города. Это – Нефтекамск, Бирск, Янаул, Уфа. В указанных городах и других городских поселениях марийцы составляли в 1989 г. 33% своего состава в РБ. В том же году в РБ было зарегистрировано 240 марийских деревень.

Если горожане заняты в различных индустриальных отраслях, строительстве, транспорте, непроеизводственных сферах хозяйства, то сельчане – особая социальная группа – заняты традиционными отраслями хозяйства: земледелием, животноводством, охотой, рыболовством, бортничеством. Широко развито женское домашнее ремесло: обработка конопли, льна, ткачество, плетение, вязание, вышивка.

Как распределены марийцы Башкортостана по общественным группам? Общественным трудом были заняты в 1989 г. всего 105,8 тыс. чел., (1979 г. – 122,3 тыс. чел.), из них: рабочие – 53,6 тыс. (46,3 тыс.), служащие – 13,5 (9,1 тыс.), колхозников – 38,5 (51,3 тыс.) тыс. чел. Видно: численность колхозников уменьшилась. Куда делись эти

12,8 тыс. чел.? Стали все фермерами? Вряд ли: многовато. Переселились в город? Возможно. Деклассировались (распылились)? Также возможно. Открыли частные предприятия? Если бы только! Факт роста количества рабочих подтверждает интенсивный миграционный процесс (не только за счет естественного роста возросло число рабочих!).

Из числа марийцев РБ, занятых преимущественно физическим трудом, наибольший удельный вес в 1979 г. приходился на сельскохозяйственные занятия (50,5%), на занятия в растениеводстве (27,7%), занятия строителей (7,3%), занятия в машиностроении и металлообработке (10,1%). Из числа марийцев, занятых преимущественно умственным трудом, наибольшие проценты приходились на научных работников, преподавателей и воспитателей (30,3%), педагогов общеобразовательных и средних учебных заведений (21,4%), работников планирования и учета (14,8%), ИТР (14,9%), медицинских работников (8,4%), специалистов сельского хозяйства и инженеров лесного хозяйства (5,7%), руководителей промышленности, строительства, сельского хозяйства (4,9%).

Вот другой ракурс последнего сюжета: мужчины или женщины – марийцы больше (меньше) заняты преимущественно умственным (физическим) трудом и в каком месте проживания – село-город? В 1979 г. из всех занятых в общественном производстве мужчин преимущественно физическим трудом было занято 88,4%, женщин – 87,5%, умственным же трудом – соответственно 11,6% и 12,5%. Это – все марийское население в РБ. А как они трудятся в разрезе село-город? В городе 87,5% мужчин были заняты физическим трудом, на селе – 88,7%, а женщины – 87,0 и 87,7%. Умственным трудом в городе было занято 12,5 мужчин, на селе – 11,3%, женщины – соответственно 13,0 и 12,3%. Разницы небольшие, как видим.

Все же, свербят вопросы: почему количество сельского населения марийцев в РБ падает? Что, сельские женщины стали меньше рожать? Усилилась миграция по линии «из села в город»? Привлекают условия жизни города? Зарабатывается легче жилье и бытовые нужды? Вопросы бесконечны.

К вопросу о рождаемости в марийской семье в РБ. Средний размер семьи в 1970 г., где все ее члены принадлежат к одной национальности, – 4,6 чел. (самый большой у марийцев и башкир, опередив русских (3,6 чел.), татар – 4,2 чел., чувашей – 4,4 чел.). В городских «многонациональных» семьях марийские (3,8 чел.) уступают только башкирским (3,9 чел.). В таких же сельских семьях самый большой

средний размер – в марийских и башкирских (по 4,7 чел.). Однако родятся же дети: в сельских марийских семьях почти на одного человека больше, чем в городских. А сельское население – марийское, в данном случае, уменьшается. Напрашивается очевидный вывод: мигрируют сельчане из родного гнезда. Куда, почему? Ответы не то, чтобы открыты, но требуют специального социологического исследования.

Немаловажная деталь из семейного сюжета. В 1970 г. марийские семьи в РБ, имеющие два–четыре человека уступали башкирским, русским, татарским, чувашским. А марийские семьи в составе 5–10 чел. и более в том году не уступали ни одной семье из перечисленных народов. Из 20507 «чистых» марийских семей в 1970 г. 18,9% имели состав семьи из двух человек, 16,5% – из трех, 15,7% – из четырех, 15,5% – из пяти, 14,3% – из шести, 9,8% – из семи, 5,3% – из восьми, 2,8% – из девяти и 1,2% – из десяти человек и более. Это в целом по республике. В городах марийские семьи в большинстве состояли из четырех человек (28,2%), наименьшие – из 8–10 и более человек (0,3 и 0,2%). На селе: соответственно из двух человек (18,7%), 9–10 и более человек (3,2 и 1,3%). Несколько необычно: городские семьи с числом членов семей в два человека составляют 20,1% (сравним: на селе этот показатель 18,7%). В целом по РБ «чисто» марийских семей в городах 2499, в селах – 18008. Это и понятно: сельских марийцев гораздо больше, нежели городских.

Межнациональные браки издавна и для любой страны – явление обыденное. Интересно, представителям какой национальности отдают предпочтение при формировании семей марийцы и марийки Башкортостана? Отдельных данных по половому признаку нет, поэтому будем оперировать общим термином «марийцы». Итак, (по степени убывания) в 1970 г. марийско-русских семей было 1046, марийско-татарских – 684, марийско-башкирских – 285, марийско-чувашских – 58, марийско-других национальностей – 242 семьи. Комментировать здесь нечего: любви покорны не только все возрасты, но и национальная принадлежность. Где – на селе или в городе – больше (меньше) смешанных семей у марийцев? В том же 1970 г. в городах было 128 марийско-башкирских семей (на селе 157 семей), марийско-русских – 646 (400), марийско-татарских – 311 (373), марийско-чувашских – 20 (38), марийско-других национальностей – 129 (113) семей.

По итогам переписи 1970 г. есть следующие сведения по Башкортостану. В брачной паре мама-марийка, или у мамы-одиночки (ма-

рийка) с детьми на 1000 матерей приходилось 2793 детей в возрасте от «до 1 года» и до «20 лет и старше». Среди горожан-мариек этот показатель равнялся 1992 чел., среди сельских мариек – 2927 чел. К сожалению, таких сведений по последующим переписям обнаружить не удалось.

Интересны следующие сопоставимые данные. В 1970 г. из одной тысячи семей одной национальности народов РБ 24 были из тех, где все члены семьи мари́йцы. В 1979 г. таковых стало 22. В городах в эти годы было шесть и семь семей (рост, однако), на селе – 42 и 44 семьи.

В структуре населения есть категория «одиночки». Не вдаваясь в подробности причинно-следственных связей этого социального явления, отметим, что таковые среди мари́йцев в РБ есть. В 1970 г. их было всего (обоёго пола) 4531 чел. (940 муж., 3591 жен.). Из этого общего числа городских одиночек было 1949 чел. (717 муж., 1232 жен.), а сельских одиночек было 2582 чел. (223 муж., 2359 жен.). Такова статистика. Мари́ек-одинок больше и там, и здесь. Но на селе их гораздо больше – почти в два раза. Не удивительно: на селе возможности выбора «второй половины» ограничены как мужчинам, так и женщинам. Удельный вес одиночек обоёго пола в общем их числе в РБ составляет среди русских – 43,5%, татар – 24,2%, башкир – 19,7%, чувашей – 3,6%, мари́йцев – 2,9%.

Многодетны ли мари́йские семьи одной национальности? Из 20507 чисто мари́йских семей в 1970 г. всего в РБ без детей было 13,4% семей (среди однонациональных бездетных семей: башкирских – 14,2%, русских – 19,7%, татарских – 13,9%, чувашских – 13,2%; ниже в скобках перечисление национальностей будет в такой же последовательности), с одним ребенком – 24,5% (23,0%, 34,4%, 26,3%, 24,1%), с двумя детьми – 18,4% (18,4%, 29,7%, 25,5%, 21,3%), с тремя детьми – 16,5% (15,8%, 11,0%, 17,8%, 18,0%), с четырьмя детьми – 12,6% (13,0%, 3,4%, 9,5%, 11,7%), с пятью детьми и более – 14,6% (15,6%, 1,8%, 7,6%, 11,7%). Характерно, что городские и сельские мари́йские семьи в своем большинстве однодетные (32,1% и 23,5%), бездетные семьи были почти равны (13,0% и 13,4%), самая меньшая доля семей в городах – с пятью и более детьми (2,0%), на селе – с четырьмя детьми (13,4%).

Рассмотрим таблицу о размере «чисто» мари́йских семей в Республике Башкортостан.

	1970 г.		1979 г.		1989 г.	
Число всего семей	20507		21199		22023	
В том числе в 1 семье:						
2 чел.	3873		4499		5878	
	Город,% 20,1	Село,% 18,7	Город,% 20,1	Село,% 21,5	Город,% 23,3	Село,% 27,9
3 чел.	3377		4250		4807	
	22,8	15,6	28,0	18,3	25,1	20,7
4 чел.	3224		4478		5261	
	28,2	14,0	32,3	18,7	33,6	20,4
5 чел.	3182		3338		3242	
	17,7	15,2	13,3	16,3	12,9	15,4
6 чел.	2934		2158		1647	
	7,9	15,2	4,0	11,5	3,7	8,8
7 чел.	2008		(...и более) 2476		1188	
	2,8	10,8	2,1	13,7	1,4	6,8
8 чел.	1092		—		—	
	0,3	6,0	—	—	—	—
9 чел.	572		—		—	
	0,2	3,2	—	—	—	—
10 чел. и более	245		—		—	
	0,2	1,3	—	—	—	—
Ср. размер семьи, чел.	Всего: 4,6; гор.: 3,8; сел.: 4,7		Всего: 4,2; гор.: 3,6; сел.: 4,3		Всего: 3,7; гор.: 3,5; сел.: 3,8	
(«Прочерки»: данных нет в материалах переписей)						

К интересным данным этой таблицы добавить бы графу «2002 год»! Однако данных последней переписи пока нет. Что характерного в размерах марийских семей в РБ, согласно данных таблицы за те 30 лет? Весьма многое можно отметить, но остановимся на некоторых (заметим в скобках: эти тенденции характерны для семей и других национальностей). Во-первых, за 1970–1989 гг. количество однонациональных марийских семей росло. Надо полагать, что это – результат возрастания чувства национальной консолидации. Во-вторых, суммарно во всем 30-летию самая распространенная семья состояла из четырех человек (предположительно: мать, отец и двое детей). В-

третьих, и в городе, и на селе средний размер семьи имел тенденцию к уменьшению. Причем, она была интенсивнее в сельских семьях, а в городских стабильнее был размер семьи: от 3,8 чел. в 1970 г. до 3,5 чел. в 1989 г. И еще: семьи из двух человек росли – от 3873 семей в 1970 г. до 5878 семей в 1989 г. Трудно сказать: это семья «муж-жена», «мать-дитя» или «отец-дитя»? Тем не менее, малочисленных семей гораздо больше, чем многочисленных, особенно в городах.

Население характеризуется еще по такому важному признаку, как «грамотность». По переписи 1897 г., 6,5% марийцев-мужчин Уфимской губернии умели читать и писать, 0,3% – женщин. Из всех грамотных марийцев умели читать и писать по-русски 6,2% мужчин и 0,3% женщин («Положение» переписи 1897 г. грамотным считало человека, умеющего читать в возрасте от 9 лет и старше).

Естественно, грамотность марийцев края столетней давности никак не сравнима с нашими днями. По итогам переписи 1989 г., 91,2% «башкирских» марийцев обоего пола владели родным языком, 76,5% – русским, 9,3% – татарским и башкирским языками.

На сегодняшний день в Республике Башкортостан работает 212 марийских школ, в них 11811 учащихся. Детей-марийцев школьного возраста – 19224 чел. Из всех детей-школьников марийской национальности 61,4% изучают родной язык. Учителей марийского языка в РБ 166 чел., из них 83% имеют высшее образование. Издавна учителей начальных классов для марийских школ готовит Благовещенское педагогическое училище РБ, Бирская государственная социально-педагогическая академия – учителей с высшим образованием. Сотрудничество братских республик Башкортостан и Марий Эл проявляется и в сфере образования: последняя помогает учебниками, методическими пособиями, изредка – кадрами. Министерство образования Марий Эл приглашает учащихся-марийцев из РБ на организуемые им олимпиады, что воспринимается весьма восторженно.

Как факт естественного, цивилизованного развития равноправных народов обширного Поволжско-Уральского региона отметим, что в ряде районов РБ издаются газеты на марийском языке, есть радио- и телепередачи, с 1991 г. издается республиканская газета «Чолман» («Кама»). В том же году в Уфе основан Марийский общественный центр, преобразованный в 1994 г. в марийское общественное объединение «Марий ушеш».

Обзор марийского населения Республики Башкортостан свидетельствует о реальности тезиса «стабильность в республике – в ее экономическом, социально-политическом и духовном развитии».

А. В. Репневский*

**Россия и Архангельский Север в зеркале
переписи 2002 года****

«Земля наша обильна, порядка только нет», – такова от самых начал самохарактеристика России. Одним из важнейших элементов установления разумного порядка являются переписи населения, без которых невозможно обоснованное планирование развития ни страны в целом, ни ее регионов. «Учет и контроль», с одной стороны, людских, а с другой – финансовых, сырьевых и прочих материальных и духовных ресурсов тесно связаны между собой в единый народно-хозяйственный комплекс.

Необходимость пересчета населения для совершенствования сбора дани еще с IX в. понимали самые первые князья Киевской Руси. Ученые полагают, что там проживало около 5 млн. чел. Четырежды в целях полного взимания ясака пересчитывали население раздробленных русских княжеств монголо-татары. Указом Петра I было положено начало государственной форме учета населения – ревизским сказкам. Петр нуждался не только в увеличении налоговых сборов, но и в рекрутах для ведения войны со шведами. Оказалось, что за девять веков население страны выросло совсем незначительно и составило примерно 12 млн. чел. Всего таких ревизий было проведено 10: первая – в 1719 г., последняя – 1859 г. Начиная со второй ревизии 1744 г., хотя бы частично сохранилась информация и по Архангельской губернии.

Первая и единственная научно организованная перепись населения Российской империи была проведена на «раннее утро» 28 января (по новому стилю 9 февраля) 1897 г. [1]. Инициатором ее стал выдающийся русский ученый П.П.Семенов-Тянь-Шанский. Население Российской империи в тогдашних ее границах вместе с Прибалтикой, Польшей и Финляндией составило 124,6 млн. чел. Те переписчики, которые работали на добровольных началах, получили специальную медаль «За труды по первой Всеобщей переписи населения 1897 года». Таковую медаль получил, в частности, Антон Павлович Чехов. Известно, что в переписях тех лет в самых тяжелых районах московских ночлежных домов участвовал и Лев Николаевич Толстой.

***Репневский Андрей Викторович** (Архангельск) – доктор исторических наук, зав. кафедрой всеобщей истории Поморского госуниверситета.

****** Статистический материал для статьи взят с официального сайта «Перепись –2002» – www.perepis2002.ru.

По Архангельской губернии материалы переписи населения конца XIX в., по счастью, сохранились полностью и насчитывают сотни томов. Проживало тогда в губернии, как сказано в статье краеведа Татьяны Мельник [2], 347 тыс. чел., а в Архангельске – чуть более 18 тыс. И все они в этих томах поименно перечислены с обозначением их домоладцев, занятия и имущественного положения. Для современных историков, социологов и культурологов такому полному набору документов цены нет!

В Советской России и СССР до Великой Отечественной войны, как известно, прошли пять переписей: 1920, 1923 (это была только городская перепись), 1926 [3], 1937 и 1939 гг. В канун войны по несколько завышенным данным в Советском Союзе проживало 194,1 млн. чел. Именно в это время стремительно вырос Архангельск. Если, по переписи 1926 г., в губернии проживало 429,2 тыс. чел., а в Архангельске – всего 56,3 тыс. из них, то спустя 13 лет (к 1939 г.) население собственно Архангельска выросло пятикратно и его население составило 289,6 тыс. Таков был демографический результат ускоренной индустриализации и превращения этого крупного порта в устье Северной Двины во «Всесоюзную лесопилку» – мировой центр по экспорту леса и важнейший регион ГУЛАГа.

Но вот, что примечательно, еще двадцать лет спустя (в 1959 г.) количество жителей Архангельска даже уменьшилось на 31 тыс. чел. в сравнении с предвоенным – оно составило 258 тыс. чел. Такова была плата Северян за Победу в Великой Отечественной войне и за наличие на его территории множества лагерей с заключенными. Склонен полагать, что подобная горькая тенденция оказалась характерной не только для Архангельска.

Начиная с 1959 г. СССР регулярно и добросовестно каждые 10 лет, как это рекомендует Организация Объединенных Наций, проводил очередную перепись населения. Численность жителей страны, а с ней и Архангельской области, фиксировалась на 15 января 1959 г., на 15 января 1970 г., на 17 января 1979 г. и на 12 января 1989 г. Накануне распада СССР количество его граждан составило 289,7 млн. чел., а в РСФСР проживало 147,4 млн. чел. СССР был третьей в мире по численности населения страной. В Архангельской области в это время проживало 1574,1 чел. (данные 1990 г.), а в Архангельске – 399,1 тыс. чел. [4]. Это как раз те сведения, от которых следует отталкиваться при сравнении с опубликованными в печати данными по переписи России, имевшей место в период с 9 по 16 октября 2002 г.

Впрочем, Первая российская перепись должна была пройти еще в 1998 или в 1999 г., но, как объясняло правительство, помешал дефолт. Перепись 2002 г. – дорогое и организационно сложное мероприятие. Она проходила под девизом «Впиши себя в историю России». В 2002 г. обошлась казне в 5,5 млрд. руб. Однако такие расходы с лихвой оправдываются возможностью заглянуть в красноречивые цифры переписи, как в зеркало, всесторонне отражающее состояние общества, и на основе этого отражения, этой «моментальной» фотографии грамотно спланировать развитие страны на длительную перспективу лет. При этом очень важно, чтобы зеркало не оказалось кривым. Иначе – беда. Все планы развития будут определяться на основе ложных посылов, фальшивой картины общества.

Какова же эта картина по результатам последней переписи населения? Сразу скажем, что картина эта проявлялась и складывалась чрезвычайно замедленно, капля за каплей, так как в соответствии с Правительственным поручением (постановлением) (от 20 июня № 356, принятым в соответствии с *Федеральным законом «О Всероссийской переписи населения»*), материалы переписи доводятся до общественности частями, по мере их обработки, но не позднее 30 декабря 2003 г. Руководство Госкомстата объявляло о задержке публикаций, так как программы электронного подсчета результатов оказались неудовлетворительны. В этом просматривается не только техническая сложность обработки информации, но и явная политическая игра, ибо неудовлетворительными, хоть и ожидаемыми оказались и сами демографические итоги переписи. Правительство просто нуждалось во времени, чтобы найти приемлемое истолкование негативным впечатлениям от результатов переписи.

Дозированная подача ее материалов должна была сгладить впечатление. Сначала в апреле 2003 г. увидела свет статистика по численности городов России. В октябре 2003 г. поступила новая информация по сельской местности, национальному, половозрастному составу населения. Она была сразу же доложена Президенту В.В.Путину. В самую последнюю очередь уже после выборов декабря 2003 г. были опубликованы главные данные о бедственном социально-экономическом положении россиян. Окончательные результаты, сведенные в **12 (14) томов**, публиковались в *«Российской газете»* и размещались в *Интернете*, но не к **30 декабря 2003 года**, а несколько позднее.

Численность населения России по результатам переписи октября 2002 г. составила 145,537 млн. чел. [5]. Причем женщин в нашей

стране оказалось на 10 млн. (почти на целое население такого города, как Москва) больше, чем мужчин. По мнению социологов, такое соотношение между численностью мужчин и женщин в России ранее было характерно только для военного времени, когда мужчины гибли на фронтах Первой или Второй мировой войн.

По сравнению с последней советской переписью 1989 г. население РФ сократилось в абсолютных числах на 1 млн. 840 тыс. чел., или на 1,3%. Естественная убыль населения страны составила за это время 7,4 млн. чел. Россия опустилась на 7-е место в мире по численности населения. Если тенденция к значительному превышению смертности над рождаемостью сохранится, то к 2050 г. мы будем уже на 14–15-м месте в мире по населению, и численность страны составит от 100 до 115 млн. чел. [6]. Тенденция очень опасная. В своем майском ежегодном Послании 2003 г. президент В.В.Путин отметил это. Но незаметно, чтобы в Правительстве знали, что следует предпринять [7]. Так, Председатель Госкомстата Владимир Соколин заявил в апреле 2003 г. корреспонденту газеты «Коммерсантъ»: **«В ближайшие 50 лет российское население будет неуклонно сокращаться на миллион человек в год».**

Численность граждан России оказалась бы еще намного меньше, если бы не **положительный для РФ миграционный фактор**, т.е. соотношение иммиграции и эмиграции [8]. С 1992 г. началась быстрая естественная убыль населения, но одновременно резко активизировалась и миграция – массовое бегство в Россию части населения бывших союзных республик. Этот поток стал восполнять людские потери страны и сделал менее заметным гигантский рост смертности. Но даже в пиковом 1994 г., когда мигранты составили 811 тыс. чел., всех естественных потерь от превышения количества умерших над родившимися это не компенсировало. Всего за 1990-е гг. в Россию из стран СНГ переехало от 7 до 11 млн. чел. Но источник этот ныне иссякает, а значит, темпы депопуляции могут нарастать. И 2003 год, кажется, подтверждает эту негативную тенденцию. За первую половину 2003 г. число жителей России уменьшилось еще на 454,2 тыс. чел. (0,3%) и составило 144,5 млн. чел. В северных районах России, куда беженцы из бывших союзных республик прибывали незначительно и где жизненные условия объективно более суровы, падение численности населения оказывалось более значительным, чем в среднем по стране. Так, в Архангельске на 1996 г. проживало 379900 чел. Это на 20 тыс. меньше, чем было в 1990 г.

Смертность же населения за 2000–2002 гг. увеличилась еще на 10% в сравнении с концом 90-х гг. XX в., отметил в своем майском 2003 г. Послании Владимир Путин. Усугубляют ситуацию возрождение давно забытых болезней вроде туберкулеза и педикулеза, практически неизвестные ранее нашему обществу наркотики и СПИД, уже принявший в России характер эпидемии [9]. На середину 2005 г. в Москве зарегистрировано 23,6 тыс. больных СПИДом. Но статистики полагают, что на самом деле их в столице около четверти миллиона, т.е. неизлечимо болен каждый 42-й житель этого мегаполиса. Ожидаемая средняя продолжительность жизни мужчин составляет всего 58,5 года (так что сильный пол не доживает даже до пенсии), а женщины имеют шанс на среднюю продолжительность жизни до 71,9 лет [10].

Процесс депопуляции подстегивается потоками эмиграции из России. За 90-е гг. XX в. и начало нового XXI в. покинули страну не менее 5,4 млн. чел. Это в два раза больше, чем за все годы Гражданской войны и интервенции. Особенно много мы потеряли квалифицированной интеллигентной молодежи с высшим образованием в возрасте до 30-35 лет. По оценкам ученых, эти потери составили от нескольких сот тысяч до 1 млн. чел. Считается, что на Западе они уже принесли своими научными разработками не менее 50 млрд. долларов дохода. По нашим собственным опросам в среде студенчества значительная часть девушек мечтает выйти замуж за иностранцев и выехать из своей страны.

Выход из столь неудовлетворительной ситуации один: резко изменить социальную политику государства, особенно в сфере рождаемости и заботы о подрастающем поколении. Статистики горько шутят по этому поводу, говоря, что «нам необходимо иметь как можно больше капустных полей и аистов». В этом смысле в **первые 3 года XXI в. вроде бы наметился перелом – по официальным данным, рождаемость поднялась на 18%, на 21% снизилась детская смертность.** Это существенно. Однако демографы, педагоги и психологи считают абсолютно ненормальным, что 28,9% детей рождаются сейчас вне брака, и более 90% не могут считаться полностью здоровыми [11]. Ослабленное здоровье детей особенно характерно как раз для северных и восточных районов России, к которым относятся Архангельская область и Коми.

Следует менять выбранную еще в начале 1990-х гг. порочную стратегию на обезлюживание удаленных и северных районов, стратегию переселения в центр и на юг России. Перепись показала,

что Южный и Центральный округа единственные, где отмечен какой-то прирост населения. А Дальневосточный округ, например, потерял с 1989 г. 16% жителей. Это создает опасность заполнения освобождающихся русскими территорий этносом других соседних государств. Так, если в 1989 г. в СССР было немногим более 11 тыс. китайцев, то ныне только их легальная численность составляет около двух миллионов человек. Китайцы и вьетнамцы, многие нелегально, оседают не только на Дальнем Востоке, но в Москве и Санкт-Петербурге. В Питере и Москве начинают строиться специальные районы для их компактного проживания вроде «Маленького Пекина» в Нью-Йорке. После вступления КНР во Всемирную Торговую Организацию, по оценкам экспертов, безработица в китайских городах может вырасти уже к концу 2005 г. еще на 35 млн. чел., многие из которых в поисках средств к существованию уже рвутся в Россию. Численность населения китайских провинций, прилегающих к России, составляет не менее 104 млн. чел., тогда как на нашем Дальнем Востоке проживает не более 6,5 млн. чел. (Плотность населения китайских приграничных территорий составляет 130 чел. на кв. км, а плотность наших приграничных территорий всего 4-5 чел. на кв. км). Конечные результаты такого соотношения могут быть аналогичны югославским: сначала вытеснение сербов из Косово и отторжение этой части территории страны албанцами и затем распад самой Югославии.

Еще два серьезных фактора для социально-экономического планирования установлены достоверно в результате переписи. Первый состоит в том, что совершенно **прекратился процесс урбанизации**. В городах, как и 13 лет назад, живет 73,3% населения. Практически не изменилось и количество городов-миллионеров. В советское время их было 12, сейчас – 13. Добавился Волгоград. Численность Москвы – 10,4 млн., Санкт-Петербурга – 4,7 млн. (Именно в этих мегаполисах самый большой процент отказавшихся переписываться. Так, в Москве только 34% россиян пустили переписчиков к себе в дом. А всего по стране отказались переписываться 7 млн. чел. – 5% населения). Более того, началась деурбанизация. Она характерна и для Архангельской области, где практически все города теряли свое население. Происходит это совсем по иным причинам, нежели в США или Западной Европе, где состоятельные граждане живут на природе в загородных домах со всеми удобствами. В ходе российской переписи выявился исход горожан на село по иным причинам – поближе, так сказать, к

«подножному корму». За 13 лет между переписями 300 городов и поселков городского типа деградировали и превратились в деревни.

Второй фактор заключается в **стремительной деградации самой деревни**. Всего сельских населенных пунктов в России было выявлено 155-160 тыс. Но в 17 тыс. из них больше никто не живет. Перепись, таким образом, устранила возможность манипуляции на ближайших выборах голосами «мертвых душ» из этих деревень. И это хорошо. Но это, к сожалению, не все. Еще в 38 тыс. российских сел население составило от одного до 10 чел., причем старших возрастных групп. Можно считать, что этих сел тоже больше нет. Они умерли. Итого, в результате событий 13 лет потеряно более 55 тыс. сельских населенных пунктов – более 1/3 российской глубинки обезлюдели. Это больше, чем в ходе сталинской коллективизации и хрущевского «укрупнения» вместе взятых. В основном это самые русские области – Вологодская, Тверская, Псковская, Архангельская и т.д.

Всего падение численности населения проявилось в 66 регионах России. А в 23 районах число жителей выросло. Прибавка эта произошла в основном за счет внутренней миграции, за счет беженцев из смежных территорий. Более всего выросло население в Дагестане – на 43%. И это не столько из-за высокой рождаемости, сколько из-за беженцев с территории Чечни.

Необходима срочная программа по спасению российской деревни. Дальнейшие реформы не должны и далее быть направлены против жизненных интересов населения собственной страны.

Поскольку **Архангельская область – неотъемлемая часть России**, то и проблемы у нас общие, а иногда они носят и усугубленный характер ввиду суровых природных условий русского Севера.

Согласно расчетам на 1 января 2003 г., численность постоянно проживающего населения области составила **1331,8 тыс. чел.** Сокращение от 1990 г. на **232,3 тыс. чел.** Это больше, чем размеры населения второго в области по величине города Северодвинска. Сам же Северодвинск и пострадал более всего. Во время Всесоюзной переписи населения 1998 г. демографы насчитали в нем **254 тыс. жителей, а в 2002 г. их осталось только 203 тыс. 51 тыс.** (1/5 часть населения) исчезла. Правда, промежуточная, текущая ежегодная статистика давала на 2002 г. иную цифру населения города – 229,9 тыс. чел. Выходит, местные статисты завысили численность города на целых 27 тыс. [12]. Причины таких разночтений в цифрах следует выяснить, так как от них зависят и размеры многомиллионных дотаций городу и планирование социальной работы. Хотя генеральная

причина катастрофического сокращения населения Северодвинска в 90-е гг. XX в. очевидна. Она состоит в прекращении оборонных заказов градообразующим предприятиям Северодвинска. Этот демографический провал конца XX в. не преодолен и к концу 2005 г. Так, по сентябрьской 2005 г. оценке главного специалиста отдела социального партнерства и трудовых отношений Архангельской области Татьяны Дьяковой, «за последние три года численность населения в этом городе снизилась на 34,4 тыс. человек», или на 15%. Причины: естественная убыль (превышение смертности над рождаемостью) и миграционный отток» [13]. Трудовые ресурсы Северодвинска в 2004 г. насчитывали 129,7 тыс. чел., а в 2005 г. ожидается их снижение на 630 чел. Продолжается и рост безработицы, особенно среди женщин. В 2004 г. безработными были признаны в 1,5 раза больше жителей Северодвинска, чем в 2003 г. и 65% из них – женщины [14]. В связи с этим еще несколько лет назад «кадровую» тревогу забили крупнейшие северодвинские (да и российские) оборонные предприятия (Севмаш, «Арктика», «Звездочка», Северный рейд», «Север», «Полярная звезда»). В городе растет безработица, а на этих заводах – лидерах отечественной промышленности – остаются свободными «сотни вакансий, требующих высокой квалификации претендентов» [15]. Приведем опубликованный в прессе пример масштабов «кадрового голода» на предприятии российского значения «Звездочка». Хотя этот завод и сам готовит себе рабочие и инженерные кадры, но все равно нуждается на осень 2005 г. в 100 сборщиках конструкций металлических судов, 90 станочниках, 80 электрогазосварщиках, 40 слесарях-монтажниках [16]. То есть мы должны говорить не о безработице вообще, а о структурной безработице, перекосах в кадровой политике государства и общества.

Главный аспект этой проблемы даже не в низкой рождаемости и высокой смертности, а в непопулярности рабочих профессий в среде молодежи. Проведенная в сентябре 2005 г. конференция в Архангельске «Кадровые вопросы в работе предприятия» показала, что «особенно остро стоит вопрос о не возврате молодых людей, которые поступают в вузы Москвы и Санкт-Петербурга по целевым направлениям от северодвинских предприятий. Немногие приходят обратно на родные заводы и после срочной службы в армии» [17]. И это, несмотря на то, что Северодвинск – единственный город в России, где в рамках реализации Федерального Закона № 122 принято постановление о 30% надбавке работникам в возрасте до 30 лет. Молодежь даже не привлекает перспектива получать до 50 тыс. руб. в месяц

при выполнении заказов, требующих высокой квалификации (типа подводного сварщика). Они стремятся стать банкирами, юристами, менеджерами, полагая эту работу более чистой, престижной, денежной и не требующей особых физических и даже умственных усилий. Данные отрасли экономики уже сейчас испытывают 3-5-кратный переизбыток кадров. Это очевидный результат соответствующих пропагандистских усилий СМИ последних 15-20 лет, где образ инженера, рабочего практически отсутствовал или подавался в утрированном уничижительном стиле. Как говорить: «новое поколение выбирает пепси!».

Российские опросы последних лет показали, что до 10% высококвалифицированного рабочего класса – люди пенсионного возраста, которых стараются удержать на работе до полного износа человеческого организма. Замены им нет, так как система подготовки кадров рабочих в стране практически разрушена. Если в ближайшие годы не возродить систему подготовки и переподготовки рабочих кадров, то и к нам на Север придется завозить иностранную рабочую силу.

Архангельское село пострадало не менее, чем Вологодчина. Если в 1989 г. жителями села считались 418,1 тыс. чел., то ныне их осталось только 331,3 тыс., т.е. стало на 86,8 тыс. меньше. Люди усиленно умирают или перебираются южнее.

Наиболее типичным северным русским районом является Каргопольский. Численность его составила на момент переписи 21,4 тыс. чел. Из них в городе Каргополе проживает 11,2 тыс. чел. (против 13 тыс. в 1989 г.). Тенденция сокращения населения продолжается и в 2003 и 2004 гг. Только за первый квартал 2003 г. естественный прирост населения района составил **минус 61 чел.** [18]. Эта тенденция не претерпела изменений и в 2004 г.

Единственным районом, который, казалось, переломил к 2002 г. негативную демографическую ситуацию прошлых лет, оказался **Ненецкий Автономный Округ**. По данным переписи, в нем проживало осенью 2002 г. 41,5 тыс. чел. Причем женщин и там оказалось на 500 душ больше. Население округа стабильно растет на 300-400 чел. в квартал, рождаемость превышает смертность [19]. Несмотря на жесткие погодные условия, Нарьян-Мар оказался привлекателен и для мигрантов. Однако его благополучие однобоко и целиком зиждется на нефти. Такого рода благополучие поверхностно, чревато социально-экологическими последствиями и не так уж продолжительно в историческом плане. Это показывает печальная судьба

истощенных угольных районов Германии, Британии и России, еще сравнительно недавно процветавших. И уже сейчас администрации НАО следует задуматься над тем, а чем жить населению в исторической перспективе? Остается надеяться, что и руководство Архангельской области найдет, наконец, пути к расширению всестороннего сотрудничества и укреплению связей с НАО.

В заключение хочу сказать, что почти 7 тыс. жителей области во время переписи осени 2002 г. записали себя «поморами». Таковая формулировка была официально включена в перечень этносов. «Поморы» – звучит, конечно, красиво. Поскольку автор данной статьи был первым, кто составил для наших законодательных властей соответствующую записку-обоснование этого понятия, то хотелось бы напомнить приведенные в ней слова проф. А.А. Куратова о том, что поморы это образ жизни **русского** человека веками связанного с мореходством, рыболовством и боем морского зверя. А потому, право называть себя русским помором еще следует заслужить. Заслужить честным и тяжким трудом на благо своей далеко не малой Родины, переломить к лучшему ту тяжелую социально-экономическую ситуацию, в которой оказался Архангельский да и весь Российский Север к началу нового столетия. И все планы работы по выводу Севера из затяжного системного кризиса следует строить, основываясь на не приукрашенных, а реальных данных переписи 2002 г. Они – опора для рывка в лучшее будущее.

Литература и источники

1. Учитель.гу: Детская перепись.
2. Мельник Т. Для подсчета тяглого населения назначались именитые люди // Правда Севера, 2002. 17 окт.
3. Архангельская губерния существовала до 1929 г. Постановлением Президиума ВЦИК от 14 января 1929 г. был образован огромный Северный край, но его короткая жизнь пришлась как раз на временной промежуток между переписями, так как в 1936 г. из Северного края выделился ряд областей. Архангельская область была создана 23 сентября 1937 г. (См.: Справочник. Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII–XX веках // Отв. ред Л.В.Гундакова. Архангельск, 1997. 417 с.
4. Есть и данные 1997 г. <http://www.geopolities.com/Arkhangelsk> region.
5. «Перепись –2002» – www.perepis2002.ru /26.02.2004.
6. Обострение демографического кризиса и современное положение России / Под ред проф. Б.С.Хорева, Л.В.Иванковой. М., 2000. С. 115.
7. Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001 годов / Автор-сост. С.Г.Кара-Мурза. М, 2002. С. 22.

8. Обострение демографического кризиса и современное положение России / Под ред проф. Б.С.Хорева, Л.В.Иванковой. М., 2000. С. 112.
9. Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001 годов / Автор-сост. С.Г.Кара-Мурза. М, 2002. С. 33.
10. Обострение демографического кризиса и современное положение России / Под ред проф. Б.С.Хорева, Л.В.Иванковой. М., 2000. С. 114.
11. Обострение демографического кризиса и современное положение России / Под ред. проф. Б.С.Хорева, Л.В.Иванковой. М., 2000. 120 с.
12. ИА REGNUM. 5.09.2003.
13. Попова Н. «Безрукий» Северодвинск // Волна, 2005. № 39. 4–10 окт.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же.
18. ИА REGNUM. 5.10.2003.
19. ИА REGNUM. 13.05.2003.

*М. В. Сурина**

**Современные проблемы этнокультурного развития
Уральского региона глазами демографа
(по материалам переписей населения)**

Уральский регион на протяжении многих веков являлся одним из центров миграционной активности населения, принадлежавшего к различным этносам. В результате нескольких мощных миграционных волн как естественного, так и принудительного характера постепенно сформировался современный национальный состав населения региона. Всесоюзная перепись населения Свердловской области 1989 г. выявила 116 национальных групп, что само по себе свидетельствует о сохраняющемся многонациональном составе населения Урала. Тем не менее, к 1989 г. основную массу населения региона (73,6%) составляли русские, причем наиболее высокий удельный вес русского населения наблюдался на Среднем Урале: в Свердловской области русские составляли 88,7%, в Пермской – 83,8% всего населения [1].

В связи с преобладанием русского населения во всех областях и республиках Урала и фактически повсеместным доминированием русского языка и культуры проблема сохранения и развития национальных культур сегодня является одной из наиболее актуальных.

Практически единственным источником для изучения этноязыковой ситуации в Уральском регионе в целом остаются материалы переписей населения, отражающие степень владения национальным языком.

Длительное время отношение к проблеме сохранения и функционирования национальных языков определяло национальную политику государства, становилось индикатором взаимоотношения государственной власти и «национальных меньшинств», а также состояния этнической жизни общества в целом. Негативно национальная политика государства сказалась на довольно многочисленных на Урале евреях и немцах. Во многом по политическим мотивам государство активно препятствовало созданию благоприятных условий для этнокультурного развития этих народов. Лишенные возможности сохранить и развивать свою культуру, они стремительно начали

**Сурина Марина Владимировна (Нижний Тагил) – кандидат исторических наук, доцент кафедры управления и права социально-гуманитарного института Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.*

терять важнейшую составляющую этнического самосознания – национальный язык. Негативную тенденцию отразили переписи населения (табл. 1).

Таблица 1

Численность немцев Урала, считающих родным языком немецкий (по материалам переписей населения 1959, 1979 и 1989 гг.), относительные данные на 1000 чел. [2]

Год	Курганская область	Оренбургская область	Пермская область	Свердловская область
1959	585	786	695	665
1979	334	686	412	373
1989	331	658	324	334
Год	Челябинская область	Башкирская АССР	Удмуртская АССР	В целом по Уралу
1959	562	601	784	668
1979	355	494	526	454
1989	331	469	427	410

Наибольшее количество немцев считало свой национальный язык родным там, где располагались компактные немецкие поселения – в Оренбургской области (65,8% в 1989 г.). Они позволяли, насколько это было возможно в сложившихся политических условиях, сохранять культуру и язык. Стремительно теряли языковые навыки немцы в областях с особенно высокой удельной долей русского населения – в Свердловской (33,4% в 1989 г.) и Пермской (32,4% в 1989 г.), а также в Курганской области (33,1% в 1989 г.), где их удельная доля была низкой, а расселение – дисперсным. Каждое последующее поколение уральских немцев теряло навыки общения на своем языке. В Свердловской области, где немцы занимали по численности четвертое место, из 1000 представителей немецкой национальности в возрасте 60 лет и старше лишь 646 чел. назвали немецкий своим родным языком, в возрасте 40-59 лет – 362 чел., в возрасте 20-39 лет – 187 чел., в возрасте 10-19 лет – 121 чел. [3].

Ликвидация еврейских культурно-образовательных учреждений и религиозных организаций в сочетании с высокой степенью занятости евреев в индустриальном строительстве в советский период обеспечили отход евреев от национальных традиций и утрату родного языка (табл. 2).

Таблица 2

Численность евреев Урала, считающих родным языком еврейские диалекты (по материалам переписей населения 1959, 1979 и 1989 гг.), относительные данные на 1000 чел. [4]

Год	Оренбургская область	Свердловская область	Челябинская область	В целом по Уралу
1959	204	107	151	154
1979	143	77	102	107
1989	108	82	101	101

Данные таблицы показывают, что процессам аккультурации особенно было подвержено еврейское население Свердловской области – уровень языковой ассимиляции там был выше, чем в Оренбургской и Челябинской областях, и отличался стабильным ростом: если в 1959 г. еврейские диалекты в качестве родного языка признавало 10,7% евреев области, то в 1989 г. – лишь 8,2%. По данным переписи населения 1989 г., на 1000 евреев в возрасте 60 лет и старше приходилось всего 112 чел., считавших свой язык родным, и 61 чел. свободно владел им в качестве второго языка; для возрастной группы 40-59 лет эти показатели составляли соответственно 55 и 16, 20-39 лет – 77 и 16, 10-19 лет – 52 и 11 [5]. Еврейское население Пермской области долгое время отличалось большей консервативностью, но и здесь процессы аккультурации приобрели значительные масштабы [6]. В итоге в рассматриваемый период наблюдалось резкое сокращение численности евреев, считавших свой национальный язык родным.

Сложная этноязыковая ситуация наблюдалась и у народов Уральского региона, принадлежавших к угро-финской и тюркской языковым группам. Близость культур, многовековое чересполосное проживание и совместное миграционное движение с русскими не могли не отразиться на их национально-культурном развитии. Усилившиеся в советский период ассимиляционные процессы оказали негативное влияние на этноязыковую ситуацию (табл. 3).

Таблица 3

Численность народов Уральского региона угро-финской языковой группы, считающих родным язык своей национальности (по материалам переписей населения 1959, 1979 и 1989 гг.), относительные данные на 1000 чел. [7]

Народы	1959 г.	1979 г.	1989 г.
Марийцы	834	839	785
Мордва	595	600	570
Удмурты	871	700	659
Коми-пермяки	584	638	580

Некоторое сокращение численности населения, считающего свой национальный язык родным, произошло в 1959–1989 гг. среди удмуртов (с 87,1% в 1959 г. до 65,9% в 1989 г.), марийцев (с 83,4% до 78,5%) и мордвы (с 59,5% до 57% соответственно).

Большой интерес для изучения этноязыковой ситуации представляет возрастной аспект. Активные миграционные процессы и усиление культурно-языковой ассимиляции приводили в рассматриваемый период к тому, что каждое последующее поколение нерусского населения, лишенное благоприятных условий для этнокультурного развития, теряло навыки общения на своем национальном языке даже на бытовом уровне. Эти процессы у угро-финских народов Урала можно рассмотреть на примере марийцев и удмуртов Свердловской области. По данным переписи населения 1989 г., численность марийцев, считающих свой национальный язык родным, от поколения к поколению неуклонно снижалась: если на 1000 представителей этой национальности в возрасте 60 лет и старше приходилось в среднем 907 чел., считавших марийский язык для себя родным, и 24 чел. свободно им владели в качестве второго языка, то у возрастной группы 40-59 лет эти показатели составляли соответственно 853 и 45, 20-39 лет – 761 и 51, 10-19 лет – 642 и 27. Аналогичные показатели у удмуртов области были значительно ниже и составляли: в возрастной группе 60 лет и старше – 733 и 71, 40-59 лет – 634 и 113, 20-39 лет – 460 и 84, 10-19 лет – 287 и 41 [8]. Разница в уровне владения национальным языком между марийцами и удмуртами Свердловской области объясняется особенностями расселения: в сельских местностях на юге и юго-западе (в частности, в Красноуфимском, Артинском и Ачитском районах [9]) расположены национальные поселения марийцев, способствовавшие сохранению национального языка, и снижение уровня владения им от поколения к поколению в данный период отличалось плавным характером именно благодаря наличию этих поселений. Удмурты же расселялись по области достаточно дисперсно в основном в городских поселениях и подверглись более сильной языковой ассимиляции.

У тюркоязычной группы переписи отразили несколько более благополучную этноязыковую ситуацию, что было связано, прежде всего, с этноконфессиональными различиями между большинством тюркоязычных народов России и славянскими народами.

Таблица 4

Численность народов Уральского региона тюркской языковой группы, считающих родным язык своей национальности (по материалам переписей населения 1959, 1979 и 1989 гг.), относительные данные на 1000 чел. [10]

Народы	1959 г.	1979 г.	1989 г.
Татары	926	844	801
Башкиры	704	709	692
Казахи	889	912	885

Из приведенной выше табл. 4 видно, что процесс отхода от национального языка в качестве родного в тюркской языковой группе усилился в период 1979–1989 гг.: если в 1959 г. 92,6% татар признали свой национальный язык родным, то в 1989 г. этот показатель снизился до 80,1%, у башкир – с 70,4 до 69,2% соответственно. Однако далеко не во всех случаях это был переход к русскому языку. В этом плане большой интерес представляет изучение взаимодействия татарского и башкирского языков в Уральском регионе. Еще перепись 1959 г. зафиксировала довольно большую долю башкир, считающих родным языком татарский: так, в Башкирской АССР она составляла 41,8 %, в то время как лишь для 57,5 % башкир национальный язык являлся родным [11]. Н.В. Бикбулатов объясняет это явление тем, что еще до революции 1917 г. у татар и башкир Мензелинского, Бирского, Осинского, частично Уфимского и Белебеевского уездов разговорный язык обрел черты, общие для обоих народов. При выработке норм башкирского литературного языка в 1923 г. диалектные особенности языка башкир этих территорий не были учтены. В результате нормы татарского литературного языка, во многом продолжавшего традиции старого тюрки, для них оказались более доступными, чем башкирского. В этих условиях, начиная с 1926 г., башкиры северо-западных районов республики во время переписей стали идентифицировать свой разговорный (родной) язык с татарским, хотя между ними имеются заметные различия. В результате произошел разрыв между этнической и языковой принадлежностью западных башкир. Обучение в школах на татарском языке, печать, телевидение и радио усиливают этот разрыв, и каждое следующее поколение склонно преодолеть возникшее «противоречие» путем перехода в татарскую национальность [12]. От переписи к переписи в Башкирской республике уменьшается процент башкир, считающих родным языком татарский, и в абсолютных цифрах. Доля башкир, считающих своим родным языком татарский, стремительно сокращается и в других

областях Уральского региона: так, например, если по данным переписи 1959 г., в Свердловской области родным языком татарский назвали 15,2% башкир, то по переписи 1989 г. – лишь 9,6% [13]. Н.В.Бикбулатов связывает факт сокращения использования татарского языка башкирами с постепенным оттоком башкир в другие регионы страны, их ассимиляцией, но не с расширением сферы распространения башкирского языка, как полагает, в частности, Д.М.Исхаков [14].

Казахи, по сравнению с башкирами и татарами, составляли сравнительно небольшую по численности тюркоязычную этническую группу на Урале и в течение длительного времени компактно расселялись на юге региона, преимущественно в Курганской, Оренбургской и Челябинской областях. Компактность проживания и весьма ограниченное участие в миграционных процессах, с одной стороны, позволяли казахам сохранять свой язык, с другой – не мешали овладению русским языком в качестве второго. Так, даже в Свердловской области, отличающейся самой высокой удельной долей русского населения в Уральском регионе, по данным переписи 1959 г. 83,6% казахов назвали свой национальный язык родным языком, и лишь для 15,2% казахов родным языком являлся русский. По данным переписи 1989 г., по области 78,2% казахов считали свой язык родным, а 3,1% свободно им владели [15].

Наиболее сложная этноязыковая ситуация сложилась у этносов, культурно наиболее близких к русской, а потому особенно сильно подверженных ассимиляции – у белорусов и украинцев (табл. 5).

Таблица 5

Численность украинцев и белорусов Уральского региона, считающих родным язык своей национальности (по материалам переписей населения 1959, 1979 и 1989 гг.), относительные данные на 1000 чел. [16]

Национальность	1959 г.	1979 г.	1989 г.
Украинцы	492	425	411
Белорусы	376	358	338

Как видно из приведенных статистических данных, доля украинцев и белорусов, считающих свой национальный язык родным, от переписи к переписи сокращался, однако доля владеющих своим национальным языком в качестве второго у этих национальных групп достаточно высока. Это объясняется отнюдь не наличием специальных условий для их культурно-национального развития или конфессиональной замкнутостью, а активным участием в миграционных

процессах. Уральский регион в советский период регулярно «пополнялся» представителями украинской и белорусской этнических групп, которые, естественно, знали свой язык с детства и считали его родным. Но последующие поколения украинцев и белорусов, родившихся на Урале уже в 1970-е гг., теряли навыки общения на своем языке. Этот процесс в полной мере отражен в материалах переписи населения 1989 г. По данным Свердловского областного комитета по статистике, в области к 1989 г. на 1000 украинцев в возрасте 50-60 лет (т.е. 1929–1939 годов рождения) приходилось в среднем 440 чел., считавших украинский язык родным, и 190 чел. владели им в качестве родного. Для украинцев, родившихся в 1940–1960-х гг. эти показатели составляли соответственно 411 и 158 чел. Это те поколения граждан украинской национальности, которые принимали активное участие в миграционных процессах. Ко второй половине 1970-х гг. миграционная активность украинцев, как, впрочем, и русских, резко снижается [17], и это не могло не отразиться на этноязыковой ситуации: если свой национальный язык считали для себя родным к 1989 г. 26,5% 18-19-летних украинцев и 5,9% свободно им владели в качестве родного (что уже в два раза ниже вышеприведенных показателей по средним и старшим поколениям), то на 1000 10-17-летних подростков украинской национальности приходился лишь 201 чел., для которого национальный язык был родным, и 77 чел. свободно им владели [18].

Аналогичные языковые процессы происходили и у белорусской этнической группы. Доля владевших своим национальным языком белорусов в рассматриваемый период также неуклонно снижалась. Миграционные потоки послевоенных лет принесли на Урал значительную часть населения белорусской национальности, говорившей на своем языке с детства и считавшей его родным. По данным переписи населения 1989 г., по Свердловской области из 1000 белорусов старшего поколения (1930–1940-х годов рождения) свой национальный язык считали родным в среднем 413 чел. и 129 свободно им владели; у среднего поколения белорусов (1950–1960-х годов рождения) эти показатели составляли соответственно 276 и 119; у молодого (1970-х годов рождения) – 155 и 44 [19]. Из приведенной статистики видно, что темпы языковой ассимиляции у белорусов в изучаемый период были даже более интенсивными, чем у украинцев.

Этноязыковая ситуация в кавказских диаспорах также требует отдельного рассмотрения. Кавказские диаспоры начали активно формироваться на Урале уже в 1970-х гг., и к 1989 г. существенно увеличили свою численность. Ввиду замкнутости и «молодости»

диаспор этноязыковая ситуация к концу рассматриваемого периода оставалась относительно благополучной (табл. 6).

Таблица 6

Распределение представителей кавказских этнических групп Свердловской области по уровню владения своим национальным языком [20]

Этнические группы	Считают родным языком язык своей национальности (в % к общей численности населения данной национальности)		Свободно владеют родным языком в качестве второго (в % к общей численности населения данной национальности)	
	1979 г.	1989 г.	1979 г.	1989 г.
Азербайджанцы	86,6	80,2	2,6	2,4
Армяне	64,9	65,0	7,1	5,2
Грузины	77,8	71,6	3,7	4,9
Чеченцы	78,6	80,4	2,3	2,7
Лезгины	73,0	73,2	4,3	2,6
Осетины	67,1	62,6	5,6	6,4
Аварцы	84,0	83,6	4,2	1,4
Ингуши	87,4	86,5	0,8	1,5
Кабардинцы	84,4	78,3	2,2	3,4

Большинство представителей активно формировавшихся на Урале кавказских диаспор считали свой национальный язык родным. Ниже эти показатели были у более ранних диаспор, относящихся к «классическим» – армянской и грузинской. Но при этом более половины кавказцев свободно владели русским языком в качестве второго, что свидетельствовало о высоких темпах адаптации иммигрантов в русскоязычной среде. Так, к 1989 г. свободно владели русским языком в качестве второго языка 58,8% армян, 66,3% азербайджанцев, 78,6% аварцев, 65% грузин, 76% чеченцев, 61,4% осетин [21]. Как отмечает З.И. Левин, степень адаптации иммигранта прямо зависит от того, насколько он владеет языком принимающего общества. С освоением языка человек осваивает принятые в обществе нормы поведения, элементы местной культуры, что ведет к сокращению разделяющей из культурной дистанции. Чем лучше владеет человек государственным языком и чем выше уровень полученного им образования, тем выше темпы его аккультурации [22]. Однако, учитывая стремительные темпы нарастания иммиграции в Россию лиц титульных национальностей Закавказья и Северного Кавказа в 1990-е гг., обогнавших к 1995 г. по показателям русских и украинцев, можно уже сказать, что в ближайшее время аккультурация выходцам с Кавказа не грозит. Тем более, что Уральский экономический район сегодня особенно

популярен у молодого поколения выходцев с Закавказья [23]. Кавказской молодежи гораздо сложнее полностью адаптироваться в русскоязычной среде, чем более старшим поколениям, ввиду низкого уровня владения русским языком – языком принимающего общества. Если иммигранты старших поколений получали элементарные знания русского языка в своей национальной школе, то кавказская молодежь уже была лишена такой возможности, и, соответственно, темпы адаптации молодого поколения сегодня более низкие. Активный приток выходцев с Кавказа и отсутствие у кавказских иммигрантов навыков общения на русском языке делает национальную диаспору более сплоченной и более замкнутой, слабо подверженной влияниям культуры общества-реципиента, и следовательно затрудняет адаптацию иммигранта в этом обществе.

При изучении этноязыковой ситуации нельзя обойти проблему межэтнических браков, так как межэтническая брачность способна напрямую влиять на развитие языковых процессов. К сожалению, переписи населения слабо фиксируют динамику межэтнических браков и совсем не фиксируют языковую ситуацию в семьях, где супруги принадлежат к разным этническим группам, поэтому влияние данного фактора на уровень владения национальным языком можно изучить лишь с помощью специальных этносоциологических исследований [24].

Таким образом, на этноязыковые процессы, являющиеся «зеркалом» этнокультурного развития региона, оказали и до сих пор оказывают влияние: 1) национальная политика государства; 2) миграционные процессы; 3) близость этнокультурных компонентов к культуре преобладающей этнической группы; 4) межэтнические браки.

В современных условиях для полного анализа этнокультурной ситуации необходимы, во-первых, регулярные этносоциологические мониторинги, позволяющие выявить ее позитивные и негативные тенденции и определить перспективы развития этнических культур, и, во-вторых, всесторонняя поддержка культурно-национальных обществ, ставящих в число своих основных задач сохранение и передачу этнокультурной информации молодым поколениям, а также помощь при адаптации в инокультурной среде. Только в этом случае можно надеяться, что культура населения Урала сохранит свой неповторимый многонациональный облик и получит возможность активно развиваться в дальнейшем.

Литература и источники

1. Рассчитано по: Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. С. 130–134.

2. Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566-б. Л. 1–2, 81–82; Д. 1566-а. Л. 134.; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. С. 130–134; Ведомственный архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике: Распределение населения по национальности и родному языку (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). Табл. 9с. Л. 9–18. Распределение населения по национальности и родному языку (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Табл. 9с.
3. Ведомственный архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Перепись 1989 г. Табл. 32с-1 «Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР. Относительные данные». Л. 10.
4. Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566-б. Л. 1–2, 81–82; Д. 1566-а. Л. 134.; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. С. 130–134; Ведомственный архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике: Распределение населения по национальности и родному языку (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). Табл. 9с. Л. 9–18. Распределение населения по национальности и родному языку (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Табл. 9с.
5. Ведомственный архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Перепись 1989 г. Табл. 32с-1 «Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР. Относительные данные». Л. 9.
6. Проценко Т.В. Еврейское население Урала в XIX–XX вв. (демографическое и этнокультурное развитие): Дис. ... канд. истор. наук. Екатеринбург, 2000. С. 186–187.
7. Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Д. 1566-б. Л. 1, 81, 106, 184; Д. 1566-а. Л. 46, 134, 157; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. С. 478–526.
8. Ведомственный архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Перепись 1989 г. Табл. 32с-1 «Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР. Относительные данные». Л. 6, 8.
9. Национальный состав населения Свердловской области. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Свердловск, б/г. С. 167.
10. Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Д. 1566-б. Л. 1, 81, 106, 184; Д. 1566-а. Л. 46, 134, 157; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. С. 478–526.
11. Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Д. 1566-б. Л. 107.

12. Бикбулатов Н. В. Современные этнодемографические процессы в Башкирии // Социально-политические и этнодемографические процессы на Южном Урале XVIII–XX вв. Уфа, 1992. С. 53–54.
13. Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Д. 1566-б. Л. 1; Ведомственный архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Табл. 9 с «Распределение населения по национальности и родному языку. Перепись 1989 г.».
14. Исхаков Д.М. К вопросу об этнической ситуации на северо-западе Башкирской АССР // Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов Урало-Поволжья и Европейского Севера СССР. Устинов (Ижевск), 1985. С. 20.
15. Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Д. 1566-б. Л. 1; Ведомственный архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Табл. 9 с «Распределение населения по национальности и родному языку. Перепись 1989 г.». Табл. 10 с «Распределение населения по национальности и второму языку народов СССР. Перепись 1989 г.».
16. Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Д. 1566-б. Л. 1, 81, 106, 184; Д. 1566-а. Л. 46, 134, 157; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. С. 478–526.
17. Брук С. И. Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1986. С. 135.
18. Ведомственный архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Перепись 1989 г. Табл. 32с-1 «Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР. Относительные данные». Л. 3.
19. Ведомственный архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Перепись 1989 г. Табл. 32с-1 «Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР. Относительные данные». Л. 4.
20. Рассчитано по: Ведомственный архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Перепись 1989 г. Табл. 9с «Распределение населения по национальности и родному языку». Л. 1.
21. Рассчитано по: Ведомственный архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Перепись 1989 г. Табл. 10с «Распределение населения по национальности и второму языку народов СССР.». Л. 1.
22. Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001. С. 93.
23. Макарова Л.В. и др. Региональные аспекты российской иммиграции // Социологические исследования, 1998. № 6. С. 50–51.
24. См., напр.: Кiekбаев М.Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность (опыт историко-этнографического и этносоциологического исследования). Уфа, 1998. С. 157.

*Г. Н. Чагин**

**Этносы Пермского края
во Всероссийской переписи населения 2002 года**

Актуальность информации, полученной из материалов Всероссийской переписи населения 2002 г., сложно переоценить. На статистических данных демонстрируется не только этнический состав населения, но и специфика его развития и многие факторы, определяющие современное этнокультурное развитие. Вселяет уверенность в достоверности материалов переписи то, что информация фиксировалась по принципу самоопределения опрашиваемых, включая субэтнические группы.

Целью данного сообщения является демонстрация этнического состава населения Пермской области 2002 г. и сравнение его с данными переписи 1989 г., а также определение удельного веса каждого этноса в составе всего населения. Обратимся также к такому важнейшему индикатору этничности, как владение языками.

Этнодемографическую ситуацию в Пермской области 2002 г. и ее соотношение с данными предыдущей переписи 1989 г. представим в следующей таблице [1].

Народы	1989 г., тыс. чел.	2002 г., тыс. чел.	2002 г., в % к 1989 г.	1989 г., в % к итогу	2002 г., в % к итогу
Все население	3091,5	2819,4	91,2	100	100
Русские	2592,2	2401,7	92,7	83,8	85,2
Татары	150,5	136,6	90,8	4,9	4,8
Коми-пермяки	123,4	103,5	83,9	4,0	3,7
Башкиры	52,3	40,7	77,8	1,7	1,4
Удмурты	32,8	26,3	80,2	1,1	0,9
Украинцы	45,7	26,0	56,9	1,5	0,9
Белорусы	18,8	11,0	58,5	0,6	0,4
Немцы	15,3	10,2	66,7	0,5	0,4
Чуваши	10,8	7,0	64,6	0,3	0,3
Азербайджанцы	3,9	5,8	в 1,5 раза	0,1	0,2
Марийцы	6,6	5,2	78,8	0,2	0,2
Армяне	2,5	5,0	в 2 раза	0,1	0,2
Евреи	5,5	2,6	47,3	0,2	0,1
Мордва	4,2	2,3	54,8	0,1	0,1

***Чагин Георгий Николаевич** (Пермь) – доктор исторических наук, зав. кафедрой древней и новой истории России Пермского государственного университета.

Окончание таблицы

Народы	1989 г., тыс. чел.	2002 г., тыс. чел.	2002 г., в % к 1989 г.	1989 г., в % к итогу	2002 г., в % к итогу
Таджики	0,9	2,0	в 2,2 раза	0,02	0,07
Узбеки	3,0	2,0	66,7	0,1	0,7
Молдаване	3,0	2,0	66,7	0,1	0,7
Грузины	1,6	1,6	100	0,05	0,06
Казахи	2,1	0,8	38,1	0,1	0,03
Другие национальности	16,4	27,1	в 1,7 раза	0,53	0,9

В таблицу включены показатели о 19 этносах, хотя по данным переписи в Пермской области проживало в 2002 г. более 120 национальностей. Остальные этносы значатся в графе «другие национальности» (о некоторых из них см. ниже).

Как видно из переписных материалов, в структуре национального состава населения Пермской области с 1989 по 2002 г. произошли значительные изменения. Они были обусловлены действием трех факторов. Первый фактор – это различия в естественном движении населения, второй – миграционный, вызванный распадом СССР, третий – смена этнического самосознания в связи с увеличением смешанных браков и естественной ассимиляцией.

Численность населения Пермской области с 1989 г. уменьшилась на 271,1 тыс. чел., но это принципиально не изменило этническую структуру, зафиксированную переписью 1989 г. По-прежнему численно лидируют русские – 85,2% (2401,7 тыс. чел.). По сравнению с 1989 г. они уменьшились на 190,5 тыс. чел., но их доля во всем населении области возросла на 1,4%. Областной государственный комитет статистики считает, что сокращение русских связано с естественной убылью русских и миграционным оттоком других национальностей.

Второе место занимают татары – 4,8% (136,6 тыс. чел.), хотя за межпереписной период их численность снизилась на 0,1%, а это 13,9 тыс. чел.

Третье место, как и по переписи 1989 г., остается за коми-пермяками. Их удельный вес в населении области составил 3,7%. Численность достигла 103,5 тыс. чел., что по сравнению с 1989 г. на 19,9 тыс. чел. меньше.

Доля башкир составила 1,4% населения (40,7 тыс. чел.) (четвертое место), удмуртов – 0,9% (26,3 тыс. чел.) (пятое место), украинцев – 0,9% (26,0 тыс. чел.) (шестое место), белорусов – 0,4% (11,0 тыс. чел.) (седьмое место), немцев – 0,4% (10,2 тыс. чел.) (восьмое место).

Численность других девяти этносов – чувашей, азербайджанцев, марийцев, армян, евреев, мордвы, таджиков, узбеков, молдаван, грузин – в пределах от 7 до 1,6 тыс. чел. Всем другим этносам характерен наименьший удельный вес и численность менее одной тысячи человек.

За межпереписной период по причине естественной убыли и миграции уменьшилась численность немцев (с 15,3 тыс. до 10,2 тыс. чел.), украинцев (с 45,7 тыс. до 26,0 тыс. чел.), белорусов (с 18,8 тыс. до 11,0 тыс. чел.), евреев (с 5,5 тыс. до 2,6 тыс. чел.) и др.

Показатели роста за межпереписной период зафиксированы среди азербайджанцев – в полтора раза (с 3,9 тыс. до 5,8 тыс. чел.), армян – в два раза (с 2,5 тыс. до 5,0 тыс. чел.), таджиков – в 2,2 раза (с 0,9 тыс. до 2,0 тыс. чел.). Этот факт явился не результатом естественного прироста. Главная причина – продолжающаяся в 1990-е гг. миграция азербайджанцев, армян, таджиков с исторической родины. В основном в Пермскую область прибыли люди трудоспособного возраста.

Известно, что из переписей населения после 1926 г. исчезли многие этносы. Чаще всего людей записывали русскими. В связи с ростом этнического сознания и знанием своей этнической истории, в Пермской области, как свидетельствуют итоги переписи 2002 г., появились такие народы, как казаки – 75 чел., татары-кряшены – 24 чел., бесермяне – 8 чел., нагайбаки – 6 чел., поморы – 2 чел. Бесермяне и нагайбаки имеют статус коренных малочисленных народов России.

Казаки, как известно, не имеют этнического статуса, они являются субэтносом русских. В списке этносов они оказались в связи с тем, что накануне переписи 2002 г. казачеством инициировался проект признания казаков самостоятельным этносом. Обсуждался феномен ускоренного роста казаков, и эксперты прогнозировали получить в 2002 г. численность казаков до 7 млн. чел. Но данную идентичность в России выбрали только 140 тыс. чел., в том числе в Пермской области 75 чел.

Езиды являются субэтнической группой курдов. В Пермскую область они мигрировали из Грузии и Армении.

Впервые после переписи 1926 г. получены сведения о крещенных татарах-кряшенах. Кряшены являются этноконфессиональной группой татарского этноса, образование которой связано с насильственным крещением татар в XV–XIX вв. В 1990-е гг. кряшенская интеллигенция заметно активизировала свою деятельность по возрождению православной веры, и следствием этой политики явился рост этнической идентичности.

Бесермяне проживают на северо-западе Удмуртской Республики. Последний раз они были зарегистрированы как самостоятельный этнос в 1926 г. Впоследствии их относили к удмуртам. Хотя дискуссии о происхождении бесермян не закончились, но народ получил признание как самостоятельный этнос, а не субэтнос удмуртов. Следствием этого и явилось появление бесермян в списке этносов Пермской области.

Нагайбаки, как и бесермяне, являются вновь признанным этносом. Они ведут свою историю от группы татар, принявшей православие и переселившейся из Поволжья на Урал. В наше время нагайбаки компактно проживают в Челябинской области.

В переписи 2002 г. обнаруживаются и примеры, отражающие сложную этническую структуру этносов. Так, мордвой записались 2363 чел., и одновременно 16 чел. идентифицировали себя мордвой-мокшей и 8 чел. – мордвой-эрзя. Как известно, мокша и эрзя являются субэтносами мордвы. Пример этот является следствием длительной дискуссии, развернувшейся в Республике Мордовия за признание мокши и эрзи самостоятельными этносами. Аналогичная картина и у марийцев: 5393 чел. отнесли себя к марийцам и еще 174 чел. к лугово-восточным марийцам и 22 чел. к горным марийцам. Но с марийцами ситуация иная, чем с мордвой. Субэтнические группы не являются предметом острых дискуссий.

Как и в предыдущих переписях, о своем присутствии в Пермской области заявили молдаване (1973 чел.), поляки (742 чел.), литовцы (532 чел.), латыши (204 чел.), гагаузы (198 чел.), эстонцы (196 чел.), финны (173 чел.), румыны (94 чел.), чехи (19 чел.). Но численность их по сравнению с предыдущей переписью сократилась.

Этнический состав населения к 2002 г. увеличился за счет мигрантов с Кавказа: грузин (1585 чел.), чеченцев (899 чел.), болгар (502 чел.), осетин (431 чел.), греков (393 чел.), аварцев (301 чел.), ингушей (230 чел.), даргинцев (270 чел.), кабардинцев (152 чел.), лакцев (96 чел.), карачаевцев (75 чел.) и др.

Значительно увеличилась численность таких этносов, как корейцы (с 312 до 504 чел.), даргинцы (с 184 до 270 чел.), агулы (с 5 до 69 чел.), турки (с 31 до 61 чел.), сербы (с 14 до 45 чел.), ассирийцы (с 17 до 36 чел.), талыши (с 7 до 26 чел.), езиды (до 30 чел.).

Среднеазиатские этносы представляют узбеки (1988 чел.), казахи (802 чел.), киргизы (233 чел.), туркмены (232 чел.), арабы (139 чел.), уйгуры (69 чел.), каракалпаки (22 чел.) и др.

Из сибирских народов о своем присутствии в Пермской области заявили табасараны (131 чел.), буряты (109 чел.), тувинцы (49 чел.), хакасы (42 чел.), манси (31 чел.), алтайцы (28 чел.), ханты (26 чел.) и др.

В этническом составе населения обнаруживаются представители экзотических этносов: вьетнамцы (99 чел.), сербы (45 чел.), американцы (22 чел.), испанцы (7 чел.), японцы (6 чел.), итальянцы (6 чел.), индийцы хиндиязычные (5 чел.) и др.

Особо остановимся на результатах переписи населения Коми-Пермяцкого автономного округа 2002 г. Они дают 56 этнические единицы, но при этом в официальных сведениях три человека отнесены к «другим национальностям», и 14 чел. не дали ответа на вопрос о своей национальной принадлежности [2].

Этническая самоидентификация населения округа предстает в следующем виде. Численность населения Коми-Пермяцкого автономного округа достигла 136,1 тыс. чел. Из них: 80,3 тыс. чел. или 59% записались коми-пермяками, 51,9 тыс. чел. или 38,1% – русскими, 1,1 тыс. чел. – татарами, 706 чел. – украинцам, 627 чел. – белорусами, 263 чел. – немцами, 199 чел. – удмуртами, 100 чел. – молдаванами, 95 чел. – азербайджанцами, 91 чел. – чувашами, 53 чел. – литовцами, 50 чел. – башкирами. Численность остальных этносов не превышает 50 чел. Среди них – армяне, болгары, грузины, казахи, коми, марийцы, мордва, поляки, татары крымские, узбеки, чеченцы и др.

На территории округа проживали родственные по происхождению коми-пермякам этносы, говорящие на языках финно-угорской языковой семьи: 199 удмуртов, 43 марийца, 33 коми, 32 мордвы, 11 финнов, пять карелов, два эстонца, один хант, один венгр.

В Красновишерском районе помимо коми-пермяков (198 чел.) 688 чел. назвали себя коми. К коми отнесли себя коми-язьвинцы, носители особого коми языка [3]. Этническим определителем коми-язьвинцев является язык, который самими носителями осознается особым, прежде всего отличающимся от коми-пермяцкого языка. В местах компактного расселения, по нашей оценке, проживает около двух тысяч коми-язьвинцев. После переписи 1926 г. их записывают русскими. Но многие носители коми-язьвинского языка называют себя древним этнонимом – пермяками. Кстати, в переписных листах 878 чел. записались «пермяками». Среди них тоже оказались коми-язьвинцы.

При переписи населения переписчики пользовались «Алфавитным перечнем национальностей и этнических наименований», разработанных Институтом этнологии и антропологии РАН. Но так как в

нем отсутствовал этнонимы «коми-язьвинцы», «пермяки», то население, осознающее себя таковым этносом, просило отнести себя к коми и пермякам, а не к коми-пермякам [4]. Под коми они понимали не коми-зырянское население (с ними у них связь отсутствовала, поэтому таковыми они себя не идентифицируют), а всех коми. Появление коми-язьвинцев (коми, пермяков) в переписи 2002 г. является ярким примером пробуждающегося этнического самосознания одного из древних народов Северного Урала. В то же время этот пример ставит немало вопросов о дальнейшей судьбе малочисленного народа.

Итоги переписи 2002 г. продемонстрировали интересную этническую картину в Бардымском районе (бассейн р.Тулва). Здесь издавна поселились башкиры племени гайна. От них пошли так называемые гайнинские башкиры. Впоследствии к ним присоединяются другие тюрки – волжские булгары, печенеги, кипчаки и казанские татары. Территория проживания сложного в этническом отношении населения входила в состав Золотой Орды, затем – в Казанское ханство. Взаимоотношения народов привели к образованию башкир и татар, границы расселения и культурно-бытовые особенности которых с трудом поддаются обозначению. Значительная часть башкир попала под влияние татар, овладела татарским языком и стала считать себя татарами. Несовпадение этничности и родного языка приняло массовый характер. В условиях глубинной языковой ассимиляции сохраняется сложная этническая идентичность.

По данным 2002 г., в Бардымском районе насчитывалось 16,6 тыс. башкир и 9,0 тыс. татар (при общей численности населения 27,9 тыс. чел.), у которых общим языком общения остается татарский язык. Он изучается в школе, на нем говорят повсеместно. Около 30% башкир считают татарский язык родным.

Материалы переписи населения 2002 г. позволяют рассмотреть ситуацию, сложившуюся в языковой сфере [5]. В Пермской области в условиях полиэтничности (более 120 этносов), урбанизированности (75,3% городского населения), высокой доли русского населения (85,2%), наличия смешанных в этническом отношении семей, ослабления значимости родного языка у нерусского населения существенное значение приобрел русский язык. В этом отношении русские, естественно, составили исключение. Они почти все владеют русским языком. По данным официальной статистики, из 51946 русских, проживающих в Коми-Пермяцком автономном округе, не владели русским языком 154 чел. (0,3%). Такой пример единственный.

Невладение русским языком обнаруживается почти у всех нерусских этносов. Так, по ответам опрашиваемых 80327 коми-пермяков, проживавших на территории Коми-Пермяцкого автономного округа, 2051 чел. (2,5%) заявили, что они не знают русский язык. Кроме того, в ряде районов Пермской области еще 28 коми-пермяков заявили о невладеении русским языком.

В районах Пермской области, не входящих в Коми-Пермяцкий автономный округ, этот показатель выглядит очень низким по сравнению с округом, хотя в этих районах коми-пермяков в 2002 г. насчитывалось достаточно много – 23173 чел. В целом в Пермской области, включая и Коми-Пермяцкий автономный округ, не владели русским языком 2079 чел. из числа коми-пермяков (2,1%). Как известно, коми-пермяки проживают и за пределами Пермской области. Общий итог численности этой диаспоры коми-пермяков, согласно переписи 2002 г., достигал 21753 чел. Из них только один коми-пермяк, живущий в городе, не владел русским языком.

Показатели невладеения русским языком у других нерусских этносов Пермской области выглядят следующим образом: среди башкир – 2250 чел. (5,6%), татар – 6755 чел. (4,9%), марийцев – 64 чел. (0,3%). Из 1181 чел. коми не владели русским языком два человека, из 31 манси – один человек. Кстати, вновь записанные в перепись 2002 г. этносы – бесермяне (8 чел.) и нагайбаки (6 чел.) – владели русским языком [6].

Вопрос о владении родным языком, к сожалению, не был включен во Всероссийскую перепись населения 2002 г. В материалах переписи мы находим эти сведения только по коми-пермякам, причем как по тем, которые живут в Коми-Пермяцком автономном округе, а так и в целом по России. Из 80327 коми-пермяков округа владели родным коми-пермяцким языком 66764 чел., или 83,1%. В целом по России численность коми-пермяков, владевших коми-пермяцким языком, достигала 94328 чел. (из 125235 чел.), что составило среди всех коми-пермяков 75,3%.

В материалах переписи населения 2002 г. обнаруживаем еще один пример, иллюстрирующий вопрос о знании коми-пермяцкого языка другими этносами. Среди этносов России с численностью 400 тыс. чел. и более (этносы с меньшей численностью в опубликованных материалах переписи не отражены, возможно, даже такие этносы не принимались во внимание) коми-пермяцким языком владели: аварцы – один человек, азербайджанцы – 9 чел., армяне – 8 чел., башкиры – 9 чел., белорусы – 76 чел., кабардинцы – 3 чел., казахи – 4 чел., лезгины –

2 чел., марийцы – 3 чел., мордва – 6 чел., немцы – 19 чел., осетины – один человек, русские – 6261 чел., татары – 98 чел., удмурты – 63 чел., украинцы – 72 чел., чеченцы – один человек, чувашы – 16 чел., якуты – 5 чел. [7]. Несомненно, эти данные показывают широту функционирования коми-пермяцкого языка.

Интерес представляют материалы переписи 2002 г. о владении другими (не русским и не коми-пермяцким) языками в Коми-Пермяцком автономном округе. Указавших знание английского языка насчитывалось 932 чел., в том числе 382 коми-пермяка, 510 русских, 40 чел. – другие этносы; белорусского – 183 чел., в том числе пять коми-пермяков, 12 русских, 166 чел. – другие этносы; немецкого – 743 чел., в том числе 296 коми-пермяка, 346 русских, 101 чел. – другие этносы; татарского – 642 чел., в том числе шесть коми-пермяков, 17 русских, 619 чел. – другие этносы; украинского – 436 чел., в том числе 34 коми-пермяка, 94 русских, 308 – другие этносы; французского – 130 чел., в том числе 81 коми-пермяков, 45 русских, четыре человека – другие этносы. Кроме того, в итоговых данных переписи 2002 г. сообщается, что 762 чел., проживавших в округе, владели «другими языками», но, к сожалению, в опубликованных материалах переписи 2002 г. расшифровка не приведена [8].

Обнародованные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. показывают, что в Пермской области произошли заметные перемены в национальных отношениях. Материалы переписи необходимо использовать для создания благоприятной среды, способствующей развитию этносов и их национальных культур и оптимизации форм межэтнических коммуникаций.

Литература и источники

1. Национальный состав населения Пермской области / Пермский областной комитет государственной статистики. Пермь, 2004. С. 2–3.
2. Там же. С. 96–97.
3. Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. М., 1961; Чагин Г.Н. Коми-язьвинские пермяки – древний народ Северного Урала. Красновишерск, 2002. С. 5–7.
4. Наше предположение основано на устных сообщениях жителей коми-язьвинских деревень, которые мы фиксировали после проведения Всероссийской переписи населения 2002 г.
5. Национальный состав и владение языками, гражданство: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2004. Т. 4, кн. 1. С. 6 об. – 10.
6. Там же.
7. Там же. С. 125–127.
8. Там же. С. 163.

*В. Я. Сквозников**

Этнодемографические процессы в Республике Коми

Республика Коми – один из многонациональных субъектов Российской Федерации. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в республике проживали представители 113 национальностей и 17 этнических групп. Для официального опубликования итогов переписи населения по национальному составу ответы населения о национальной принадлежности были систематизированы Институтом этнологии и антропологии РАН в 142 национальности и 40 входящих в них этнических групп.

В республике наиболее многочисленными национальностями являются русские, коми, украинцы, белорусы, татары, немцы, чуваша. По сравнению с данными предыдущей переписи населения 1989 г., эта группа пополнилась азербайджанцами (их численность увеличилась в 1,3 раза).

Коренной этнос – коми – насчитывал 256,5 тыс. чел. Это составило четверть населения республики. Больше половины коми (54%) – сельские жители. Наиболее высокая концентрация коми – в Ижемском (90%), Усть-Куломском (79%), Корткеросском (72%), Сысольском (69%), Прилузском (60%), Сыктывдинском (52%) районах.

Удельный вес коми во всех городах республики был невысоким. В Воркуте они составляли лишь 2%, Ухте – 9%, Сосногорске – 10%, Инте – 11%. Наибольшее количество коми проживало в Сыктывкаре, но даже здесь они составляли одну треть населения.

Всего же на территории Российской Федерации насчитывалось 293,4 тыс. чел. коми национальности, из них на территории Республики Коми проживало 87,4% (в 1989 г. – 86,6%).

Абсолютное большинство населения республики – русские. Их численность составила 607,0 тыс. чел., что на 114,8 тыс. меньше, чем в 1989 г.

Русские преобладают в большинстве городов и районов республики. Лишь в Койгородском, Удорском, Сыктывдинском, Прилузском, Сысольском, Корткеросском районах их доля составляет менее половины населения, в Усть-Куломском и Ижемском – 16 и 8% соот-

**Сквозников Владимир Яковлевич (Сыктывкар) – руководитель территориального органа Федеральной службы статистики по Республике Коми.*

Численность населения наиболее многочисленных национальностей по данным переписей населения¹⁾

Национальность	Человек					В % к итогу				
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
Все население	815037	964802	1110361	1250847	1018674	100	100	100	100	100
Коми	245357	276178	280798	291542	256464	30,1	28,6	25,3	23,3	25,2
Русские	395975	512203	629523	721780	607021	48,6	53,1	56,7	57,7	59,6
Украинцы	81415	82955	94154	104170	62115	10,9	8,6	8,5	8,3	6,1
Татары ²⁾	8689	11906	17836	25980	15680	1,0	1,2	1,6	2,1	1,5
Белорусы	22622	24706	24763	26730	15212	2,8	2,6	2,2	2,1	1,5
Немцы	19805	14647	13339	12866	9246	2,4	1,5	1,2	1,0	0,9
Чуваши	3493	6567	8545	11253	7529	0,4	0,7	0,8	0,9	0,7
Азербайджанцы	1374	950	2158	4728	6066	0,2	0,1	0,2	0,4	0,6
Другие национальности	36307	34690	39245	51784	33641	4,4	3,6	3,5	4,1	3,3

¹⁾ За 1959, 1970 гг. – наличное население, за 1979, 1989, 2002 гг. – постоянное население.

²⁾ Данные переписей 1959, 1970, 1979 гг. о населении татар разрабатывались в целом, т.е. включая крымских татар.

ветственно. Наибольшая доля русских отмечена в городах Инта, Вуктыл (по 68%), Печора (69%), Воркута (72%), Ухта, Сосногорск (по 75%). В Усть-Цилемском районе русские составляют подавляющее большинство – 91%.

К 2002 г. по сравнению с 1989 г. произошло увеличение доли русских (с 57,7 до 59,6%) и коми (с 23,3 до 25,2%) при сокращении их абсолютной численности, что обусловлено прежде всего реэмиграцией представителей национальностей бывших союзных республик.

За межпереписной период (1989–2002 гг.) численность представителей других национальностей из группы многочисленных и их доля уменьшились или остались на уровне 1989 г. в большинстве городов и районов республики.

Украинцы остаются третьей по величине национальной группой, составляя 6,1% общей численности населения республики (в 1989 г. – 8,3%). По сравнению с 1989 г. их численность уменьшилась на 42,1 тыс., или на 60%. Сокращение численности украинцев и их удельного веса наблюдается во всех городах и районах. В городах Воркута, Инта, Троицко-Печорском и Усть-Куломском районах их численность сократилась в два раза.

Украинцы, как впрочем и другие представители некоренной национальности, проживают, главным образом, в городских поселениях. Так, украинцы составляют от 5% и более в городах Ухта, Сосногорск, Печора, Инта, Усинск, Вуктыл, Удорском, Усть-Вымском, Троицко-Печорском, Княжпогостском районах, и максимального значения данный показатель достигает в Воркуте – 10,7%. А в Ижемском и Усть-Цилемском районах лица украинской национальности составляют менее 1% населения.

Белорусы наряду с татарами составляют 1,5% населения, хотя и уступают им по численности. Всего в республике, по данным переписи, проживало 15,7 тыс. татар и 15,2 тыс. белорусов.

За межпереписной период татары уменьшили свою численность на 40%, белорусы – на 43%.

Татары в основном проживают в Усинске, составляя 7% населения. В Вуктыле, Инте, Воркуте их доля составляет от 2 до 4%. В остальных городах и районах – 1,0% и менее от общей численности населения.

В два раза и более численность белорусов уменьшилась в Воркуте, Вуктыле, Инте, Ижемском, Койгородском, Усть-Куломском, Троицко-Печорском районах.

Белорусы наиболее распространены в Воркуте, Вуктыле, Инте, Печоре, Сосногорске, Ухте, Усинске, Княжпогостском, Троицко-Печорском районах. Здесь их доля составляет 2%. В сельских районах их доля – менее 1%.

Как и в предыдущее десятилетие, продолжалось сокращение численности немцев и их удельного веса в населении республики. Однако за годы после переписи 1989 г. численность этой национальности уменьшилась значительно из-за возросшей в начале 1990-х гг. эмиграции немцев, вследствие принятия закона о въезде и выезде, значительно упрощавшего процессы перемещения. По данным переписи 2002 г., в республике проживало 9,2 тыс. немцев, это на 3,6 тыс., или 72%, меньше, чем по переписи 1989 г. Наибольший процент лиц данной национальности проживает в Койгородском районе (3%). В Сыктывкаре, Воркуте, Вуктыле, Усть-Вымском, Сыктывдинском, Княжпогостском районах немцы составляют 1-1,4%. В остальных городах и районах их доля колеблется от 0,8% в Ухте и Сосногорске до 0,2-0,3% в Усинске, Удорском и Прилузском районах.

Стремительный рост численности чувашей в период 1979–1989 гг. сменился резким сокращением. В 1990-е гг. численность этой национальности уменьшилась на 3,7 тыс. или на 67%; доля снизилась до 0,7%. Наибольший процент чувашей (0,8-1%) отмечен в Воркуте, Вуктыле, Инте, Печоре, Сосногорске, Усинске, Ухте, Усть-Вымском районе, в остальных городах и районах этот показатель ниже республиканского значения.

Быстрыми темпами увеличивалась в 1990-е гг. численность азербайджанцев, живущих на территории Республики Коми. По сравнению с данными переписи 1970 г., их численность увеличилась более чем в шесть раз и составила на дату переписи 2002 г. 6,1 тыс. чел. (0,6% в общей численности населения). Наибольший процент азербайджанцев отмечен в Усинске (1,3%), Княжпогостском районе (1,1%), Воркуте (1%), Ухте (0,8%), Сыктывкаре и Удорском районе (по 0,6%).

По переписи 2002 г., в республике насчитывалось 18 национальностей, численность населения которых превышала одну тысячу человек, по переписи 1989 г. таких национальностей было 21. В связи с уменьшением численности из этой группы вышли грузины, евреи, казахи, узбеки, а в связи с ростом численности вошли лезгины.

В 1990-е гг. произошло значительное сокращение численности и удельного веса представителей национальностей бывших союзных республик. Так, численность туркменов уменьшилась в 10 раз, узбеков и казахов – в 3,5 раза, эстонцев – в 2,7 раза, латышей – в два раза,

литовцев и грузинов – в 1,9 раза, таджиков – в 1,7 раза. Напротив, увеличили свою численность киргизы – в два раза.

Из народов финно-угорской группы увеличилась численность коми-пермяков и ханты, уменьшилась – марийцев, мордвы, удмуртов, карелов, эстонцев, финнов, венгров, вепсов, манси.

Впервые, по сравнению с 1989 г., при переписи 2002 г. были зафиксированы талыши (49 чел.), шведы (19), езиды (11), вьетнамцы (7), нагайбаки, пуштуны, юкагиры (по 5 чел.). Около 0,6% от общей численности населения (5,7 тыс. чел.) предпочли не указывать свою национальную принадлежность (в 1989 г. – 14 чел.).

Изменение численности народов в межпереписной период было обусловлено демографическими, миграционными и этническими процессами.

По состоянию на 9 октября 2002 г. численность постоянного населения Республики Коми составляла 1018,7 тыс. чел. За период с 1989 г. население сократилось на 232,1 тыс. чел., или на 18,6%. За этот межпереписной период республика в среднем ежегодно теряла 1,5% населения, тогда как между переписями 1970–1979 гг. наблюдался ежегодный прирост в 1,5%, 1979–1989 гг. – 1,2%.

Изменение численности постоянного населения
по городам и районам Республики Коми
(по данным переписей населения 1989 г. и 2002 г., тыс. чел.)

Город	2002 г.	1989 г.	2002 г. в % к 1989 г.	Район	2002 г.	1989 г.	2002 г. в % к 1989 г.
Республика Коми	1019,0	1250,8	81,5	Ижемский	21,5	23,3	92,3
Сыктывкар	245,8	234,9	104,6	Княжпогостский	29,7	39,5	75,2
Воркута	134,1	218,5	61,4	Койгородский	10,0	12,4	80,6
Вуктыл	18,4	28,4	64,8	Корткеросский	23,7	27,2	86,8
Инта	46,5	71,2	65,3	Прилузский	24,7	28,2	87,9
Печора	66,3	94,6	70,2	Сыктывдинский	24,2	27,4	88,3
Сосногорск	52,6	62,6	84,0	Сысольский	16,9	19,6	86,2
Усинск	52,9	69,8	75,6	Троицко- Печорский	17,6	26,2	67,2
Ухта	127,5	142,5	89,5	Удорский	25,1	24,8	101,2
				Усть-Вымский	34,0	43,3	78,5
				Усть-Куломский	32,1	39,9	80,5
				Усть- Цилемский	15,4	16,5	93,3

Сокращение численности населения отмечается почти во всех городах и районах республики. Незначительное увеличение численности произошло в Удорском районе (на 1,2%). Продолжает привлекать население, будучи столичным городом, и Сыктывкар. Здесь численность населения увеличилась на 4,6%.

Значительные потери произошли в Воркуте, где население сократилось на 38,6%, Вуктыле (на 35,2%), Инте (на 34,7%), Печоре (на 29,8%), Троицко-Печорском районе (на 32,8%).

Сокращение численности, прежде всего, связано с интенсивным миграционным оттоком населения из республики, а также падением рождаемости и ростом смертности.

Следует сказать, что на изменение этнического состава населения республики большое влияние оказывали миграционные процессы. Так, огромные передвижки населения произошли в 1930–1950-е гг. – периоды раскулачивания и коллективизации, массовых репрессий. В результате депортаций в республике оказались представители самых разных национальностей: русские, немцы, поляки, литовцы, латыши, эстонцы, молдаване, западные украинцы и белорусы.

Начавшееся в 1950–1960-е гг. интенсивное промышленное освоение территории Европейского Севера, стимулируемое вводимыми льготами для северян, вызвало приток мигрантов в республику из других областей РФ, Украины, Белоруссии.

С 1959 г. население республики увеличилось в 1,5 раза, достигнув своего максимума в 1990 г. – 1264,9 тыс. чел. За период с 1959 по 1989 г. прирост русского населения составил 82,3%, украинцев – 27,9%, белорусов – 18,2%. Численность татар и чувашей увеличилась в три раза. Из группы основных национальностей с 1959 г. снижение численности и удельного веса в составе населения республики произошло только у немцев, которое объясняется их миграцией за пределы республики. Их численность сократилась на 6,9 тыс. чел., удельный вес снизился с 2,4 до 1,0%.

Высокими темпами увеличивалась численность группы «другие национальности» (на 50,0%). Динамика изменения численности отдельных национальностей из этой группы была различна. Так, численность башкир выросла в 8,5 раза, молдаван – в 3,2, азербайджанцев – в 3,4, узбеков – в 2,1 раза. В то же время численность литовцев сократилась с 8,3 тыс. чел. в 1959 г. до 3,1 тыс. чел. в 1989 г., поляков с 3,1 тыс. до 2,2 тыс. чел. Снизился и удельный вес этих национальностей, которые по переписи 1959 г. являлись одними из наиболее многочисленных в республике.

Экономические и политические события начала 1990-х гг. – распад СССР и процессы, связанные с этим; движение к либерализации и демократизации жизни в стране, расширение прав и свобод личности; экономические преобразования (становление рыночных отношений, развитие частного предпринимательства, массовое высвобождение рабочей силы, особенно в северных городах республики, и др.) – изменили направление миграции прямо в противоположную сторону.

За период с 1990 по 2002 г. республику безвозвратно покинули 218,8 тыс. чел. Значительная часть мигрантов (70%) – население трудоспособного возраста.

Наибольший миграционный отток населения наблюдался среди русских (65,6% общей сальдированной миграционной убыли), украинцев (11,5%), татар (6,0%), немцев (3,7%), белорусов (3,5%), чувашей (1,5%). В то же время в республику иммигрировали коми (1,0% общей сальдированной миграционной убыли), азербайджанцы, армяне, грузины (1,1%), киргизы, таджики, узбеки, туркмены (0,3%), молдаване (0,1%).

Начиная с 2000 г. отток населения стабилизировался и республика имеет устойчивую миграционную убыль – до 6 тыс. чел. в год. Вплоть до 1990-х гг. рост численности республики обеспечивался естественным приростом населения. С 1993 г. число умерших превышает число родившихся, что также повлияло на сокращение численности населения.

Определяющим фактором в депопуляции является низкая рождаемость, именно она в большей степени отклонилась от норм простого воспроизводства населения.

Еще на рубеже 1980–1990-х гг., при общей тенденции к снижению уровня рождаемости репродуктивное поведение населения было сориентировано в основном на рождение двух детей. Ухудшение социально-экономической ситуации в стране, снижение реальных денежных доходов семей, изменение структуры потребностей и иерархии жизненных интересов, лишь ускорили переход к одноплодному семейству и отказу от рождения детей вообще.

В 1990-е гг. суммарный коэффициент рождаемости (число рожденных детей, приходящихся на одну женщину репродуктивного возраста) упал до беспрецедентно низкого уровня – с 1,88 в 1990 г. до 1,12 в 1999 г. В последующие годы наметился рост рождаемости (суммарный коэффициент рождаемости в 2000 г. составил 1,15, в 2001 г. – 1,19, в 2003 г. – 1,4), однако он остается вдвое ниже необходимого для простого замещения поколений родителей их детьми (2,15 рождений на одну женщину фертильного возраста (15-49 лет)).

Традиционно коми отличались более высокими показателями рождаемости. Так, по данным переписи населения 2002 г., в России на 1000 женщин коми национальности приходилось 1869 рождений, чувашей – 1884, белорусов – 1765, украинцев – 1726, татар – 1711, русских – 1446 (в 1989 г. соответственно 2264, 2231, 1816, 1807, 2125, 1723).

Вместе с тем, растет доля детей, родившихся вне брака. Доля детей, родившихся вне юридического брака, в республике за межпереписной период увеличилась в 2,7 раза и составила около 40% от общего числа ежегодных рождений. Наиболее распространены внебрачные рождения в сельской местности, где на их долю приходится более половины всех рождений (В России в 2003 г. вне зарегистрированного брака родилось 30% детей, в том числе в сельской местности – 33%).

Рост внебрачных рождений на фоне значительного сокращения уровня рождаемости говорит о значительном снижении роли института семьи в жизни современного общества.

На общем уровне брачности в межпереписной период отрицательно сказалось сокращение численности молодежи, вступившей в брачный возраст: численность лиц в возрасте 16-29 лет за 1989–2002 гг. сократилась на 18%. По этой причине, а также вследствие изменения взглядов на ценность брачных отношений, число официально зарегистрированных в органах ЗАГС семей в 2004 г. уменьшилось по сравнению с 1989 г. на 48%. Количество брачных союзов за межпереписной период и два года после переписи лет находилось в пределах 5,5–9,5 браков на 1000 населения, количество разводов – 3,8–6,1. Доля браков, заканчивающихся разводом, возросла в 1,7 раза: если в 1989 г. распадался каждый второй брак, то в 2002 г. – 83% всех браков заканчивались разводом, в 2003 г. – 71%, в 2004 г. – 79%.

По данным за 2004 г., уровень брачности в республике ниже (6,2 против 6,8), а разводимости – выше (4,9 и 4,4), чем в целом по России.

Одна из наиболее значимых проблем развода связана с тем, что он затрагивает судьбы детей, их наличие в семье не являлось препятствием для распада семьи: ежегодно 3-4 тыс. несовершеннолетних детей вследствие расторжения брака оставались без одного из родителей.

За межпереписной период почти пятая часть разводов в республике приходилась на молодые супружеские пары, прожившие в браке менее пяти лет. Это привело к повышению доли разведенных в брачной структуре населения, особенно среди женщин, для которых вступление в повторный брак весьма затруднено из-за изменения диспро-

порции населения по полу и возрасту. Ситуация на «брачном рынке» сложилась не в пользу женщин: если в 1989 г. на 1000 мужчин бракоспособного возраста (16 лет и старше) приходилось 980 мужчин, то в 2002 г. – 1122. По данным последней переписи, число разведенных (разошедшихся) в расчете на 1000 населения соответствующего пола в возрасте 16 лет и старше составляло у мужчин 81, а у женщин – 109 чел. (в 1989 г. соответственно 68 и 80). Доля вдовцов возросла с 1,8% в 1989 г. до 2,8% в 2002 г., вдов – соответственно с 13,1% до 15,1%.

Снижение брачности выражается и в изменении других показателей. Во-первых, снизилась интенсивность вступления в первый брак: если по переписи 1989 г. к 25 годам в брак вступало 43% женщин (21% мужчин) данных возрастов, то по последней – только 27% (15%).

Весьма характерным также является рост окончательного безбрачия. По данным переписи 1989 г., в республике в возрасте 45-49 лет было всего 5,5% мужчин и 3,1% женщин, никогда не состоящих в браке, по переписи 2002 г. – соответственно 7,3% и 5,4%. В сельской местности данный показатель выше, чем в городской у женщин на 23%, у мужчин – в 1,9 раза. В настоящее время уровень окончательного безбрачия стал стремительно приближаться к показателям стран Запада, причем основную роль в этом играет откладывание вступления в брак молодежи в наиболее активных бракоспособных возрастах: доля никогда не состоящих в браке в возрастной группе 20–24 года возросла с 49,1% в 1989 г. до 61,5% в 2002 г. При этом происходит компенсация официальной зарегистрированной брачности брачностью фактической, что особенно характерно для более молодых поколений. При переписи 2002 г. впервые были собраны фактические сведения о числе незарегистрированных брачных союзов. Их оказалось 33 тыс., или 14% от общего числа супружеских пар (в целом по России каждый десятый брак – гражданский).

В городских поселениях республики 13% семей обходилось без штампа в паспорте, в сельских – 18%. Причем в самых молодых возрастах (до 18 лет) доля состоящих в фактических браках среди всех женатых и незамужних составила 70,1% у мужчин и 69% у женщин. Это объясняется, главным образом, тем, что в этих возрастах официальная регистрация брака возможна только по особому разрешению администраций в случаях наступления беременности или рождения ребенка. По мере увеличения возраста показатели снижаются, а в средних возрастах отличаются меньше.

Складывающиеся тенденции развития брачно-семейных отношений (снижение уровня рождаемости и рост на ее фоне внебрачной

рождаемости, увеличение числа разводов и неполных семей, рост числа одиноких) характеризуют сложности социально обусловленной трансформации института семьи и ее функции.

Длительное снижение уровня рождаемости привело к старению населения. Республика Коми перешагнула рубеж, согласно которого, по классификации ООН, государство считается старым (доля пожилых людей 65 лет и более составляет 7%). В большей степени процесс старения населения протекает в сельской местности, здесь доля пожилых людей составляет более 10% (в городской местности – 6%).

Процесс старения населения является одним из факторов общего увеличения смертности в республике. Не случайно, в сельской местности, где удельный вес жителей в возрасте старше трудоспособного намного выше, чем в городской, уровень смертности в 1,4 раза выше.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, поднявшись к середине 1980-х гг. до 69,6 лет (у мужчин – до 64,5, у женщин – до 73,8), стала последовательно снижаться и составила в 2002 г. 63,4 года (у мужчин – 58,2, у женщин – 69,9), в 2003 г. – 61,7 год (у мужчин – 55,5, у женщин – 69,1). В 2003 г. среди регионов России республика занимала 69-е место.

В сельской местности ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин меньше, чем в городской (у мужчин – 56,5, у женщин – 69,9) и составляет 52,5 и 66,4 года. Весьма значительной остается разница в продолжительности жизни между мужским и женским населением: мужчины живут на 10-12 лет меньше, чем женщины. Это обуславливается высокой преждевременной смертностью мужчин.

В начале 1990-х гг. 85% общего прироста смертности было обусловлено ее ростом среди трудоспособного населения. Общий коэффициент смертности для трудоспособных возрастов увеличился с 4,7 в 1990 г. до 9,6 в 1994 г., в 2003 г. составил 10,3. Смертность от внешних причин стала основной причиной смертности трудоспособного населения. У мужчин они являются причиной смерти каждого второго умершего в этом возрасте, у женщин – каждой третьей. Среди естественных причин смерти доминируют самоубийства и убийства, алкогольные отравления. Более высокий уровень смертности от причин, связанных с алкоголизмом, характерен для сельского населения, особенно женщин. В 2003 г. в структуре смертности сельских женщин смертность от причин, связанных с алкоголизмом, составила 18%.

Процесс постепенного старения сопровождается ростом среднего возраста населения и изменениями возрастно-половой структуры населения. С переписи 1989 г. средний возраст (рассчитан по формуле

медианного возраста) жителей республики к 2002 г. возрос на пять лет, мужчины стали старше на четыре года, женщины – на шесть лет. Среднестатистическому мужчине – 32,3 года, женщине – 36,8 лет (по России, соответственно, 34,1 и 39,8 лет). Из городов и районов республики самое «молодое» население в Усинске (31,9 года), самое «старое» – в Троицко-Печорском районе (39 лет). Женщины республики в среднем «старше» мужчин на 4,5 года.

Возрастная структура населения республики наиболее благоприятная, чем в среднем по России: выше доля лиц моложе трудоспособного (20% против 18%) и трудоспособном (66% и 61%) и ниже – старше трудоспособного (14% и 21%).

За межпереписной период численность населения старше трудоспособного возраста увеличилась на 16% и составила на дату переписи 143,7 тыс. (14% всего населения против 10% в 1989 г.). В то же время численность детей и подростков за этот период сократилась на 42,6% и стала равна 201,2 тыс. чел. (20% против 28% в 1989 г.). Особенно резкое снижение (в 2,2 раза) произошло в возрастной группе детей до 10 лет (поколения, родившегося в последнее десятилетие, когда уровень рождаемости был самым низким за весь послевоенный период).

Численность лиц трудоспособного возраста сократилась на 13%, составив 673 тыс. чел., что связано с сохранявшимся весь межпереписной период их миграционным оттоком. В 2002 г. 53,2% в численности населения трудоспособного возраста составили лица в возрасте старше 35 лет (в 1989 г. – 45,5%).

Произошедшие в межпереписной период демографические процессы привели к снижению показателя демографической нагрузки (т.е. количества детей 0-15 лет, лиц старше трудоспособного – мужчин старше 60 лет и женщин старше 55 лет, приходящихся на население рабочих возрастов) с 611 из каждой 1000 населения трудоспособного возраста в 1989 г. до 513 чел. (в целом по России – с 755 до 631).

После переписи 1959 г. в республике сложилось наиболее благоприятное общее соотношение иждивенцев, находящихся на содержании государства, и производительного населения – самая низкая общая нагрузка непроизводительного населения на трудоспособное (но в то же время самая высокая – лицами старше трудоспособного и самая низкая – лицами моложе трудоспособного). За период 1989–2002 гг. коэффициент нагрузки детьми и подростками снизился с 451 до 299 (в расчете на 1000 населения в трудоспособном возрасте), а лицами пожилого возраста – возрос с 160 до 214, т.е. происходит его перераспределение в пользу лиц пенсионного возраста.

Численность населения основных возрастных групп

Возрастная группа	Тысяч человек					Удельный вес в общей численности населения, %		
	1989 г.		2002 г.			1989 г.	2002 г.	Справочно, Россия, 2002 г.
	Все население	Городское	Сельское	Все население	Городское	Сельское	100	100
Все население	1250,8	944,4	306,4	1018,7	766,6	252,1	100	100
в том числе в возрасте:								
молодежь	350,5	262,0	88,5	201,2	148,1	53,1	28,0	19,8
трудоспособного	776,4	601,1	175,3	673,0	517,4	155,6	62,1	66,1
старше	123,9	81,3	42,6	143,7	100,4	43,3	9,9	14,1
трудоспособного								20,5

7 9

Коэффициент демографической нагрузки (на 1000 лиц трудоспособного возраста приходится лиц нетрудоспособного возраста)

Год	Все население			Городское население			Сельское население		
	В том числе:		Всего	В том числе:		Всего	В том числе:		Всего
	детей и подростков (0-15 лет)	лиц старше трудоспособного		детей и подростков (0-15 лет)	лиц старше трудоспособного		детей и подростков (0-15 лет)	лиц старше трудоспособного	
1989	611	451	160	571	436	135	505	243	748
2002	513	299	214	480	286	194	341	279	620

Снижение общего коэффициента произошло за счет уменьшения показателя нагрузки лицами моложе трудоспособного возраста, как в городской, так и в сельской местности. По прогнозу Федеральной службы госстатистики в Республике Коми, начиная с 2008 г. показатель демографической нагрузки будет расти, поскольку к этому периоду в трудоспособный возраст начнет вступать малочисленное поколение, рожденное в 1990-х гг., а выходить – многочисленные поколения, родившиеся в послевоенные годы.

В Республике Коми до последней переписи населения сохранялись повышенная доля мужского населения и относительно постоянное соотношение мужчин и женщин. По данным переписи 2002 г., соотношение полов несколько изменилось. По сравнению с переписью 1989 г., численность мужчин в республике сократилась на 144,3 тыс. чел. (на 23%), женщин – на 87,8 тыс. (на 14%). На 1000 мужчин приходилось 1086 женщин (в 1989 г. – 977). Среди горожан преобладание женщин еще более значительно: на 1000 мужчин – 1114 женщин, среди сельских жителей – соотношение 1000 к 1006. Число женщин превышает число мужчин во всех городах и районах республики. Мужчины преобладают только в Княжпогостском (55,5% от общей численности населения) и Удорском (55,2%) районах.

В республике наиболее благополучное общее соотношение численности мужчин и женщин – 1000 к 1086, чем в среднем по России, соответственно 1000 и 1147. Преобладание женской численности отмечается начиная с 43-летнего возраста (по России – с 33 лет), в том числе в городской местности – с 35 лет, в сельской – с 53 лет.

Далее, чем старше поколение, тем драматичнее разница. В возрасте 45-49 каждой тысяче мужчин соответствовало 1082 женщины, в 50-54 года – 1156, в 55-59 лет – 1269, в 60-69 лет – 1553, а в возрасте 70 и более лет – 2990 женщин. Такие диспропорции обусловлены высокой преждевременной смертностью мужчин.

Наряду с демографическими и миграционными процессами важную роль в динамике этнической структуры играют этнические процессы. О процессах этнической ассимиляции, происходящих в республике, свидетельствует сравнение тенденций изменения численности отдельных национальностей со среднероссийскими. В республике в 1959–1989 гг. темпы роста численности русских значительно превосходили темпы увеличения численности украинцев, белорусов, немцев, коми, что явно обусловлено не только миграцией.

**Динамика численности некоторых национальностей в
Российской Федерации и Республике Коми**

Национальность	В процентах к предыдущей переписи населения			
	1970 г. к 1959 г.	1979 г. к 1970 г.	1989 г. к 1979 г.	1989 г. к 1959 г.
Российская Федерация				
Все национальности	111	106	107	125
Русские	110	105	106	122
Украинцы	100	109	119	130
Татары	117	105	110	136
Белорусы	114	109	115	143
Немцы	93	104	107	103
Чуваши	114	103	105	123
Коми	112	102	105	119
Республика Коми				
Все национальности	118	115	113	153
Русские	129	123	115	182
Украинцы	102	114	111	128
Татары	137	150	146	299
Белорусы	109	100	108	118
Немцы	74	91	96	65
Чуваши	188	130	132	322
Коми	113	102	104	119
Национальность	2002 в процентах к предыдущим переписям населения			
	к 1959 г.	к 1970 г.	к 1979 г.	к 1989 г.
Российская Федерация				
Все национальности	124	112	106	99
Русские	118	108	102	97
Украинцы	88	88	80	67
Татары	136	117	111	101
Белорусы	96	84	77	67
Немцы	73	78	76	71
Чуваши	114	100	97	92
Коми	104	93	92	87
Республика Коми				
Все национальности	125	106	92	81
Русские	153	119	96	84
Украинцы	76	75	66	60
Татары	180	132	88	60
Белорусы	67	62	61	57
Немцы	47	63	69	72
Чуваши	216	115	88	67
Коми	105	93	91	88

В республике высокой степени интенсивности ассимиляционных процессов способствовали сходные культурные ценности населявших

ее народов (культура подавляющей части населения принадлежит к типу восточно-православной культуры) и широкое распространение межнациональных браков.

По данным за 1998–2000 гг., большинство моноэтнических браков заключали русские – примерно две трети от общего числа, коми составляли около половины от общего числа браков. Для представителей других наиболее многочисленных национальностей республики межнациональные браки, чаще с русскими, еще более характерны (от четырех пятых и более от общего числа).

Заключению межэтнических браков способствует ненасыщенность брачного рынка по идентичным этносам. За последний межпереписной период в республике возникла диспропорция в соотношении численности женщин и мужчин, в том числе по отдельным национальностям. В группе населения трудоспособного возраста это явление характерно для всех основных национальностей. В городских поселениях преобладают женщины коми национальности. В сельских поселениях женщин украинской, белорусской, татарской, чувашской, русской, немецкой национальности меньше, чем мужчин. В группе населения моложе трудоспособного возраста возникла такая же ситуация.

Соотношение мужчин и женщин трудоспособного и моложе трудоспособного возрастов по национальности
(по данным переписи населения 2002 г.)

Показатели	На 100 мужчин приходится женщин		
	все население	городское	сельское
Население в трудоспособном возрасте:			
коми	110	128	94
русские	95	99	73
украинцы	88	92	64
татары	92	94	71
белорусы	86	90	65
немцы	96	101	78
чуваши	98	102	72
Население в возрасте моложе трудоспособного возраста:			
коми	96	94	98
русские	96	96	96
украинцы	90	92	78
татары	91	92	80
белорусы	84	81	98
немцы	87	83	104
чуваши	85	81	116

Переписи населения также подтверждают, что в республике увеличивается число этнически смешанных семей:

Показатели	Все население	Городское	Сельское	На 1000 всех семей		
				все население	городское	сельское
Все семьи						
1970 г.	228763	150170	78593	1000	1000	1000
1979 г.	279275	203592	75683	1000	1000	1000
1989 г.	325034	247305	77729	1000	1000	1000
2002 г. ¹⁾	294679	224369	70310	1000	1000	1000
Семьи, где все члены семьи принадлежали к одной национальности						
1970 г.	157729	99617	58112	689	663	739
1979 г.	186001	131910	54091	666	648	715
1989 г.	202341	150008	52333	623	607	673
2002 г. ¹⁾	180710	134476	46234	613	599	658
Семьи, где все члены семьи принадлежали к разным национальностям						
1970 г.	71034	50553	20481	311	337	261
1979 г.	93274	71682	21592	334	352	285
1989 г.	122693	97297	25396	377	393	327
2002 г. ¹⁾	113969	89893	24076	387	401	342

¹⁾ За 2002 г. – частные домохозяйства, состоящие из двух человек и более.

В 2002 г. менее двух третей домохозяйств были однонациональными. В городских поселениях, где больше возможностей межнационального общения, доля смешанных домохозяйств была больше, чем в сельской местности. Наряду со снижением доли однонациональных семей, увеличивается удельный вес русских и снижается – коми семей.

Распределение семей по национальному составу

Год	Семьи, состоящие из лиц одной национальности	Из них семьи, состоящие из:			
		русских	коми	украинцев	белорусов
1970	157729	88434	50121	10169	2227
1979	186001	115246	50601	10539	1886
1989	202341	128327	52235	10431	1857
2002 ¹⁾	180710	120921	46401	5581	817

Окончание таблицы

Год	Семьи, состоящие из лиц одной национальности	Из них семьи, состоящие из:			
		русских	коми	украинцев	белорусов
В процентах к итогу					
1970	100	56,1	31,8	6,4	1,4
1979	100	62,0	27,2	5,7	1,0
1989	100	63,4	25,8	5,2	0,9
2002 ¹⁾	100	66,9	25,7	3,1	0,5

¹⁾За 2002 г. – частные домохозяйства, состоящие из двух человек и более.

У одного и того же этноса может быть неодинаковая интенсивность ассимиляционных процессов в разные периоды времени, даже если уровень межэтнической брачности остается при этом практически неизменным. Обуславливается это прежде всего сменой приоритетов в национальной самоидентификации у детей, родившихся в смешанных браках. На протяжении жизни одного и того же человека его представления о своей этнической принадлежности могут меняться в зависимости от тех или иных условий. Так, при последней переписи населения, полученное право самому определять свою национальность в соответствии с личными ощущениями, воспитанием и мировоззрением, подкрепило активизацию национального самосознания. Национальность коми объединила такие самоназвания, как коми (с родным языком коми) – 243621 чел., коми войтыр – 16, коми морт (с родным языком коми) – 3, коми-зыряне – 123, зыряне – 12, коми-ижемцы – 12559, ижемцы – 24, изъватас – 106 чел.

Этническая самоидентификация у части населения неоднозначна. По данным социально-психологического мониторинга¹⁾, проведенного в республике в середине 1990-х гг., 29% респондентов имеют двойную идентичность, т.е. считают себя в равной мере представителем своей и другой (чаще русской) национальности. Доля таких людей примерно одинакова и в городских, и в сельских поселениях, несмотря на их различный национальный состав. Удельный вес людей с двойной идентификацией среди русских составил 20%, среди коми – 33%, украинцев – 53%, среди представителей других национальностей – 50%.

Согласно данным переписей населения 1970, 1979, 1989 гг., отмечалось сокращение удельного веса коми, считающего родным язык своей национальности и, наоборот, повысилась доля коми, считающего родным русский язык:

Показатель	В процентах к общей численности		
	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Удельный вес лиц коми национальности, которые считали родным языком			
коми	87	80	74
русский	13	20	26
Удельный вес лиц коми национальности, которые свободно владели вторым языком			
коми	4	5	5
русский	65	67	65

¹⁾ Вячеславов В.Г., Ковалев В.А., Шабает Ю.П., Ярошенко С.С. Республика Коми: экономика, политика, национальные отношения // Вестник Государственного Совета Республики Коми. Сыктывкар, 1996. № 1. 36 с.

По данным микропереписи населения 1994 г., 43% респондентов коми национальности указали, что общаются дома на коми языке, 57% – на русском; на работе 28% преимущественно пользовались коми языком, 72% – русским; в учебных, дошкольных учреждениях – соответственно 25% и 75%. При переписи 2002 г. языком своей национальности владело 72% коми.

Тенденция утраты языка своей национальности еще в большей степени прослеживается у некоренного населения. Согласно микропереписи населения 1994 г., дома общались на языке своей национальности менее 2% немцев и белорусов, 7% украинцев и чувашей, 24% татар. По данным переписи населения 2002 г., в республике языком своей национальности владело в той или иной степени 49% украинцев, 60% татар, 30% белорусов, 26% немцев, 55% чувашей.

За последний межпереписной период сохранилось исторически сложившееся этническое многообразие Республики Коми. При общем сокращении численности населения всех наиболее многочисленных национальностей в этнической структуре возрос удельный вес русских и коми.

Убыль населения произошла в основном в результате миграционного оттока, характерного и для других северных регионов. Сокращение численности было вызвано также естественной убылью населения, особенно в сельской местности, где наблюдался более высокий уровень смертности и более резкое, чем в городских поселениях,

сокращение рождаемости. Кроме того, в этническую структуру внесла свои коррективы ассимиляция, с разной степенью интенсивности влиявшая на развитие различных национальностей.

Ассимиляционные процессы имеют в республике довольно широкие масштабы, так как в межнациональных отношениях превалирует достаточная этносоциальная открытость. Культура численно доминирующей национальности (образ жизни общества: обычаи, образцы семейной жизни, верования, правила) близка большинству этнических общин. Представители различных этносов, не имея существенных культурных различий, значимых для социальной коммуникации, пользуясь одним государственным языком, вырабатывая поведенческие навыки в одних общественных институтах, успешно взаимодействуют друг с другом.

В. И. Шахтин*

**Этнодемографическая ситуация и перспективы ее
развития в городах Крайнего Севера Республики Коми**

Север играет важную роль в национальной экономике, в обеспечении безопасности и геополитических интересов России. На Севере, как известно, сконцентрирована наиболее существенная доля сырьевой базы России – все наиболее значительное, что составляет фундамент российской экономики.

Это нефть, уголь, золото, лес, биоресурсы. Всего 8% проживающего здесь населения страны производят около 20% ее валового внутреннего продукта.

Но вот другой, признаваемый государством, но не столь же афишируемый вывод – это то, что проблемы в северных городах решать значительно сложнее, чем муниципальных образований центральной России и других регионах, расположенных в благоприятных природно-климатических условиях.

Переход к рыночным отношениям болезненно отразился на социальной ситуации в северных районах. Происходит спад промышленности. В Интинском промрайоне за годы реформ начиная с 2000 г. было закрыто три угольных предприятия и уволено более 4 тыс. работников.

И сегодня ситуация в северных регионах почти не изменилась. Более того, отмена многих прежних и принятие новых законов, затрагивающих основы государственного регулирования развития Севера и гарантии его жителям, в ряде случаев ее еще больше усугубляют.

Проводится политика перекладывания ответственности за решение всех важных для северян вопросов жизнеобеспечения с федеральных органов на органы государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления, у которых при действующей бюджетно-налоговой системе нет достаточных для этого средств.

Анализ подтверждает, что доля доходов местных бюджетов в консолидированном бюджете страны сократилась с 30% в 1992 г. до 11% в 2004 г.

Демографическую и этническую ситуацию на Севере России тоже пока нельзя назвать благоприятной. Только за 1998–2000 гг. Север покинули более 300 тыс. чел.

***Шахтин Владимир Ильич** (Инта) – глава муниципального образования «Город Инта».

В МО «Город Инта» численность с 2002 г. по настоящее время сократилась более чем на 3,5 тыс. чел. Доля населения трудоспособного возраста сократилась за последние 3 года на 10%. Регион быстро «стареет», идет естественная убыль населения. Смертность в последние три года почти на 25% превышает рождаемость.

Причины почти нерегулируемой миграции и демографии сводятся к несбалансированности рынка труда, росту безработицы.

Программы и законы, принятые Правительством РФ и Правительством РК по вопросу государственного регулирования миграционных процессов в районах Крайнего Севера, работают недостаточно эффективно.

Фактическая ситуация по переселению избыточного населения в МО «Город Инта» складывается следующим образом.

Переселение граждан г. Инта осуществляется на основании действующего Федерального закона № 125 от 25.10.2002 г. «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей».

В целях совершенствования деятельности по реализации ФЗ-125 принято Положение «О регистрации и учете граждан, имеющих право на получение жилищных субсидий, имеющих право на получение жилищных субсидий в связи с переселением из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей», утвержденное Правительством РФ 10.12.2002 г. № 879, которое устанавливает порядок ведения учета граждан, состоящих в очереди на переселение из РКС.

После вступления в силу вышеуказанного постановления сформирована общереспубликанская очередь по пяти категориям, в которой состоит 50282 семей. В администрации МО «Город Инта» по состоянию на 22.09.05 г. в очереди состоит 6473 семьи.

В 2004 г. из федерального бюджета согласно ФЗ-125 было выделено 21,249 тыс. руб. на категорию «жителей закрывающегося поселка Кожым с подчиненными ему территориями и на категорию «инвалиды» (всего 44 семьи).

В текущем году на основании Постановления от 5 июля 2005 г. № 193 «О порядке предоставления гражданам субсидий на строительство или приобретение жилья за счет средств республиканского бюджета РК на 2005 год» было выделено 1200 тыс. руб. на переселение из районов Крайнего Севера в южные районы Республики Коми двух семей, состоящих в очереди на переселение, имеющих инвалидов, которые нуждаются в аппарате «искусственная почка».

В 2004–2005 гг. за счет средств республиканского бюджета Республики Коми осуществляется строительство двух жилых домов в г.Сыктывкаре. В настоящее время готовится проект постановления Правительства РК о Порядке предоставления жилья в этих домах для граждан, переселяющихся из городов Инта и Воркута. Завершение строительства домов планируется в IV квартале 2005 г.

В 2005 г. поступление средств из федерального бюджета планируется в октябре, ноябре на граждан, выезжающих из закрывающихся поселков и на инвалидов 1, 2 группы, инвалидов с детства. Объем средств, предусмотренных на реализацию ФЗ-125, которые будут выделены на Республику Коми в этом году, в настоящее время не определен.

На переселение шахтеров в 2004 г. было выделено 110 млн. руб. Получили субсидии на переселение 205 шахтерских семей.

В 2005 г. в соответствии с Постановлением РФ от 13.07.2005 г. № 428 «О порядке предоставления субвенций на реализацию программ местного развития и обеспечение занятости для шахтерских городов и поселков» выделено 195 млн. руб. Расчетное количество переселяемых семей шахтеров в 2005 г. – 341. По состоянию на 01.01.2005 г. на угольных предприятиях и при администрации МО «Город Инта» существуют списки на переселение в среднюю полосу России социально незащищенных категорий населения из числа бывших работников предприятий угольной отрасли: ОАО «Компания «Интауголь» – 1975 семей, ОАО «Шахта «Западная – бис» – 81, ОАО «Шахта Глубокая» – 227, Шахта «Западная» – 281, ВГСЧ – 22. Вышедших из состава концерна «Интауголь» и ликвидированных в связи с банкротством (ДОЗ, ЗЖБИ, ОРС, ТЗФ, ШСУ, Интауглеразведка, Интауглестрой) – 650. Всего 3236 семей.

Анализируя сложившуюся ситуацию, можно прийти к выводу, что отсутствие необходимого объема средств на финансирование программ по переселению и на решение проблемы трудоустройства на местах приведет к тому, что процесс переселения может затянуться на несколько лет и люди останутся без средств к существованию.

Для стабилизации и регулирования миграционных процессов в районах Крайнего Севера необходимо решить следующие первоочередные задачи:

1. Увеличить вдвое объемы финансирования из федерального бюджета на реализацию Федерального закона от 25.10.2002 г. № 125-ФЗ «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей».

2. Внести изменения в Федеральный закон от 25.10.2002 г. № 125-ФЗ «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в части:

–□ пропорционального распределения выделяемых на его реализацию средств между очередями с учетом количества стоящих на учете в каждой категории очередности граждан;

– выделения в отдельную категорию участников ВОВ.

3. Внести изменения в Законы РФ в части определения источника финансирования затрат на оплаты проезда и провоза багажа пенсионеров и инвалидов к новому месту жительства.

4. При реализации программы ипотечного жилищного кредитования для жителей Крайнего Севера предусмотреть возможность получения ипотечных кредитов по месту постоянной регистрации с приобретением заложенного имущества, находящегося в центральных районах страны.

5. Для возрождения привлекательности Севера для специалистов разработать и принять на федеральном уровне порядок компенсации из федерального бюджета затрат предприятий, привлекающих необходимых специалистов для обеспечения деятельности базовых отраслей экономики трудовыми ресурсами.

А.А.Рудольф*

**Проблемы управления демографическими процессами
в условиях муниципального образования
(на примере Сыктывдинского района Республики Коми)**

В первой половине 1990-х гг. Российская Федерация вступила в стадию, которую демографы называют стадией демографической катастрофы. Эта катастрофа выражается, прежде всего, в беспрецедентно низкой рождаемости. Начиная с 1960-х гг. прошлого столетия российское население перестало самовоспроизводиться. По долгосрочным прогнозам демографов, через каждые 50 лет численность коренного населения страны будет уменьшаться на 30%. Причем, тот всплеск рождаемости, который наблюдается в последние несколько лет, никоим образом нельзя рассматривать как изменение негативной тенденции (к тому же уровень смертности не снижается и миграционное сальдо – на нуле). Нынешний рост рождаемости вызван исключительно структурными причинами – вступило в репродуктивный возраст более многочисленное поколение 1980-х гг. Коэффициент рождаемости остался на чрезвычайно низком уровне – 1,3. Однако уже через каких-то 10 лет наступит провал: повзрослеет малочисленное поколение 1990-х гг. Причем, на фоне сокращения численности населения будет идти планомерный рост доли престарелых и нетрудоспособных граждан. При сохранении существующих демографических тенденций только в период 2006–2018 гг. Россия может потерять еще около 10 млн. трудоспособных граждан.

Неблагоприятную демографическую ситуацию определяют и другие очень важные факторы: а) высокий уровень разводов (Россия занимает второе место в мире после США); б) относительно низкая продолжительность жизни населения, особенно мужского и сельского; в) высокая естественная убыль населения, т.е. превышение числа умерших над числом родившихся, за счет чего страна потеряла за указанный период более 4,2 млн. чел.

Продолжать этот анализ можно и дальше, но остановимся на ситуации, которая сложилась в настоящее время в Сыктывдинском районе Республики Коми. К сожалению, отметим, что все негативные тенденции демографической ситуации в Российской Федерации пол-

*Рудольф Артур Альбертович (Вьльгорт) – глава муниципального образования «Сыктывдинский район».

ностью проявляются и в Сыктывдинском районе Республики Коми. По данным переписи населения 1937 г., на территории небольшого по площади Сыктывдинского района (всего 7404,7 кв. км, что составляет 1,8% территории Республики Коми) проживало более 37 тыс. чел. Сегодня численность населения составляет чуть более 24 тыс. чел. Практически ликвидировались такие некогда крупные населенные пункты, как Новоипатово, Поинга, Позялом, Прокопьевка и др., в которых осталось по несколько десятков жителей, в основном – стариков.

Какова демографическая характеристика населения? Еще 25 лет назад не было больших различий в количестве женщин и мужчин в общей численности населения (49,7% составляли мужчины и 51,1% женщины). Сейчас ситуация изменилась, и разница составляет уже 6% (47% мужчин и 53 % женщин). Суммарный коэффициент рождаемости, несмотря на некоторую тенденцию к увеличению в последние годы, остается на низком уровне и составляет всего 1,33. При этом руководство района чрезвычайно беспокоит тот факт, что половина детей рождается у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке (в прошлом году это 159 из 293 родившихся!).

Известно, что простое замещение поколений возможно при условии, если количество детей, приходящихся на одну женщину репродуктивного возраста, будет не менее показателя 2,3. Если этот показатель падает, то количество стариков значительно превышает количество молодых людей. Это означает, что народ не воспроизводит свой человеческий потенциал, а территории с трудными условиями жизни и быта пустеют. Проанализируем, как обстоят дела, к примеру, с демографической нагрузкой в нашем районе. В 1989 г. на 1000 чел. трудоспособного возраста приходилось 804 чел. нетрудоспособного возраста, в том числе 570 детей, а в 2004 г. всего 277 детей!

А ведь число женщин фертильного возраста у нас достаточно большое – 55,8% от общей численности женщин, это, пожалуй, самый высокий показатель по сельской местности в республике. Что с нами случилось? Почему вдруг многодетность стала пороком? Вот что по этому поводу сказал Председатель Совета Федерации Сергей Миронов: «Главное, от чего нужно защищать детей, это от бедности. Именно она, как справедливо утверждают, является тормозом к их рождению. Существует даже мнение, что сегодня основной фактор бедности в нашей стране – дети. Так, среди бездетных молодых семей бедных практически нет, среди однопородных – уже немало, а среди двух- и трехдетных – больше половины. В результате свыше половины

детей в России живут в малообеспеченных семьях, а 80% многодетных семей находятся за чертой бедности».

Число многодетных семей в районе составляет 134, а ведь совсем недавно, в 1996 г., их было 602 – почти в пять раз больше!

Но только ли уровень жизни определяет низкую рождаемость? На наш взгляд – нет, ведь Россия достаточно богатая страна, особенно если учитывать ее несметные подземные кладовые. На наш взгляд, одной из главных причин депопуляции стала потеря традиционных основ жизни, в результате чего особенно пострадала семья, как основная ячейка жизнедеятельности общества. Россия – особая страна, для которой духовность никогда не была пустым звуком, а являлась главным смыслом жизни, ее стержнем.

Сейчас все чаще говорят об эпидемии в молодежной среде болезней, передаваемых половым путем. Наш район – не исключение: в первом полугодии 2005 года заболеваемость сифилисом возросла в пять раз, гонореей – в 1,5 раза. Мы считаем ложью, когда говорят, что все проблемы решает безопасный секс, поддерживаемый контрацепцией. Мы скоро дойдем до того, что врачи-гинекологи будут воспринимать плодность женщины, как болезнь, передаваемую половым путем. И это не смешно, если понять, что здоровая, циклически плодная женщина воспринимается как больная, которую надо излечить от ее плодности. Подтвердить сказанное можно показателем числа абортов на 1000 женщин фертильного возраста, который в нашем районе в 2004 г. составил 41,6.

Однако неблагоприятная демографическая ситуация характерна для многих европейских стран, но, что удивительно, среди них нет Польши. Почему? Потому что еще в начале проводимых в этой стране рыночных реформ было принято «противоабортное» законодательство, поддержанное и президентом, и католической церковью. Через некоторое время, когда результаты демографического обвала реально скажутся на нашей экономике и обороноспособности, России, возможно, придется прибегнуть к самым жестким мерам, включая запрет абортов.

Нас очень тревожит состояние здоровья женщин. Тем более что только немногим более 13% от числа беременных являются абсолютно здоровыми. А ведь не секрет, что больная женщина не может родить здорового ребенка. На первом месте среди заболеваний беременных стоят анемии – они составляют более 36%. Именно поэтому нами принято решение выделить на профилактику и лечение анемий, йоддефицитных состояний у беременных и кормящих матерей в 2005–

2006 гг. более 900 тыс. руб. Кроме того, принимая во внимание, что на учет по беременности в 30% случаев встают женщины, практически не имеющие никакого материального дохода, еще 200 тыс. руб. мы запланировали на приобретение сбалансированных смесей для кормления детей до одного года в этих семьях. Если государство не в состоянии решить эти проблемы, то мы вынуждены их решать сами, потому что общечеловеческие ценности для нас являются главными, приоритетными.

В управлении районом, наряду с категорией духовности, мы не забываем еще об одной современной проблеме, которую мы также ставим в ряд основных – это проблема исторической преемственности. Историческая память должна быть в народе, так как, пренебрегая своими традициями, мы отторгаемся от своих корней. Об этом с болью писал известный русский философ Иван Ильин: «В современном мире есть большая беда, а именно: оторванность человека от корней. Люди блуждают, носимые ветром судьбы, как опавшие листья, ни с чем не срастаясь, нигде не оседая, нигде не становясь верою как внешне, так и внутренне». Многие наши беды происходят именно из-за потери исторической памяти. Не политические партии спасут Россию, а восстановление культурных и исторических традиций, как основы воспитания.

В практике менеджмента, руководство района уделяет этому очень большое внимание, ориентируясь прежде всего на подрастающее поколение. Приведем несколько примеров. За последние два года мы издали несколько книг, пополнивших библиотеки района, в том числе школ: «Родословная роспись уроженцев села Вильгорт за XVI–XX века», «На холмах – Ыб» (в книге в научно-популярной форме рассказана история старинного коми-зырянского села), «...Как избавление от боли» (книга стихов зеленоецкой поэтессы Галины Дербеновой), книга стихов С.Есенина на коми языке в переводе известного коми поэта А.Некрасова. Готовится к изданию учебник для школ по истории Сыктывдинского района с древнейших времен до наших дней.

В сентябре 2005 г. в сквере у районной детской музыкальной школы установлен памятник всемирно известному мастеру народных инструментов Семену Ивановичу Налимову – уроженцу села Вильгорт (автор памятника – Роман Бендерский).

Возникает вопрос: а нужно ли это? Ответ может быть только один – да. Да, потому что мы живем на Коми земле, она дала нам возможности получить образование, работу, стать, в конечном счете, теми,

кем мы стали. И мы должны с уважением относиться к коренному населению, ставшему нашими духовными братьями и сестрами, к его нуждам и проблемам. А проблем этих, увы, хватает. Достаточно сказать, что удельный вес коми в составе населения района, начиная с 1939 г. сократился с 83,8% до, чуть более 50%!

Кому-то может показаться, что это ненужные затраты, но можно ли измерить деньгами духовные ориентиры, тем более, когда подрастающее поколение находится в опасности.

Тревожная демографическая ситуация во многом определяет и кризис личности, в свою очередь порождающий кризис семьи. А результат трагичен: сегодня на территории района два детских приюта на 30 мест и детский дом на 80 мест, в котором содержатся в подавляющем большинстве дети-сироты при живых родителях! Без сомнения, руководство вкладывает в содержание этих учреждений значительные суммы. Например, в Гавриловском детском доме в 2004–2005 гг. полностью заменена мебель, технологическое оборудование на пищеблоке, приобретен автобус, легковая автомашина, проведен ремонт корпусов, замена шиферной кровли и т.д. Но можно ли всем этим заменить детям родительскую любовь и ласку? Конечно, нет. Тем более, что эта категория детей уже в полной мере получила отрицательный опыт – безнравственное поведение взрослых, сквернословие окружающих и пр.

Не менее утешительно положение со смертностью. Как ни прискорбно, но приходится признать мужскую сверхсмертность: средняя продолжительность жизни мужчин всего 53 года, женщин – 61,3 года. Особенно высок показатель смертности населения в трудоспособном возрасте: в 2003 г., например, в трудоспособном возрасте умерло 155 мужчин, а старше трудоспособного возраста – 110! Подавляющее число (60%) смертей в трудоспособном возрасте – от несчастных случаев, отравлений и травм. Каждый пятый мужчина, умерший от неестественных причин смерти, покончил жизнь самоубийством!

По данным И.Гундарова, руководителя лаборатории системных исследований здоровья НИЦ профилактической медицины, современная динамика смертности на 70% определяется озлобленностью, на 11% – безысходностью, на 16% – социально-экономическими параметрами. Это полностью коррелирует с данными, приведенными в книге П.Х. Зайдфудима «Социальная реабилитация населения Российского Севера», в которой, анализируя на основании опроса причины ухудшения здоровья населения Республики Коми, автор

установил, что в первую очередь (более 18%) на здоровье влияют сильные переживания и стрессы.

Стремительное появление в одной стране двух России – России богатой и России бедной – не могло не вызвать глубочайшего социально-психологического стресса у основной массы населения. И не случайно в общественной жизни столь рельефно стали проступать признаки нарастающего социального надлома – апатия и цинизм, разочарование и неверие в лучшее, пассивное отношение к происходящим событиям. В этих условиях человек как бы уходит внутрь себя, с безразличием наблюдает за происходящим вокруг. Иными словами, у людей вырабатывается чудовищная приспособительная реакция к тому, что, казалось бы, невозможно вынести – синдром «вживания в катастрофу», как его назвал известный ученый академик Дмитрий Львов.

Социальная агрессия, с одной стороны, и социальная апатия, с другой – вот те основные социально-психологические феномены, которые определяют масштабы смертности, в том числе и в нашем районе. Первый из них выражается в открытой враждебности и гневе по отношению к ближайшему окружению, нередко переходящих в такие противоправные действия, как насилие, разбой, убийства. Второй – проявляется в потере смысла жизни, уверенности в завтрашнем дне, возможностей к нормальному существованию для себя и своих детей, когда вопрос ставится не как, а зачем жить?

Люди находятся сегодня в тисках постоянно усиливающегося эмоционального стресса, связанного с резкой деформацией привычного, исторически сложившегося уклада жизни. Ведь шоковая «пересадка» в душу людей новых «ценностей» не могла не вызвать их бурного отторжения.

Понятно, что исправление сложившейся ситуации – процесс очень долгий и болезненный. Но это вовсе не означает, что надо сложить руки и отдаться на волю судьбы. Мы, пусть понемногу, стараемся хоть как-то привнести жителям нашего района положительные эмоции, которые смогли бы их отвлечь от суровой реальности. Поэтому не надо удивляться, когда мы стараемся и проводим интересные мероприятия, такие, как пароходный круиз «По волнам Сыктывдина», который вылился во всерайонный праздник, прошедший по всем деревням и селам, как республиканский фестиваль народной песни «Завалинка» летом этого года, когда мы приглашаем к нам таких известных и всеми любимых артистов, как Валентина Толкунова, Жан Татлян, Ренат Басыров, когда вдруг в районном доме

культуры идет филармонический концерт классической музыки и т.д. Все это дает жителям нашего района пусть маленькую, но надежду на то, что жизнь может и должна быть лучше.

Анализируя сложившуюся ситуацию в районе, мы пришли к выводу, что не существует отдельной демографической проблемы. Она является лишь следствием экономических, социальных, психологических и многих других проблем. И только их комплексное решение позволит улучшить демографическую ситуацию. Да, мы возлагали большие надежды на принятую еще в 2001 г. Концепцию демографического развития России до 2015 г., однако, практических шагов по ее реализации пока сделано не было и, в первую очередь, потому, что описанные в ней меры не были экономически обоснованы.

Отсутствие активной государственной политики заставляет регионы самим искать пути выживания и развития. Стратегия демографического развития не может быть основана лишь на анализе формальных показателей, характеризующих рождаемость, смертность и т.д. Поэтому у себя в районе мы определили основные проблемы, которые сегодня оказывают непосредственное влияние на управление демографическими процессами. Условно их можно разделить на: благоприятные и неблагоприятные. К первым относятся:

- сохранение и приумножение трудоспособного населения и молодежи;

- достаточно высокий уровень образования и, соответственно, высокий профессионально-интеллектуальный потенциал;

- повышение мобильности населения и т.д.

К неблагоприятным можно отнести:

- удорожающие факторы жизни;

- рост числа пенсионеров;

- отрицательный естественный прирост;

- низкие трудовые доходы населения;

- высокую смертность населения;

- рост социально-обусловленных болезней, асоциальное поведение населения и т.д.

Как видим, неблагоприятных факторов значительно больше, но это и заставляет руководство района принимать соответствующие управленческие решения. Основная задача заключается в том, чтобы люди поверили в стабильность: сначала в обеспечении работой, стабильным заработком, в решении проблем подрастающего поколения и стариков, а это впоследствии не может не повлиять положительно

на ход других демографических процессов – смертность, рождаемость и пр.

Что нам удалось сделать в этом направлении? Самое главное – обеспечен рост промышленного производства. Так, в 2004 г. по сравнению с 2003 г. рост составил 25,7%, среднемесячная заработная плата на одного работника увеличилась на 22% (до 5602 руб.), увеличен ввод в действие жилья на 83% (за счет строительства индивидуального жилья). Все это, без сомнения, является тем экономическим фундаментом, на котором строится демографическая политика. Развитие производства, создание рабочих мест мы считаем одним из основных направлений своей управленческой деятельности. Именно поэтому разработан бизнес-план роста промышленного производства в районе с привлечением иностранных инвестиций, в соответствии с которым начато строительство лесопильно-деревообрабатывающего завода в пос. Язель, в ближайшем будущем начнется строительство филиала Печорской мебельной фабрики.

Начато строительство уникального объекта – территориального центра «Дом народных ремесел» в селе Выльгорт. Уникальность этого центра заключается не только в его оригинальном архитектурном виде (стилизированный древнерусский терем), но, и это самое главное – в его функциональном предназначении. В республике, да и на Северо-Западе в целом, нет подобного центра, который объединял бы по интересам все слои населения, независимо от возраста, и являлся бы одновременно учебно-методическим центром по повышению квалификации и переподготовке кадров учителей труда, изобразительного искусства, дополнительного образования, мастеров народных ремесел и просто любителей декоративно-прикладного искусства. Открытие центра, кроме того, позволит содействовать сохранению традиционной культуры и среды обитания, возрождению народных промыслов и ремесел в районе и республике в целом, создать новые рабочие места с ориентацией на надомный труд и т.д.

В числе других положительных тенденций развития района отметим ликвидацию задолженности по заработной плате, а также оплате коммунальных услуг работникам бюджетных отраслей – учителям, медикам, работникам культуры, жилищно-коммунального хозяйства, которая тянулась с 1996 г., и люди стали терять надежду на ее получение.

Отметим также, что основное внимание руководства района сосредоточено на подрастающем поколении, так как именно им в перспективе и придется решать существующую демографическую проб-

лему. Результаты такого подхода таковы: на сегодняшний день все школы района обеспечены школьными автобусами, во всех школах произведена замена старой мебели, начата эта работа и в детских дошкольных учреждениях. Не забыты и другие социальные отрасли: получила новое дорогостоящее оборудование (аппарат УЗИ, фибрагастроскоп и пр.) ЦРБ, ведется ремонт учреждений культуры, которые, кроме того, пополнились современной аппаратурой, костюмами и обувью для народных коллективов.

В заключение приведем небольшие выдержки из «Проекта устройства Российской Империи», который был разработан Князем Александром Галицким:

– Правительство ... должно сделать все, чтобы рождение детей было как для семьи, так и для одиноких женщин, привлекательным и даже необходимым шагом со всех точек зрения: социального статуса, финансового положения, жилищных условий. Сознательная, эгоистическая бездетность должна «наказываться» как прямо (налогом, снижением срока выплаты пособия по безработице, призывом в армию долгосрочно безработных и бездетных мужчин), так и косвенно (отсутствием множества социальных и гражданских привилегий и льгот и пр.).

– Матерям, выразившим преступное желание отказаться от рожденного ребенка, а также отцам, по вине которых это произошло, не только не выплачиваются никакие социальные пособия, но и предписывается вернуть уже полученные выплаты по беременности и по рождению ребенка и полностью оплачивать возможное содержание его в детском доме.

– Правительство...должно принять все социальные и духовно-просветительные меры, чтобы детские дома были лишь на короткое время пристанищем детей, лишившихся родительских забот.

– Следует всячески поощрять создание традиционно-патриотических объединений юношества... Вся деятельность СМИ, кино, книгоиздательства, культурных сообществ должна без изъятия соответствовать высоким задачам духовно-нравственного и патриотического воспитания юношества и т.д.

Удивительный документ, заставляющий россиян еще раз понять важность происходящего в нашей стране и сделать все возможное для устойчивого развития нашей отечественной экономики, российской духовности и нравственности.

*Л. А. Попова**

**Влияние этнической структуры населения
Республики Коми на современные модели
демографического поведения****

Модели демографического поведения населения любого полиэтнического региона формируются под воздействием особенностей демографического поведения основных этнических групп. Их влияние может быть достаточно существенным, определяющим уровень демографических показателей. Как, например, в случае повышенных показателей рождаемости в северокавказском и приволжском регионах и некоторых национально-территориальных образованиях Сибири и Дальнего Востока, которые обусловлены более высоким уровнем детности, характерным для коренных национальностей. В других случаях влияние специфики демографического поведения того или иного этноса может быть не столь очевидным, но в то же время также иметь достаточно существенное значение для демографической ситуации в регионе.

Республика Коми относится к национально-территориальным образованиям, в составе населения которых титульный этнос не является этническим большинством. Более $\frac{2}{3}$ населения республики (по данным Переписи 2002 г., 67,2%) составляют русские, украинцы и белорусы, характеризующиеся сходными моделями демографического поведения. Представители коренной национальности коми составляют около $\frac{1}{4}$ населения (25,2%). На долю всех остальных этносов, среди которых заметные статистические совокупности составляют лишь татары и немцы, приходится приблизительно 7%. Таким образом, более или менее существенное дифференцирующее воздействие на модели демографического поведения населения республики может оказывать лишь специфика демографического поведения населения коренной национальности.

В данной работе будут рассмотрены особенности демографического поведения коми населения, которые традиционно проявлялись как в сфере брачно-семейных отношений, так и в репродук-

***Попова Лариса Алексеевна** (Сыктывкар) – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН.

**Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда гуманитарных исследований (проект № 06-02-00228а).

тивном поведении, и оценена степень их влияния на современные количественные и качественные характеристики рождаемости в Республике Коми.

Специфика матримониального поведения коми. Наличие особенностей брачно-семейного поведения коми населения носит достаточно очевидный характер. Они и сегодня находят отражение в существенно превышающих среднероссийский уровень показателей внебрачной рождаемости. По доле рождений вне зарегистрированного брака Республика Коми традиционно входит в первую десятку среди субъектов Российской Федерации: уступает лишь регионам, где в исторической перспективе была развита полигамия.

В основе этого отчасти лежит количественная и качественная специфика состава населения республики, в формировании которого большую роль сыграла миграция. Не случайно практически весь север страны, Западная и Восточная Сибирь и Дальний Восток также характеризуются повышенными показателями внебрачной рождаемости. Однако доля внебрачных рождений в Республике Коми (так же, как и Коми-Пермяцком автономном округе, который в настоящее время по удельному весу внебрачных рождений уступает, пожалуй, лишь Туве) заметно превышает уровень, характерный для других северных регионов. Кроме того, высокая доля рождений вне брака отмечалась на территории республики и в то время, когда миграция еще не играла значительной роли в формировании населения.

По свидетельству К.Попова, в конце XIX в. из всех уездов Вологодской губернии самое большое число незаконнорожденных наблюдалось «...в Устьсысольском уезде, который сплошь заселен Зырянами. Так, в 1864 г. там один незаконнорожденный пришелся на 17 законнорожденных. За Устьсысольским уездом следует Яренский, часть которого уже обрусела: здесь один незаконнорожденный пришелся на $18\frac{1}{2}$ законнорожденных. За Яренским – Сольвычегодский...: здесь один незаконнорожденный пришелся на $20\frac{3}{4}$ законнорожденных. За Сольвычегодским – несколько ранее его обрусевшие Вельский и Никольский: в первом один незаконнорожденный пришелся на 27 законнорожденных, а в последнем – на 29 и т.д. ...Чем чище чудская (коми – *Авт.*) кровь, тем выше процент незаконнорожденных рождений» [5, с.16].

Совершенно очевидно, что повышенный уровень внебрачной рождаемости в Республике Коми обусловлен и какими-то особенностями брачно-семейного поведения коренного населения, причем не связанными с традициями многоженства: полигамные браки среди

коми распространения не имели. Связаны эти особенности, скорее, с тем, что для коми традиционно было характерно лояльное отношение к вопросу о допустимости добрачного сексуального опыта у женщин и к внебрачной рождаемости. Издавна среди коми не только добрачная половая связь женщины, но и рождение ребенка вне брака не рассматривалось ни как греховное явление, ни как социальная проблема. «...Чудское племя, по крайней мере, часть его, ныне известная под именем Зырян, отличалась, и до сих пор еще отличается, крайним равнодушием к целомудрию женщин» [5, с.9].

Трудно сказать однозначно, в чем причины подобного отношения в среде коми народа к этому вопросу. Однако у коми-зырян истоки его содержатся непосредственно в их древнем языческом мировосприятии, элементы которого в значительной степени сохранились и после принятия христианства. «...Каким образом сотворил Ен (основной языческий бог зырян – *Авт.*) человека, по мнению зырян. Если вы спросите зырянину об этом, он скажет: «чужис пуысь турунысь», т.е. «родился от соединения дерева с травой». Если вы обратитесь с таким же вопросом к незаконнорожденному зырянину, он ответит вам то же самое, но в интонации его голоса вы услышите иронию» [4, с. 82]. Дело в том, что тут есть некая игра слов, и, как думается, не случайная. «Соединение дерева с травой» по-коми можно назвать «чурка пон». А именно так зыряне издавна называют незаконнорожденных. Иными словами, в соответствии с языческими представлениями древних зырян, «человек» и «незаконнорожденный» определяются практически идентично. Вообще, название незаконнорожденного человека на коми языке – чурка, чурка пон – не имеет ярко выраженного негативного, унижительного оттенка, как в других языках: ублюдок, байстрюк, бастард и пр. Это, скорее, просто констатация того, что у человека нет отца. Более того, оно, как мы видим, означает – «созданный богом».

Можно предположить, что довольно значительную роль в лояльном отношении среди коми к праву женщин на рождение ребенка вне брака сыграла и исторически сложившаяся экономическая самостоятельность коми женщины. «В зырянском краю положение женщины вовсе не так резко отличается от положения мужчины, как в других местностях России. Здесь женщина только на охоту не ходит вместе с мужчиной, а со всеми прочими отраслями хозяйства управляется отлично. Верхом женщины ездят здесь по-мужски и очень ловко. Они же ездят за ямщиков – лихо ездят... Замужняя женщина, правда, путается в семье и лишается части своей самостоятельности,

как и везде. Но девушки – женщины незамужние вообще – естественным путем завоевали себе независимость. Справляя наравне с мужчинами всякую работу, они рано начинают себя чувствовать крепко на ногах» [1, с. 78]. Все это обусловило достаточно высокий социальный статус коми женщины и, соответственно, отношение к ней как к равному члену общества. Возможно, именно поэтому среди коми практически не сложился двойной стандарт половой морали, когда добрачная половая связь мужчины не только не осуждается, но даже и приветствуется, а женщины за это подвергаются суровому осуждению и наказанию.

Следует отметить также и то, что среди коми, довольно поздно охваченных влиянием христианства и сохранивших в своей культуре и повседневной жизни элементы язычества, церковный брак не получил до Октябрьской революции всеобщего распространения. В Коми крае и после принятия христианства продолжали сохраняться языческие брачные обычаи, бытовавшие здесь ранее. Вот как они были описаны во второй половине XIX в.: «Помолвка поцелуями» и «венчание вокруг ракитового куста» составляют здесь общее явление. Поэтому-то в Вологодской губернии на этот край приходится самое большое число незаконнорожденных... Детоубийств при этом нет. Это потому, что незамужние матери за свою «вольную любовь» не испытывают ни страха, ни стыда. А не испытывают они этих неприятных, тяжелых, удручающих чувств опять-таки оттого, что общественное мнение не презирует их за внебрачную связь, не позорит и не клеймит их никаким унижительным, ругательным прозвищем. Если, случается, по злобе кто-нибудь и отзовется дурно о такой женщине, то тотчас же найдутся защитники и недоброжелатели зажут рот. «Пустое!» – говорит в таких случаях мир. «Она – девка работающая, хорошая... Живет с одним». Этим все сказано. Так же благоприятно, с тою же терпимостью общественное мнение относится и к «детям любви». ...И положение незаконнорожденных ничем не отличается здесь от положения законнорожденного. От него требуется то же, что и от законнорожденных: будь лишь путевый, работающий человек. А до происхождения, до того, есть ли отец – никому и дела нет» [1, с. 78–79]. Иными словами, даже во время доминирования в России традиционной модели брачно-семейного поведения населения в Коми крае не только фактический – не освященный церковью – брачный союз, но даже и неполная материнская семья не подвергались ни остракизму, ни осуждению на бытовом уровне.

Конечно, широкое распространение межнациональных браков, имевшее место на протяжении всей истории заселения Коми края, что исследователи даже отмечали в качестве одной из причин мирного характера колонизации края [5, с. 9], и достаточно сильно размывшее коми этнос, а также существенное взаимовлияние брачно-семейных традиций коренного населения и мигрантов не позволяют выявить значимых различий в современном матримониальном поведении населения разной национальности. Однако об их существовании и в настоящее время свидетельствуют большие различия в моделях поведения городского и сельского населения Республики Коми.

Уровень внебрачной рождаемости традиционно значительно выше в сельской местности республики, где коми составляют более половины населения. Следует отметить, что в целом по России на протяжении нескольких последних десятилетий доля рожденных вне брака в сельском населении также была выше, чем в городском. Это объяснялось как половой диспропорцией в бракоспособных возрастах из-за войн и миграций, так и менее развитой культурой контрацепции и меньшей доступностью производства аборта в сельской местности. Однако в 1990-е гг. городские и сельские показатели в России стали практически одинаковыми [3]. В то же время в Республике Коми значительные различия сохраняются и на протяжении последнего десятилетия.

При этом в сельской местности республики наблюдается и больший по сравнению с городской разброс значений уровня внебрачной рождаемости. Минимальный по республике процент внебрачных рождений до недавних пор традиционно наблюдался в административно-территориальном образовании, полностью состоящем из сельского населения: русском Усть-Цилемском районе – труднодоступном и малопривлекательном для стихийной миграции, не вовлекавшемся в широкий хозяйственный оборот и миновавшем потоков организованной миграции, в результате чего здесь и сегодня живут преимущественно потомки русских староверов, в определенной степени сохранившие строгие традиции старообрядческой морали.

Безусловно, определенную роль в повышенных показателях внебрачной рождаемости в Республике Коми, как и в других северных регионах, играет характерный для республики высокий миграционный оборот населения, обуславливающий большую анонимность личной жизни населения и ослабление социального контроля, характерного для «закрытого» населения. Практически все территории, которые в свое время были районами нового освоения, характери-

зуются повышенными показателями девиантного поведения населения вообще, в том числе и большей степенью семейной дезорганизации. Однако в последние полтора десятилетия из северных и восточных регионов, в том числе и из Республики Коми, наблюдается отток населения. При этом разрыв в уровне внебрачной рождаемости в Республике Коми и в целом по стране не только сохранился, но и существенно увеличился. Очевидно, что формирование стандартов матримониального поведения основной части населения республики, находящихся отражение в современной структуре рождаемости по брачному статусу матери, по-прежнему испытывает заметное влияние специфики брачно-семейного поведения, характерной для титульного этноса.

Эволюция стандартов детности коми населения. Население коренной национальности Республики Коми традиционно характеризовалось более высоким уровнем детности. Анализ материалов Микрореписи 1994 г., которые предоставили уникальную информацию об уровне рождаемости в нескольких реальных поколениях по году вступления в первый брак в разрезе основных национальностей республики, позволил проследить эволюцию особенностей репродуктивного поведения коми населения на протяжении начала 1950-х – начала 1990-х гг. и оценить степень их влияния на современные модели репродуктивного поведения населения Республики Коми.

Во всех представленных в Микрореписи поколениях показатели рождаемости женщин коми национальности выше, чем в среднем по всем национальностям и чем у русских. Максимальные различия наблюдаются в когорте женщин, вступивших в брак в первой половине 1950-х гг. У коми лишь в конце указанного периода начался переход к малодетному образу жизни, в то время как в целом по республике начало перехода к малодетности датируется несколькими годами раньше.

В течение следующих 20 лет этнические различия довольно существенно сократились. К середине 1970-х гг. практически у всего населения республики завершился переход к малодетности. При этом стабилизация уровня рождаемости у коми произошла на несколько более высоком уровне. Различия были незначительными, тем не менее, поколение коми женщин, вступивших в первый брак в начале 1980-х гг., еще практически полностью оказалось замещено поколением детей. В целом же население Республики Коми к указанному моменту уже перешло к режиму суженного воспроизводства, границу

которого русские перешагнули еще во второй половине 1960-х гг. У поколений, вступивших в первый брак во второй половине 1980-х и начале 1990-х гг., этнические различия в уровне рождаемости еще менее существенны.

Анализ материалов Микропереписи отдельно для городского и сельского населения показал, что в моделях репродуктивного поведения городских женщин значительных этнических различий не наблюдается уже с начала 1980-х гг. Однако переход к малодетности у коми здесь также начался позже, чем у русских. Городское население в целом уже в первой половине 1960-х гг. характеризовалось режимом суженного воспроизводства. Коми к этому моменту здесь только перешагнули границу расширенного. Поколения городских коми женщин на всем протяжении последующих 20 лет – в течение 1960-1970-х гг. – еще имели режим простого воспроизводства. И лишь для когорты, вступившей в первый брак в начале 1980-х гг., характерным становится суженное воспроизводство. Для городских русских женщин переход от расширенного воспроизводства к суженному занял не более 5 лет, в то время как у коми этот переход оказался весьма длительным.

В сельской местности этнические различия в репродуктивном поведении изначально были более существенными, чем в городской. Относительно менее значительными они становятся лишь со второй половины 1970-х гг. Как и в городской местности, максимальная разница в итоговой плодовитости когорт между русскими и коми наблюдается у поколения, вступившего в первый брак в начале 1950-х гг., когда в целом у сельского населения республики только начался переход к малодетности. На протяжении 1960–1970-х гг. уровень рождаемости у коми в сельской местности сокращался более высокими темпами, чем у русских. Тем не менее, в первой половине 1980-х гг. уровень рождаемости русского населения здесь уже соответствовал режиму суженного воспроизводства, в то время как у коми, так же как и у сельского населения республики в целом, переход к суженному воспроизводству произошел лишь в начале 1990-х гг. Этнические различия в сельской местности также продолжают сглаживаться, но, в отличие от городской местности, в начале 1990-х гг. они были еще достаточно существенными. Можно сказать, что если в городской местности республики изменение модели репродуктивного поведения у русских опережает аналогичное изменение у коми приблизительно на пять лет, то в сельской – на 10 лет.

Особенности календаря рождений коми населения. Материалы Микрореписи позволили выявить также наличие этнических различий в календаре рождений. По представленным в Микрореписи когортам населения, и у коми, и у русских от поколения к поколению прослеживается тенденция к сокращению величины протогенетического интервала (интервала между вступлением в брак и рождением первого ребенка). В последнее время его средняя величина стала меньше периода вынашивания ребенка, что свидетельствует о значительном распространении браков с добрачной беременностью невесты, что, как известно, не способствует высокой стабильности супружеской жизни. При этом у коми женщин между вступлением в брак и рождением ребенка, как правило, проходит в среднем меньше времени, чем у всего населения и чем у русских, что заслуживает неоднозначной оценки. С одной стороны, это может рассматриваться как свидетельство того, что при переходе к малодетному образу жизни и в его условиях коми женщины меньше склонны откладывать рождение первенца, чем представительницы других национальностей. С другой – как свидетельство того, что у коми еще чаще, чем в среднем по населению и чем у русских, браки заключаются при условии добрачной, незапланированной беременности невесты.

Данные Микрореписи дают возможность косвенной оценки степени распространения в начале 1990-х гг. браков, стимулированных добрачной беременностью невесты. Учитывая, что Микрорепись проводилась по состоянию населения на 14 февраля 1994 г., очевидно, что число женщин, вступивших в брак в 1993 г. и родивших на момент проведения Микрореписи первого ребенка, почти полностью отражает рождаемость в браках, простимулированных добрачной беременностью. Из представленных данных можно сделать вывод, что в начале 1990-х гг. около 40% браков заключалось в республике при условии добрачной беременности невесты, при этом у коми – около 55%. Отчасти это последствия рассмотренной выше специфики брачно-семейного поведения коми населения, отчасти – последствия низкой контрацептивной культуры в условиях развернувшейся в конце 1980-х гг. демократизации социальных норм в сексуальной сфере.

Наряду с календарем рождений первенцев, Микрорепись 1994 г. позволила проследить и эволюцию в первых браках календаря рождений детей более высоких очередностей. Календарь рождений коми женщин характеризуется не только более коротким протогенетическим интервалом, но и более сжатым графиком рождений. На началь-

ной стадии перехода населения республики к малодетности величина средних интергенетических интервалов имела заметную тенденцию к увеличению, что соответствовало вхождению в широкую практику внутрисемейного регулирования рождаемости. При этом у коми заметный рост величины интервалов между рождениями начался несколько позже и наблюдался на протяжении 1960-х гг., в то время как у русских он пришелся на вторую половину 1950-х – начало 1960-х гг. На этот период пришлись максимальные этнические различия в их величине, особенно при рождении третьего ребенка.

Начиная со второй половины 1960-х гг., в республике наблюдалась стабилизация величины интервала между первым и вторым рождением с намечающейся тенденцией к ее сокращению. У коми она началась несколько позже. Интервалы между вторым и третьим и между третьим и четвертым рождениями продолжали расти до середины, у коми – до конца 1970-х гг. В первой половине 1980-х гг. произошло заметное сокращение интергенетических интервалов всех очередностей. Причины этого хорошо известны – уплотнение календаря рождений в результате мероприятий Постановления 1981 г. [6]. Однако тенденция к сокращению интергенетических интервалов продолжает прослеживаться и в дальнейшем. Уже к концу 1980-х гг. их величина по всем очередностям рождения опустилась до физиологического уровня, а в начале 1990-х гг. – и ниже.

Получается парадоксальная ситуация. Уровень рождаемости населения в это время свидетельствует о чрезвычайно сильном ограничении деторождения, а величина интервалов между рождениями – об отсутствии какого бы то ни было планирования семьи. Разрешение этой загадки, по всей видимости, в том, что во второй половине 1980-х гг. еще продолжалось прямое влияние на календарь рождений мероприятий демографической политики, и график рождений оказался достаточно плотным. А в начале 1990-х гг. очень распространенным явлением стало откладывание рождений всех очередностей. В материалы Микропереписи попали в основном не совсем типичные рождения более старших очередностей: рождения вследствие контрацептивной безграмотности и безответственности, а также контрацептивных неудач. Соответственно, данные по началу 1990-х гг. не отражают реальной ситуации с продолжительностью интергенетических интервалов.

Таким образом, хотя во всех представленных в Микропереписи поколениях показатели рождаемости женщин коми национальности выше, чем в среднем по всем национальностям и чем у русских, специ-

фика репродуктивного поведения коми касается не столько современного уровня детности, сколько сроков и скорости перехода к малодетному образу жизни и особенностей календаря рождений. У коренного населения переход к ограничиваемой рождаемости начался позже (примерно на 5 лет в городской местности, на 10 – в сельской) и потребовал большего времени, особенно в сельской местности. График рождений у коми характеризуется большей плотностью. Вместе с тем определенную роль в этнических различиях играет то, что коми – преимущественно сельское население, а русские в большинстве своем горожане. В частности, этим во многом обусловлены этнические различия в показателях живорождаемости.

На протяжении всего рассматриваемого периода прослеживалась тенденция к сближению моделей репродуктивного поведения. Продолжалась она и в 1990-е гг. Это нашло отражение в зафиксированном Микрпереписью числе детей, ожидаемом женщинами, вступившими в первый брак в 1990–1993 гг. У коми женщин в распределении ожидаемого числа детей несколько шире размах вариаций: большее количество планирующих для своей семьи трех и более детей и ориентирующихся на бездетность. В распределении ответов русских женщин дисперсия меньше. В основном они довольно плотно примыкают к средним значениям. Русские в подавляющем большинстве были ориентированы на одно-двуухдетную семью, тогда как у коми перспективная семейная структура отличалась большим разнообразием. В то же время средние значения и у коми, и у русских принципиально не отличаются. А при округлении до десятых этнические различия и вовсе не улавливаются.

Выводы. Таким образом, несмотря на существующие пока нюансы репродуктивного поведения коренного населения, можно сделать вывод, что этническая дифференциация в плане норм детности в Республике Коми практически уже сошла на нет – остались только различия, обусловленные моделями репродуктивного поведения городского и сельского населения. Соответственно, особенности этнической структуры населения Республики Коми, в составе которой более $\frac{1}{4}$ принадлежит населению титульной национальности, в настоящее время уже не имеют заметного позитивного значения для среднего уровня детности семей. Не случайно уровень суммарного коэффициента рождаемости, который в Республике Коми превышал аналогичный показатель по России в целом буквально до конца 1980-х гг., в настоящее время практически стабильно ниже среднего российского уровня.

В то же время специфика брачно-семейного поведения населения коренной национальности, очевидно, по-прежнему оказывает весьма заметное воздействие на модели демографического поведения всего населения Республики Коми. Об этом убедительно свидетельствует тот факт, что, несмотря на заметное преобладание в Республике Коми мужчин в активных брачных возрастах, удельный вес внебрачных рождений в начале XXI в. превысил здесь 40%, что практически на $\frac{1}{3}$ выше, чем по России в целом.

При этом высокий уровень внебрачной рождаемости является как свидетельством широкого распространения в Республике Коми альтернативных форм семейной организации, так и дополнительным импульсом углубления демографических проблем. Он несет ответственность не только за распространенность в республике фактических браков, характеризующихся по сравнению с официально зарегистрированными меньшей детностью и повышенной нестабильностью, но и за широкое распространение неполных семей, и, соответственно, за ухудшение структуры моделей семьи с точки зрения ее социализирующих возможностей, и отчасти за невысокий уровень рождаемости, и за омоложение ее структуры, и за снижение качества рождаемости, и за невозможность более или менее полной реализации низкого в республике мужского брачного потенциала, и, в связи с этим, отчасти даже за высокую мужскую смертность в трудоспособных возрастах.

Иными словами, этническая специфика матримониального поведения коренного населения, которая, в отличие от особенностей его репродуктивного поведения, и в настоящее время оказывает заметное воздействие на формирование моделей демографического поведения населения Республики Коми, играет весьма неблагоприятную роль для демографического развития республики, в том числе и в плане качественных характеристик населения.

Литература и источники

1. Вологдин П. (Засодимский П.В.) Лесное царство // (жур.) Слово, 1878. Книжка за сентябрь-октябрь, с. 57–88. Книжка за ноябрь, с. 145–185. СПб, 1878.
2. Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество» ЦДЭЧ ИНП РАН, № 161-162, 7-20 июня 2004, <http://demoscope.ru/weekly/app/app4007.php>.
3. Захаров С.В., Иванова Е.И. Внебрачные дети // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество» ЦДЭЧ ИНП РАН, № 41-42, 5-18 ноября 2001, <http://demoscope.ru/weekly/2001/041/tema01.php>.

4. Налимов В.П. Некоторые черты из языческого мирозерцания зырян // Этнографическое обозрение, 1903. Кн. 57. №2. С. 76–86.
5. Попов К. Зыряне и Зырянский край // Труды этнографического отдела / Под ред. Н.А. Попова. М., 1874. Кн. 3. Вып. 2.
6. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 235 от 22.01.1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» // СП СССР, 1981. № 13. Ст. 75.

Г.Н. Фаузер, Г.В. Загайнова*

**Особенности сельского расселения населения
Республики Коми****

Сельские районы республики существенно отличаются от городских не только социально-демографическим составом населения, но и не менее глубокими особенностями в территориальной организации и социальной среде обитания их населения.

Для оценки региональной среды обитания используют два типа данных: во-первых, общие характеристики регионов, отражающие условия жизни их населения; во-вторых, усредненные показатели развития поселений, в границах которых осуществляется основная часть жизнедеятельности людей [6, с. 161].

Следует отметить, что изучение особенностей заселенности сельской местности региона представляет интерес двоякого рода: с одной стороны, характер заселенности отражает степень социальной освоенности территории и возможность взаимного развития групп поселений; с другой стороны, определенный уровень заселенности является необходимым условием экономического развития территории. Важно и то, что обслуживание и эксплуатация пространственно протяженных коммуникаций и инженерных сооружений инфраструктуры при слабой заселенности требуют больших затрат и поэтому не могут быть достаточно эффективными. Для организации межселенного культурно-бытового обслуживания сельского населения также необходим достаточно высокий уровень заселенности территории. Особенности заселения обуславливаются множеством факторов, среди которых важнейшими являются сельскохозяйственное освоение земли, наличие путей сообщения, развитость опорных центров расселения, наличие необходимого демографического потенциала [8, с. 56].

*Фаузер Галина Николаевна (Сыктывкар) – научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН.

Загайнова Гертруда Васильевна (Сыктывкар) – старший научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН.

**Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда гуманитарных исследований (проект № 06-02-00228а).

Сеть сельских населенных пунктов, связанная в первую очередь с сельскохозяйственным производством, во многом зависит от размещения сельскохозяйственных угодий, характера их использования. В районах Российского Севера она в большей степени подвержена влиянию экстремальных природных условий [5].

В сложившейся системе расселения в Республике Коми имеют место существенные различия в уровне заселения и сельскохозяйственного освоения отдельных территорий в зависимости от их зонального расположения и исторического периода освоения.

Степень освоенности территории республики отличается от Российской Федерации в целом меньшей плотностью сельского населения и густотой сети сельских населенных пунктов, слабой взаимосвязью их друг с другом и т.д., что существенно сказывается на условиях жизнедеятельности людей, режиме их воспроизводства, территориальной и социальной мобильности (табл. 1).

Таблица 1

Показатели сельского расселения в Республике Коми в 1979–2002 гг.

Показатели	1979 г.	1989 г.	2002 г.
Численность сельского населения, чел.	323843	306424	252087
Доля сельского населения, %	29,1	24,5	24,7
Средняя плотность сельского населения, чел. на кв. км	0,8	0,7	0,6
Число сельских населенных пунктов с населением	780	739	712
Средняя величина поселений, чел.	415	415	354
Средняя густота сельских поселений на 10 тыс. кв. км	19	18	17
Доля населения, проживающего в селах-райцентрах, %	14,1	16,3	20,4

Для сельского расселения в Республике Коми характерны: низкая плотность населения, мелкоселенность и редкая сеть населенных пунктов, приуроченность к долинам рек, большое число сельских населенных пунктов несельскохозяйственного профиля, неразвитость транспортных связей, низкий уровень развития социальной инфраструктуры и т.д.

За период между переписями населения (1989–2002 гг.) сельское население республики сократилось на 54,3 тыс. чел. (на 17,7%) и составило 252,1 тыс. чел. Снижение численности, главным образом, обуславливается естественной убылью населения и миграционным оттоком из села. Имевший место рост числа сельских жителей за счет преобразования 15 городских поселений в сельские был не значи-

тельным (доля населения преобразованных городских поселений составила 6,1%). Наибольшее снижение численности сельского населения произошло в городах Вуктыл (на 56,5%), Усинск (на 49,8%), Сосногорск (на 41,2%), Княжпогостском (на 33,4%), Троицко-Печорском (на 32,7%) и Усть-Вымском (на 31,8%) районах.

За последние годы в распределении населения между городом и селом не произошло больших изменений. Незначительное повышение удельного веса сельского населения с 24,5% в 1989 г. до 24,7% в 2002 г. вызвано снижением абсолютной численности горожан (на 18,8%) и преобразованием поселков городского типа в сельские населенные пункты. За межпереписной период в 2 раза увеличилось количество районов республики, где полностью сельское население. К ним относятся: Ижемский, Койгородский, Сыктывдинский и Усть-Куломский р-ны.

Республика Коми по-прежнему слабо заселена. Плотность сельского населения, рассредоточенного по территории, по сравнению с городским, чрезвычайно низкая – 0,6 чел. на кв. км (в целом по республике – 2,4 чел. на кв. км), а средняя густота сельских населенных пунктов – всего лишь 17 поселений на 10 тыс. кв. км. Слабую освоенность территории подтверждает и один из нормативных показателей расселения – среднее расстояние между населенными пунктами. В сельской местности республики оно составляет 27 км, что говорит о редкой сети поселений, неразвитости межселенных связей и осложняет условия жизни людей. Очень редко заселена восточная часть республики. На территории, занимающей больше половины ее площади (Троицко-Печорский и Усть-Цилемский районы, все города за исключением Печоры и Сосногорска), средняя плотность сельского населения колеблется от 0,1 до 0,4 чел. на кв. км, а густота сельских поселений на 10 тыс. кв. км – от 3 до 8 населенных пунктов, среднее расстояние между ними – от 31 до 70 км (табл. 2).

Таблица 2

Показатели сельского расселения по административным районам Республики Коми за 1989–2002 гг.

Административные районы, подчиненные городам территории	Доля сельского населения, %		Средняя плотность, чел. на кв. км		Средняя людность поселений, чел.		Средняя густота поселений на 10 тыс. кв. км		Доля райцентра в сельском населении района, %	
	1989 год	2002 год	1989 год	2002 год	1989 год	2002 год	1989 год	2002 год	1989 год	2002 год
Республика Коми	24,5	24,7	0,7	0,6	415	354	18	17	16,3	20,4
Города										
Сыктывкар	0,3	0,5	1,1	1,7	387	386	29	43	...	...
Воркута	0,7	1,3	0,1	0,1	405	256	2	3	...	...

Окончание таблицы

Административные районы, подчиненные городам территории	Доля сельского населения, %		Средняя плотность, чел. на кв. км		Средняя людность поселений, чел.		Средняя густота поселений на 10 тыс. кв. км		Доля райцентра в сельском населении района, %	
	1989 год	2002 год	1989 год	2002 год	1989 год	2002 год	1989 год	2002 год	1989 год	2002 год
Вуктыл	31,3	21,1	0,4	0,2	742	388	5	4	...	...
Инта	5,2	6,6	0,1	0,1	178	153	7	7	...	...
Печора	13,1	16,7	0,4	0,4	441	394	10	10	...	...
Сосногорск	19,6	13,8	0,7	0,4	647	452	12	10	...	...
Усинск	17,4	11,5	0,4	0,2	715	436	6	5	...	...
Ухта	2,6	2,6	0,3	0,3	332	278	8	9	...	...
Районы										
Ижемский	82,2	100,0	1,0	1,2	600	633	17	18	18,6	17,6
Княжпогостский	37,7	33,4	0,6	0,4	310	211	20	19	...	...
Койгородский	89,1	100,0	1,1	1,0	530	501	20	19	25,8	30,7
Корткеросский	100,0	100,0	1,4	1,2	469	464	29	26	15,7	19,7
Прилузский	100,0	100,0	2,1	1,9	306	275	70	68	17,9	23,6
Сыктывдинский	96,1	100,0	3,6	3,3	517	494	69	66	33,9	42,1
Сысольский	100,0	100,0	3,2	2,8	236	211	136	131	35,8	42,3
Троицко-Печорский	49,7	49,7	0,3	0,2	395	265	8	8	...	...
Удорский	77,3	59,4	0,5	0,4	362	304	15	14	18,9	18,0
Усть-Вымский	41,7	36,2	3,8	2,6	340	246	110	104	21,1	28,7
Усть-Куломский	94,3	100,0	1,4	1,2	598	510	24	24	14,8	17,0
Усть-Цилемский	100,0	100,0	0,4	0,4	435	428	9	8	31,5	33,0

Различия в размещении сельского населения возникли в результате длительного процесса заселения и хозяйственного освоения территории. Издавна сложились наиболее крупные полосы заселения в юго-западных районах Республики Коми, вдоль средней и нижней Вычегды, Сысолы и Лузы; крупный ареал – на нижней Печоре, в местах впадения в нее притоков Ижмы и Цильмы [2, с. 18]. С реками были связаны места рыболовства, развития животноводства на пойменных лугах, благоприятные почвенные условия для земледелия. И именно здесь концентрировалось население коренной национальности – коми.

По данным переписи населения 2002 г., основная часть сельского населения сосредоточена в юго-западных районах республики. Только в Сыктывдинском, Сысольском, Прилузском и Усть-Вымском районах проживает более 31% всего сельского населения, хотя они занимают менее 8% площади республики. Плотность сельского населения колеблется в них от двух до трех человек на кв. км. Здесь самая густая сеть сельских поселений: от 66 на 10 тыс. кв. км в Сыктывдинском районе до 131 в Сысольском, что в 4-8 раз превышает

среднереспубликанский показатель. Среднее расстояние между поселениями – 9-12 км, в 2-3 раза меньше, чем в целом по республике.

Одна из проблем сельского расселения – сокращение поселенческой сети. В 2002 г. сельское население Республики Коми проживало в 712 населенных пунктах. На развитие современной поселенческой сети оказывали влияние разные факторы, но решающую роль играли социально-экономические. В настоящее время их действие привело к сокращению сети населенных пунктов (1970 г. – 1055; 1979 г. – 780; 1989 г. – 739; 2002г. – 712 сельских поселений).

Меньшее сокращение общего числа поселений после переписи 1989 г. объясняется переводом в 1989–2002 гг. 15 поселков городского типа в категорию сельских. Процесс сокращения сельских поселений пока не прекращается и происходит практически во всех административных районах республики (табл. 3).

Таблица 3

Динамика сети сельских населенных пунктов по административным районам Республики Коми в 1979–2002 гг.*

Административные районы, подчиненные городам территории	Число сельских населенных пунктов		
	1979 г.	1989 г.	2002 г.
Республика Коми	780	739	712
Города			
Сыктывкар	4	2	3
Воркута	4	4	7
Вуктыл	13	12	10
Инта	22	21	20
Печора	29	28	28
Сосногорск	21	19	16
Усинск	16	17	14
Ухта	13	11	12
Районы			
Ижемский	32	32	34
Княжпогостский	53	48	47
Койгородский	25	21	20
Корткеросский	59	58	51
Сыктывдинский	51	51	49
Сысольский	88	83	80
Прилузский	100	92	90
Троицко-Печорский	37	33	33
Удорский	53	53	49
Усть-Вымский	55	53	50
Усть-Куломский	64	63	63
Усть-Цилемский	41	38	36

* Включены населенные пункты, имеющие постоянное население.

Если в 1989 г. было девять «безлюдных» поселений, не имеющих постоянных жителей, то в 2002 г. – уже 17. Наибольшее количество сельских населенных пунктов без населения расположено в МО «Город Усинск» – четыре, что составляет 22,2% от общего их количества. Только за последний межпереписной период (1989–2002 гг.) сняты с учета 46 сельских населенных пунктов.

Наибольшее число сельских поселений сократилось в Корткеросском, Княжпогостском, Усть-Цилемском и Сысольском районах республики. Из учета исчезли, прежде всего, мелкие деревни и лесные поселки, половина из них имела число жителей до 50 чел. Согласно административно-территориальному делению республики, в 1989–2002 гг. из учетных данных исключены в Корткеросском районе – семь сельских населенных пунктов, в Сысольском районе – три деревни и поселок, имеющие общую численность населения 12 чел. По ряду объективных причин довольно сложно выявить истинное положение всех изменений в сети сельских поселений. Можно лишь с уверенностью утверждать, что быстрее других теряют население и постепенно исчезают деревни, наиболее удаленные от местных центров и не имеющие с ними круглогодичной, транспортной связи. Так, в Верховузском сельсовете Прилузского района, расположенном в 90–120 км от райцентра, из девяти населенных пунктов, существовавших в 1968 г., имеется население в настоящее время только в четырех; в Вочевском сельсовете Усть-Куломского района, удаленном от райцентра на 80–140 км, из девяти населенных пунктов осталось четыре поселения и т.д.

Сопоставляя данные за 1979–2002 гг. о составе поселений по их величине, можно отметить две характерные тенденции. Во-первых, произошло увеличение числа самых мелких населенных пунктов с числом жителей до 50 чел. (с 144 до 227). Во-вторых, сократилось число всех групп поселений, имеющих от 50 до 2000 жителей (с 619 до 467). И только число крупных населенных пунктов, людностью свыше 2000 чел., осталось стабильно (17–18 поселений).

Особую остроту в республике имеет проблема мелкоселенности, которая оказывает непосредственное влияние на уровень обслуживания населения. В структуре расселения преобладают мелкие деревни (до 500 жителей), составляющие 81,0% (577 населенных пунктов) всех сельских поселений, особенно на юге республики. Например, в Прилузском районе 92,2% всех сельских поселений имеют численность до 500 жителей, в Сысольском районе в 75 поселениях из 80 (93,7%) проживают менее 500 чел. Их удельный вес за межпереписной период

(1979–2002 гг.) по республике увеличился на 7,8 процентных пунктов, в том числе наибольшее увеличение произошло за последний межпереписной период (1989–2002 гг.) на 6,6 процентных пункта (табл. 4). Во всех районах республики за 1989–2002 гг. наблюдался рост числа поселений численностью до 500 чел., из них наибольшее (на 18,1%) снова на юге республики, в Койгородском районе.

Таблица 4

Динамика распределения сельских поселений Республики Коми по величине в 1979–2002 гг., %

Группы поселений по величине, чел.	Число поселений			Число жителей в них		
	1979 г.	1989 г.	2002 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
До 100	32,9	38,1	3,1	3,6	3,5	4,2
101–500	40,3	36,3	37,9	24,9	23,3	27,8
501–1000	17,3	15,4	11,8	28,1	25,3	22,5
1001–3000	8,2	8,8	5,5	29,4	31,5	22,2
3001–5000	0,8	0,7	1,0	6,3	6,0	9,9
Свыше 5000	0,5	0,7	0,7	7,7	10,4	13,4
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

При сокращении численности сельского населения и числа населенных пунктов средняя людность поселений уменьшилась с 415 в 1979 г. до 354 чел. в 2002 г. По административным районам этот показатель колеблется от 211 чел. в Сысольском, Княжпогостском районах до 633 чел. в Ижемском районе. Однако показатель средней людности лишь в ограниченной степени характеризует расселение. Более важно знать, какая часть сельского населения проживает в населенных пунктах определенной величины.

В Республике Коми около одной трети (32,0%) сельского населения размещается в малых поселениях (до 500 чел.), имеющих минимум социальных услуг. В крупных селах с числом жителей более 1000 чел., наиболее перспективных для дальнейшего развития и с большими возможностями для организации культурно-бытового обслуживания, проживает менее половины (45,5%) сельского населения республики. Вместе с тем, на села людностью свыше 3000 чел., представляющих опорную сеть сельского расселения, в 2002 г. приходилось 23,3% сельского населения (в 1979 г. – 14,0%). Более 5000 чел. проживает в селах Визинга, Объячево, Усть-Кулом и Усть-Цильма, а в селе Вильгорт – 10211 чел.

Процесс концентрации населения в более крупных по своим размерам поселениях распространяется и на сельскую местность Рес-

публики Коми. Число проживающих в селах людностью свыше 3000 чел. возросло за эти годы в 1,3 раза при снижении общей численности сельского населения на 22,2%. На общем фоне выделяются населенные пункты, совмещающие административные и хозяйственные функции. Особенно следует отметить села-райцентры, которые повысили свой удельный вес в составе сельского населения республики с 16,3% в 1989 г. до 20,4% в 2002 г. В ряде районов в райцентрах сконцентрировано свыше одной трети сельского населения (в Сыктывдинском – 42,1%, Сысольском – 42,3%, намного меньше в Усть-Цилемском – 33,0%).

В шести поселениях–центрах административных районов, за исключением сел Айкино, Кослан, Усть-Кулом и Усть-Цильма, численность населения в 1989–2002 гг. возросла. Больше других, в 1,1–1,2 раза, увеличили число своих жителей – райцентры: Койгородок, Выльгорт, Корткерос, Объячево (табл. 5).

Таблица 5

Динамика численности постоянного населения
в селах-райцентрах Республики Коми в 1979–2002 гг.

Райцентры	Численность населения, тыс. чел.			2002 г. к 1989 г., %
	1979 г.*	1989 г.	2002 г.	
Айкино	3,8	3,8	3,5	93,0
Визинга	5,6	7,0	7,1	101,9
Выльгорт	8,5	8,9	10,2	114,2
Ижма	3,2	3,6	3,8	106,3
Койгородок	3,1	2,9	3,1	107,3
Корткерос	3,4	4,3	4,7	109,0
Кослан	3,9	3,6	2,7	74,1
Объячево	3,5	5,0	5,8	115,9
Усть-Кулом	5,3	5,6	5,5	98,1
Усть-Цильма	5,5	5,2	5,1	97,7
Всего	45,8	49,9	51,5	103,2

* – численность наличного населения.

Характерная черта сельского расселения в республике – высокий удельный вес населения, проживающего в населенных пунктах несельскохозяйственного профиля. В эту категорию населенных пунктов, наряду с лесными поселками, входят поселки железнодорожных станций, нефтяников, газовиков и строителей. В 1989 г. они составляли 29,0% всех сельских поселений, где проживало 41,7% сельского населения республики. За 2002 г., по данным, представленным органам статистики предприятиями, размещающимися в сельских населенных

пунктах, исходя из преобладающей численности занятых по отраслям производства, они составляли 52,8% всех сельских поселений, где проживало 59,6% сельского населения республики. В большинстве районов более половины сельского населения размещается в несельскохозяйственных поселениях, %: в Княжпогостском – 90,6, Корткеросском – 70,9, Прилузском – 88,2, Сысольском – 84,5, Троицко-Печорском – 94,3, Удорском – 85,0, Усть-Вымском – 92,5, Усть-Куломском – 83,3.

Согласно статистических данных за 2002 г., из 712 населенных пунктов в 585 отсутствует производство, что составляет 82,2% от их общего числа, где проживало 42,6% сельского населения. Можно предположить, что население данных поселений занимается личным подсобным хозяйством или безработные.

В Республике Коми, как крупном лесопромышленном районе европейской части России, существенным элементом в сети населенных мест являются поселки лесозаготовителей. Расширение ареалов заселения территории происходит в значительной степени за счет развития лесозаготовительной промышленности. В начальный период освоения лесосырьевых баз поселки создавались в непосредственной близости от деревень, в последующем они все чаще «уходили» на водоразделы, вглубь лесных массивов, к местам приложения труда. Часто лесные поселки выполняют роль местных центров в общей системе расселения. В 2002 г. в них размещалось 46 центров сельских администраций из 190 в республике.

В 2002 г. в Республике Коми насчитывалось 63 поселения лесопромышленной ориентации, что составляет 49,6% всех сельских и 94,0% сельских несельскохозяйственных населенных пунктов, в которых проживало 55,6% сельского населения. В некоторых районах доля населения лесных поселков в общей численности сельского населения превышает 80-90% (в Троицко-Печорском – 94,3%, Прилузском – 88,2, Удорском – 85,0, Сысольском – 84,5, Усть-Куломском – 83,3%).

Особенности лесозаготовительного производства (рассредоточенность по территории, постоянное перемещение центров производства, высокий удельный вес транспортных операций, зависимость от природных факторов) определяют небольшую величину населенных пунктов и оказывают влияние на систему расселения в лесопромышленных районах. Все они, как правило, соответствуют определенным стадиям производственного процесса, имеют элементы иерархии управленческого, организационно-сбытового порядка и

сферы обслуживания [3, с. 36–42]. К сожалению, рассматривая проблемы сельской местности, подразумеваются в основном сельскохозяйственные населенные пункты и не уделяется должного внимания лесопромышленным.

Лесопромышленные поселения невелики, хотя по сравнению с сельскохозяйственными и отличаются более крупными размерами. Средняя людность в 2002 г. составляла соответственно 1278 и 973 чел. (в 1989 г. – соответственно 669 и 340 чел.). В крупных поселках с числом жителей свыше 1000 чел. проживало более 4/5 (81,6%) населения всех лесопромышленных поселений.

Число лесопромышленных поселений сократилось: со 169 в 1989 г. до 63 в 2002 г. Из 169 поселений в 2002 г. по 122 нет данных, 10 поселений исключено из учетных данных и только в 34 (20,1%) сохранилось лесопромышленное производство. Произошли изменения в самой структуре их сети: наряду с опустением ряда поселений три поселка лесопромышленной направленности из городских перешли в сельские (пос. Нижняя Омра в МО «Троицко-Печорский район», пос. Югыдъяг в МО «Усть-Куломский район», пос. Каджером в МО «Город Печора»). Поселок Миша-Яг в МО «Город Печора» перешел из разряда поселков железнодорожных станций в поселок лесопромышленной направленности. В 2002 г. действовало лесопильное производство, где было занято 107 чел. из 404 жителей данного поселка. В 25 поселках сельскохозяйственной направленности организовано лесозаготовительное производство. Своевременное решение судьбы опустевших населенных пунктов, в частности поселка болгарских лесозаготовителей Верхнемезенска в Удорском районе, позволило бы использовать в них производственные и жилые фонды, созданную социальную инфраструктуру.

Лесопромышленные сельские поселения имеют свои особенности, что обязывает внимательнее учитывать специфику их развития, связь с природным фактором и прямую зависимость уровня жизни населения от работы лесозаготовительных предприятий. Чаще всего производство представлено в них только одним видом – лесозаготовками, что обостряет проблему занятости, а уровень социально-бытовых услуг во многом уступает другим промышленным поселениям. Так, расходы на бытовые услуги в периферийных лесозаготовительных районах составляют только 45%, а обеспеченность жилищными койками – 86% от уровня районов углепромышленной специализации [9, с. 84]. Низок уровень обеспеченности жилого фонда

центрального отоплением, водопроводом, поселки не газифицированы.

Улучшение социально-бытового обустройства этого типа населенных пунктов, впрочем как и других, связано с общими проблемами хозяйственной реформы, совершенствованием территориальной организации производства, развитием транспортной сети и т.д.

Как уже отмечалось, в сельской местности Республики Коми ярко выражена мелкоселенность. Особенно она характерна исторически более заселенным районам, с преобладанием сельскохозяйственной специализации. В большинстве из них нет городских поселений, функции центров административных районов выполняют сельские населенные пункты. Учитывая, что расселение, как сложный социально-экономический процесс, довольно консервативно (длительное существование сети поселений), здесь не произошло значительных изменений. Существующие лесные поселки в них не оказывают большого влияния на всю сеть населенных мест.

Примером является Сысольский район, где при относительно высокой плотности сельского населения (2,8 чел. на кв. км) самые мелкие в республике поселения (средняя людность 211 чел.) и самая густая их сеть (131 поселение на 10 тыс. кв. км), 42,3% населения района сконцентрировано в с. Визинге – райцентре, остальная часть рассредоточена по 79 населенным пунктам. На территории Куратовского сельсовета расположены 26 поселений с общим числом жителей всего лишь 1,3 тыс. чел.

При такой мелкоселенности, дробной сети поселений затрудняется решение проблем благоустройства, функционирования объектов социально-культурного обслуживания и повышения уровня жизни населения. Как известно, по существующим проектным нормативам демографическая база для эффективной работы учреждений обслуживания имеется лишь в поселениях с числом жителей более 1000 чел., а для функционирования хотя бы простейших учреждений повседневного обслуживания необходимо свыше 300 жителей [4, с. 80]. Сельскому населению оказывается в 2–2,5 раза меньше бытовых услуг, чем городскому, резко сократилась сеть предприятий службы быта. Степень благоустройства жилья в сельской местности в несколько раз ниже, чем в городской, половина дошкольных учреждений расположена в приспособленных зданиях. Село страдает от бездорожья.

В республике недостаточно развита сеть опорных поселений, кроме районных центров. Расположенные на большом расстоянии от многих населенных пунктов райцентры не могут охватить сферой

обслуживания все поселения. Свыше 1/5 населенных мест (145), даже центров сельских администраций (37), находятся от райцентров на расстоянии более 100 км. Это говорит о том, что при формировании центров межхозяйственного значения (кустовых) следует ориентироваться не только на самые крупные поселения (3-5 тыс. чел.), но и на населенные пункты с меньшей людностью [1, с. 68].

Литература и источники

1. Акопов В.И., Загайнова Г.В. Сопряженный анализ систем расселения и уровней обслуживания населения районов Тимано-Печорского ТПК // Формирование и развитие регионального комплекса жизненных условий. Сыктывкар, 1985. С. 64–75. (Труды Коми филиала АН СССР, № 69).
2. Загайнова Г.В. Специфика заселения Европейского Северо-Востока СССР // Известия Коми филиала Геогр. об-ва СССР, 1969. Т. II, вып. 2. С. 15–20.
3. Загайнова Г.В. Типы лесопромышленных поселений Коми АССР // Географические аспекты освоения природных ресурсов Европейского Северо-Востока СССР. Сыктывкар, 1973. С. 36–42 (Известия Коми филиала Геогр.об-ва СССР; Т. II, вып. 5).
4. Мангатаева Д.Д. Система расселения населения: Региональный аспект. Новосибирск, 1988. 80 с.
5. Региональные проблемы воспроизводства и занятости населения / Фаузер В.В., Загайнова Г.В., Подоплелов В.П. и др. Сыктывкар, 1996. 112 с.
6. Социально-демографическое развитие села: региональный анализ / Под ред. Т.И.Заславской и И.Б.Мучника. М., 1980. 343 с.
7. Фаузер В.В., Жиделева В.В., Загайнова Г.В. Расселение населения и его особенности в северных районах. Сыктывкар, 1996. 29 с.
8. Федосеев В.И. Сельское население региона. М., 1986. 144 с.
9. Эколого-географические основы рационального природоиспользования в многолесных районах / Ильчуков С.В., Лаженцев В.Н., Ларин В.Б. и др. Сыктывкар, 1995. 112 с.

И.Б. Муртазина*

**Старшее поколение
как фактор демографического развития****

В развитии нашей страны в течение последних лет наблюдается сохранение негативных демографических тенденций. Основной из них можно считать абсолютное сокращение численности жителей страны. Кроме того, необходимо отметить, что этот процесс сопровождается изменениями и в возрастной структуре населения: население нашей страны стареет быстрыми темпами.

В настоящее время предлагаются различные варианты возрастной квалификации для позднего периода жизни человека. В документах Европейского регионального бюро Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), возраст от 50 до 60 – люди старшего возраста, от 60 до 74 лет рассматривается как пожилой, 75 лет и старше – старые люди, 90 лет и старше – долгожители. Согласно международным критериям (например, ООН), население страны считается старым, если доля людей в возрасте 65 лет и старше превышает 7%. По этому показателю население России давно можно считать таковым, ибо каждый пятый россиянин относится к вышеуказанной возрастной категории. За последние шестьдесят лет доля детей в населении уменьшилась почти вдвое, а доля пожилых и старых людей, напротив, выросла почти втрое.

Такая тенденция имеет негативные последствия, но чтобы разобраться в них и попытаться изменить, необходимо рассмотреть, в первую очередь, причины возникновения этого дисбаланса. Среди них можно отметить следующие: низкая рождаемость, увеличившаяся смертность новорожденных и детей младшего возраста, низкий уровень жизни населения, нежелание молодежи обзаводиться собственными семьями и иметь детей (если раньше считалось нормой иметь в семье не менее двух и даже трех детей, то на данном этапе многие считают возможным воспитать только одного ребенка), растущий

*Муртазина Ирина Борисовна (Сыктывкар) – аспирантка Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН.

**Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06-02-00228а).

процент супружеских пар, которые в силу своего физического состояния не могут иметь детей (влияние неблагоприятных факторов окружающей среды, низкий качественный уровень жизни населения) и т.д. Таким образом, наблюдается тенденция увеличения численности населения старшего возраста (более здорового и выносливого) и сокращение количества детей.

Закономерен в данном случае вопрос: почему, если в России доля пенсионеров составляет большую часть всего населения, им так мало уделяется внимания со стороны государства, а часть их живет за чертой бедности? Многие из них испытывают ностальгию по доперестроечным временам, когда были менее обеспечены материально, но были более счастливы. В России пенсионеры относятся к «зоне бедности и нищеты», причем из пяти групп, которые выделяют некоторые исследователи, данная группа находится на последнем месте. По данным института общественного проектирования, доля пенсионеров от численности всех россиян составляет 31%, личный доход их равен 2300 рублей в месяц и практически никто из них не может найти работу, приносящую дополнительный доход, не говоря уже о том, чтобы найти работу по своей специальности. Во всем мире пенсионеры распределяются по группам в зависимости от статуса, которого они достигли за время работы. И лишь в России пенсионеры выделяются в отдельный класс, не связанный с их предыдущей профессиональной деятельностью. При этом необходимо учесть, что они не имеют жизненных перспектив, а социальный статус не позволяет делать их участниками реформ. В то же время именно на них, чаще всего, сегодня ставит свои эксперименты государство.

Возникает вопрос, почему бы не принять меры по «возвращению» данного класса в рабочие ряды? Использование потенциала пожилых людей является определенной базой для дальнейшего развития общества, поскольку у государства появляются дополнительные ресурсы, а у пожилых людей – возможность самореализации. Это позволило бы также решить вопрос о социальной стабильности общества. У нас очень распространено представление о пожилых людях как «лишних» в рыночных условиях. Однако значительная доля граждан старшего возраста вовлечена в активную трудовую деятельность. В настоящее время из 38 миллионов российских пенсионеров официально работает 6,7 млн. чел., основную долю которых составляют женщины. Эти цифры подтверждают нашу мысль о необходимости производственной активизации данной части населения.

Следует разработать определенное положение о работающих пенсионерах и лицах старшего возраста, входящее в программу развития нашей страны. Реально оценивая свой трудовой ресурс, подавляющее большинство пенсионеров (83,3%) согласно трудиться на любой работе. На вопрос «Какую работу вы готовы выполнять?» наиболее часто повторяются такие варианты ответов: дежурный, лифтер, дворник, работа в сфере мелкой торговли, репетиторство, уборщица. Нетрудно заметить, что большинство названных профессий относятся к числу тех, которые не слишком привлекают молодежь. И этот факт должен лишь повысить ценность пенсионеров на рынке труда. Легко представить, что произойдет, если в один день уволятся все гардеробщицы, уборщицы и т.д. Основной причиной, заставляющей пенсионеров продолжать трудовую деятельность, остается невысокая материальная обеспеченность. Наиболее распространенные причины: «недостаточное пенсионное обеспечение» – 17,3%, «чтобы заработать деньги» – 16,7%, «желание быть в коллективе» – 6,7%. Выяснено, что более 3% пожилых граждан хотели бы создать свое дело, собственный бизнес. Анализ показал, что до 8% пожилых людей, в зависимости от характеристики и возраста, делали реальные попытки включиться в рыночные отношения.

Вместе с тем, как свидетельствуют опросы, наибольшее число пожилых людей предпочли бы работать по специальности, которую они уже имеют. Это показывает, что пенсионеры свои трудовые навыки считают сохранившимися. Однако в связи с системным кризисом экономики и технической революцией, «устаревший» трудовой опыт зачастую мешает пенсионерам найти себе работу. Требуется не только умение использовать старые знания, но и способность учиться и применять новые навыки.

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что работающие пенсионеры выгодны для страны, по крайней мере, в современных российских условиях. Следовательно, государство должно способствовать реализации экономической активности пожилых людей, адаптации их к рыночной экономике.

*П.В. Габов**

**Динамика межнациональных отношений в Республике
Коми в условиях этнодемографического развития**

На Европейском Севере Коми край издавна является историческим перекрестком народов [1]. В настоящее время в Республике Коми проживают представители более ста тридцати национальностей: почти русские – 60%, коми – 25%, остальные – 15%.

В конце XX в. многонациональный состав населения нашей республики стал причиной появления общественных объединений национально-культурной ориентации. Это произошло на волне активизации национального самосознания народов России. Первыми были созданы объединения коренных жителей: «Коми котыр», объединивший коми народ, «Русь Печорская» – усть-цилёмов, «Изъватас» – коми-ижемцев (1991 г.), а затем появились национально-культурные объединения украинцев – «Дружба», финнов – ингерманландцев, немцев – «Видергебурт», азербайджанцев – «Караван», татаро-мусульманский центр «Дуслык», марийцев – «Мари Эл», общество еврейской культуры «Шолом», и др. Все они реализуют задачи сохранения и развития национальных традиций, родного языка и истории своего народа. Активизировались культурные связи с финно-угорскими регионами Российской Федерации, стало развиваться сотрудничество с тюркоязычными регионами, Украиной, Белоруссией, Прибалтийскими государствами. Активно заработали общества дружбы «Коми–Венгрия», «Коми–Эстония», «Коми–Финляндия» при финно-угорском культурном центре Республики Коми. В 1991–1995 гг. были проведены первые съезды коми народа, тюркских народов, украинцев, усть-цилемов «Русь Печорская», коми-ижемцев «Изъватас», конференции российских немцев [2].

Во второй половине 90-х гг. XX в. появились чувашское, латышское общества, Союз казаков Республики Коми, национально-культурные автономии цыган и белорусов, прибалтийских народов «Коми–Балтия». К настоящему времени на территории республики действует более 150 национально-культурных объединений, в том числе 10 республиканских национально-культурных автономий.

***Габов Прокопий Валентинович** (Сыктывкар) – главный специалист Департамента национальной политики Республики Коми.

Для проведения эффективной государственной национальной политики и гармонизации межнациональных отношений в Республике Коми действует созданная с участием национально-культурных объединений и проверенная временем, соответствующая законодательная база Республики Коми. Верховным Советом Республики Коми 28 мая 1992 г. принят закон РК «О государственных языках Республики Коми», определяющий коми и русский языки государственными языками Республики Коми, в то же время не ущемляющий развитие родных языков других национальностей [3]. Активисты национально-культурных автономий участвовали в разработке Концепции Государственной национальной политики (1996 г.). Региональные Законы РК «О национально-культурной автономии» (1996 г.) и «О национально-культурной автономии в Республике Коми» (28 июня 2005 г.) направлены на обеспечение условий представителям национальных меньшинств для участия в общественно-политических процессах через их национально-культурные автономии.

В Консультативный совет по делам национально-культурных автономий, действующий при министерстве с февраля 1997 г. [4], наряду с руководителями республиканских национально-культурных автономий и объединений (российских немцев, евреев, татар и башкир, украинцев, казаков, цыган, белорусов, усть-цилемов, коми-ижемцев) вошли также представители КРОД «Коми войтыр» и землячеств [5]. Общественный Совет на своих заседаниях рассматривает вопросы взаимодействия национальных объединений с государственными органами власти. Практикуются выездные заседания, они состоялись в городах Инта, Ухта, Сыктывкар, в Сысольском, Княжпогостском, Сыктывдинском районах. На выездных заседаниях рассматриваются отчеты администраций муниципальных образований о работе по вопросам взаимодействия с национально-культурными объединениями и выполнение решений съезда коми народа. С целью социального партнерства на муниципальном уровне подобные Консультативные советы созданы в Ухте, Сыктывкаре, Печоре, Эжве, Усинске, Сосногорске и других районах.

Основным механизмом осуществления национальной политики стали Программы реализации государственной национальной политики Республики Коми, утвержденные Указами Главы Республики Коми. Они направлены, прежде всего, на решение вопросов национально-культурного развития коми народа, поддержки национально-культурных автономий, центров национальных культур. В Респуб-

лике Коми накоплен значительный опыт осуществления таких проектов, как: этнокультурный детский лагерь «Радлун», многонациональная детская смена «Дружба», детский республиканский фестиваль национальных культур «Венок дружбы», фестиваль «Многоцветье Республики Коми», фестивали национальных культур и т.д. Они все состоялись благодаря государственной финансовой поддержке [6]. В республиканском Финно-угорском культурном центре РК пятый год реализуется проект «Летний университет юных филологов» в рамках Финляндской программы поддержки финно-угорских народов России [7].

Центры национальных культур – это один из инструментов взаимодействия национальных объединений с органами государственной власти. В двадцати центрах национальных культур (Центры коми культуры, Центр славянских культур, Центр немецкой культуры, Центр еврейской культуры и др.) проводятся мероприятия национально-культурных автономий и землячеств: традиционные народные праздники, обряды. В центры приходят целыми семьями представители нескольких поколений. Изучают родной язык, участвуют в народных фольклорных праздниках.

Успешно функционирует уникальное в своем роде учреждение «Финно-угорский культурный Центр Республики Коми», где проводится активная многоплановая работа, общественно значимые акции: конференции, собрания, заседания круглых столов, научно-практические конференции, съезды, встречи представителей национальных объединений и землячеств. За десятилетнюю историю этого центра можно выделить его приоритетные направления деятельности. Сохранение культурного наследия народа коми и его популяризация фольклором, традициями быта коми за пределами нашей республики [8]. Такой аспект деятельности осуществляется благодаря отделу народной песни ФУКЦ РК – ансамблю популярной песни «Зильган турун» с солисткой народной артисткой Республики Коми Лидией Логиновой [9]. Второе направление – координация деятельности национально-культурных объединений. Традиционными стали фестивали подворий национальных культур с участием коми, русских, украинцев, белорусов, евреев, немцев, армян, грузин, латышей и т.д.

Уникальным является очаг коми-ижемской культуры в центре Сыктывкара – народный дом «Изьва-керка», в котором постоянно проходят выставки ижемских умельцев, собрания и репетиции фольклорного ансамбля «Изьва» [10].

Поток на Север продолжается и сегодня: южане переселяются сюда к своим землякам в поисках работы. Миграционный оборот в республике остается высоким. В 1990-х гг. он превысил 1,6 млн. чел., при численности населения на начало 2001 г. 1 млн. 123,9 тыс. чел. В то же время необходимо отметить, что изменились направления и интенсивность миграции. Под влиянием миграции уменьшилась доля славян, увеличивается удельный вес тюркско-иранской группы и выходцев с Кавказа. Поэтому процесс создания национально-культурных объединений продолжается. В 2004 г. образовались республиканская грузинская НКА «Сакартвело», Сыктывкарское армянское НКО «Ван», Ухтинское городское национально-культурное общество азербайджанцев. Многонациональный город Усинск в 2004 г. также пополнился еще одним национально-культурным объединением азербайджанцев, которое активно включилось в культурную жизнь города и республики. Молодой творческий коллектив «Джанги» азербайджанской НКА г. Усинска стал победителем первого республиканского фестиваля – конкурса традиционных народных праздников и обрядов «Завалинка» в с. Выльгорт Сыктывдинского района в ноябре 2004 г. В 2005 г. создана районная национально-культурная автономия болгар (Удорский район), Коми республиканская общественная организация «Азербайджанское национально-культурное общество».

Деятельность Консультативного совета и конструктивное взаимодействие с органами государственной власти дают уверенность, что мы в современных условиях русско-коми двуязычия, глобализации будем и впредь жить в мире и согласии в единой многонациональной семье в нашем общем доме – Республике Коми [11]. «Многие проблемы национальных автономий в Республике Коми удастся успешно решать», – отметил на встрече с руководителями республиканских национально-культурных объединений В.А. Торлопов [12].

Принцип гармонизации межнациональных отношений, положенный в основу Концепции государственной национальной политики Республики Коми, последовательно претворяется в жизнь благодаря инициативе общественных объединений при поддержке органов государственной власти. Таким образом, в Республике Коми действует серьезная инфраструктура, содействующая решению вопросов национальной политики, которую необходимо сохранить и дальше развивать. В новых условиях развития многонациональной страны необходимы механизмы, содействующие решению задач формирования гражданской консолидации. Одним из таких механизмов яв-

ляется взаимодействие института власти с национально-культурными объединениями. Поэтому наша деятельность должна быть направлена не только на поощрение «диалога» между национальными группами, но и на формирование общего коммуникационного пространства, которое по своей природе интернационально.

Литература и источники

1. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001.
2. Текущий архив Министерства по делам национальностей Республики Коми. Отчеты за 1997 год.
3. Информационный бюллетень Министерства по делам национальностей Республики Коми. Сыктывкар, 1998.
4. Опыт социального партнерства в Республике Коми. Сыктывкар, 2002. С. 82.
5. Информационный бюллетень Министерства по делам национальностей Республики Коми. Сыктывкар, 1997.
6. Текущий архив Министерства по делам национальностей Республики Коми. Протокол заседания Консультативного совета от 24 сентября 2004 г.
7. КомиИнформ. Сыктывкар, 2003. 31 марта.
8. Республика, 2002. 9 окт.
9. Информационно-методический бюллетень. Республике Коми – 80. Министерство по делам национальностей Республики Коми, ФУКЦ РК. Сыктывкар, 2000. 110 с.
10. КомиИнформ. Сыктывкар, 2004. 29 янв.
11. Республиканская научно-практическая конференция «Традиционная культура Усть-Цильмы». Проведена в рамках республиканского праздника «Усть-Цилемская «горка» и мероприятий, посвященных 75-летию со дня образования Усть-Цилемского района. Департамент национальной политики Министерства культуры и национальной политики Республики Коми, ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2005. 151 с.
12. КомиИнформ. Сыктывкар, 2004. 7 дек.

В. А. Семенов*

**Межэтнические отношения в Республике Коми
по материалам родословных студентов
Сыктывкарского государственного университета
и Коми государственного педагогического института**

Для выявления параметров межэтнических связей, которые не учтены данными переписей и различными социологическими исследованиями, нами были привлечены материалы родословных, собранных среди студентов различных факультетов КГПИ и студентов исторического факультета СГУ. Сама выборка информантов зависела от случайного фактора – места проживания и в этом смысле была достаточно объективна. Так, в число респондентов попали буквально жители всех районов и городов Республики Коми, хотя с разной степенью представительности. Всего было опрошено около 1000 респондентов, но по разным причинам в нашем исследовании учтены данные 862 респондентов. В нашем исследовании представлены следующие районы и города Республики Коми: Ухта (15 чел.), Сосногорск (3 чел.), Инта (22 чел.), Вуктыл (3 чел.), Усинск (5 чел.), Воркута (22 чел.), Печора (24 чел.), Сыктывкар (268 чел.), Троицко-Печорский р-н (14 чел.), Княжпогостский р-н (23 чел.), Сыктывдинский р-н (25 чел.), Корткеросский р-н (30 чел.), Койгородский р-н (13 чел.), Усть-Куломский р-н (82 чел.), Усть-Вымский р-н (31 чел.), Ижемский р-н (33 чел.), Усть-Цилемский р-н (27 чел.), Удорский р-н (19 чел.), Сысольский р-н (31 чел.), Прилузский р-н (30 чел.), смешанные регионы (73 чел.). Наиболее многочисленная группа представлена студентами, проживающими в Сыктывкаре (268 чел.). Именно эта группа содержит наибольшее количество смешанных браков. Жители сельской местности, проживающие в рабочих поселках, также преобладают над жителями деревень, населенных преимущественно коми. Характерно, что большинство респондентов из рабочих поселков также являются детьми от смешанных браков.

Большинство респондентов позиционируют себя как русские, даже в том случае, если среди их предков нет ни одного представителя этого народа. В ряде случаев при наличии коми матери и отца-узбека-

***Семенов Виктор Анатольевич** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, зав. кафедрой археологии, этнографии и источниковедения Сыктывкарского государственного университета.

Таблица

Район / город	Национальный состав, в %						Примечания
	коми	коми	русские	русские	другие	другие	
Вуктыльский	10,2		63,0			26,0	Нет свед.
Ижемский	86,7	81,7	10,7	—	2,6		К/Р12,1,К/др6,0
Княжпогостский	16,7	17,7	61,3	4,3	4,3	К/Р- 26,0К/др12,9,Р/др34,5	
Койгородский	39,2	46,1	46,4	7,6	14,4	3,3	К/Р23,0,К/др15,2
Печорский	13,9	4,1	66,5	18,1	19,6	—	К/Р36,3К/др17,6Р/др29,8
Прилузский	61,7	43,3	31,6	3,3	6,7		К/Р 36,6Р/др3,3
Сосногорский	10,2		72,7		17,1		
Сыктывдинский	54,	28,0	36,1	8,0	9,5	8,0	К/Р 32,0К/др24,4Р/др4,0
Сысольский	69,4	67,7	22,4	—	8,2	—	К/Р22,5К/др6,4Р/др3,2
Троицко-печорск.	24,1	—	58,4	7,1	17,5	14,2	К/Р35,0К/др35,0Р/др7,1
Удорский	48,4	47,7	34,30	5,3	17,3	—	К/Р15,7К/др31,6
Усинский	11,5		54,6		33,9		
Усть-Вымский	29,1	29,0	52,2	29,0	18,7	—	К/Р22,5К/др16,0Р/др9,6
Усть-Куломский	71,2	54,3	18,6	2,4	10,2	—	К/Р17,0К/др 16,3Р/др3,6
Усть-Цилемский	7,9	22,2	89,7	34,0	2,4	—	К/Р 18,1К/др4,4Р/др4,4
г. Воркута	2,2	4,5	68,6	31,8	29,2	13,5	К/Р4,5К/др13,5Р/др3,6
г. Инта	8,4	13,6	66,3	18,9	25,3	—	К/Р27,2К/др25,4Р/др27,1
г. Ухта	9,6	—	72,1	33,0	18,3	13,3	К/Р20,0К/др20,0Р/др13,3
г. Сыктывкар	33,6	16,6	54,3	14,8	12,1	—	К/Р29,1К/др7,4Р/др9,5
Корткеросский	71,0	60,6	21,7	3,3	7,3	3,3	К/Р10,3К/др9,9
Всего	23,3	19,4	57,7	9,5	19,0	0,5	К/Р18,1К/др1,0Р/др0,5

таджика-казаха и т.д. респонденты позиционируют себя или как коми, или как русские. Представляется, что ориентация на коми национальность связана с незнанием коми языка и ориентацией на «люмпен-культуру» рабочих поселков. Характерно, что среди студентов КГПИ преобладают именно жители рабочих поселков, а среди студентов СГУ – представители Сыктывкара, других крупных городов и коми деревень. Возможно, это связано с заниженной самооценкой жителей рабочих поселков и ориентацией на более, по их мнению, престижный уровень образования представителей титульной нации.

В то же время наши данные, несмотря на их избирательность, можно сопоставить с общими данными переписей предшествующих лет. Для сопоставления мы использовали данные, обобщенные С.Лаллукка [1] в его монографии «Восточно-финские народы России» (первая графа приводится по Лаллукка, вторая – архив СГУ) (см. табл.).

Таким образом, из приведенной таблицы видно, что значительную массу населения можно отнести к коми-русским, что позволяет дискутировать как сторонникам русофильского направления государственной политики, так и сторонникам необходимости коми культурного возрождения.

Литература и источники

1. Лаллукка С. Восточно-финские народы России: Анализ этнодемографических процессов. СПб., 1997. С. 304; см. также: Подоплелов В.П., Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Население Республики Коми на рубеже веков: исторический опыт и перспективы развития // Региональная демография. Сыктывкар, 2003. Вып. 1. С. 72–79.

*Н.В. Клепиков, В.В. Фаузер**

**Социально-демографический портрет работников
городского рынка****

В настоящее время, несмотря на рост доходов и расширение торговой сети, значительная часть населения по-прежнему предпочитает делать покупки на городских рынках. Это в полной мере относится к продовольственным и непродовольственным товарам. Успех рыночной торговли, качество предоставляемых услуг во многом зависит от человеческих ресурсов, выбравших для себя местом работы городской рынок. Однако ни в советские годы, ни в период рыночных реформ ни одно профессиональное образовательное учреждение не взяло на себя обязательство по подготовке торговых работников для городских рынков. Хотя по масштабам вовлечения населения в эту деятельность трудно переоценить ее размеры.

В сознании большинства населения работники городских рынков представляют часть общества, не сумевшую вписаться в рыночные условия и оставшуюся без работы: либо это маргинальные элементы, живущие разовыми заработками, либо это лица кавказской национальности. Набор оценок самый разнообразный. Вот лишь некоторые высказывания. «На рынке работают те, кто ничего не умеет делать в этой жизни». «Большинство работников рынка это люди, не имеющие специального образования и имеющие плохое социальное прошлое». «Рынок заполнили выходцы с Кавказа, их образ жизни связан с торговлей. Они сами не мерзнут и не мокнут под дождем, а заставляют это делать наших женщин». «Многие, кто работает на рынке, рано или поздно, под влиянием кавказских хозяев, начинают употреблять спиртное, наркотики, заниматься проституцией. Если кто отказывается выполнять их условия, то его быстро выжидают с рынка или выгоняют с работы». «Много работает женщин, оставшихся без мужа по разным причинам». «На рынок идут рабо-

*Клепиков Николай Васильевич (Сыктывкар) – соискатель кафедры менеджмента Сыктывкарского госуниверситета.

Фаузер Виктор Вильгельмович (Сыктывкар) – доктор экономических наук, зав. отделом социальных проблем Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, зав. кафедрой менеджмента Сыктывкарского госуниверситета.

** Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06-02-00228а).

тать одинокие матери, без образования и опыта работы. Те, кто не любит трудиться с утра до вечера, соблюдать дисциплину труда». «Мне кажется, что многим нравится работа на рынке. Она позволяет накопить деньги, начать свое дело. Эта работа ничем не отличается от других работ».

Как видно из высказываний жителей г. Сыктывкара о работниках городского рынка, картина получается не совсем социально благополучной. Городской рынок, как место работы, выглядит непривлекательным, социально опасным, ведущим по социальной лестнице на дно общества. Получается, что, с одной стороны, общество сегодня не может обойтись без продовольственных и вещевых рынков, а с другой стороны, городские рынки выступают местом, где идет стихийное формирование кадрового потенциала общества с нежелательными качественными характеристиками.

Чтобы выяснить, где мнение населения города отражает объективную реальность, а где оно сродни сплетням и обывательскому восприятию действительности, была поставлена цель – изучить социально-демографический портрет работников городского рынка и сравнить его с портретом жителей Республики Коми. Кроме того, была поставлена задача, оценить условия труда и трудовые установки работников городского рынка. Для этого в марте-апреле 2005 г. на городском рынке г. Сыктывкара был проведен социологический опрос среди его работников. В опросе принимали участие студенты 430-431 групп факультета управления СыктГУ. Всего было опрошено 275 чел. Среди респондентов 93,1% женщин и 6,9% мужчин. По возрасту опрошенные работники распределились следующим образом (%): до 24 лет – 34,9, 25-29 лет – 19,6, 30-34 лет – 14,5, 35-39 лет – 11,3, 40-44 – 11,3, и старше 45 лет – 8,4. По национальности среди респондентов преобладают русские – 54,4%, затем следуют коми – 27,7%, украинцы – 5,8%, белорусы – 3,6%, татары – 2,6%, других национальностей – 5,9%. Работники городского рынка достаточно образованы: 21,1% имеют высшее или незаконченное высшее профессиональное образование, 33,5% имеют среднее специальное профессиональное образование, каждый четвертый (24,4%) окончил профессионально-техническое училище, у остальных опрошенных общее полное и неполное образование (21,0%). Среди опрошенных довольно высока доля тех, кто не состоит в браке (32,7%). Каждый третий состоит в официально зарегистрированном браке (34,2%), каждый пятый состоит в незарегистрированном браке (19,6%), каждый десятый разведен (9,1%), 4,4% – вдовцы. Для работников рынка

характерна невысокая детность (%): 41,8 – не имеют детей, у 30,5 – один ребенок, у 24,4 – двое детей, три и более детей у 3,3. Почти половина опрошенных работников имеет благоустроенную квартиру (48,2%), каждый десятый имеет собственный дом (9,1%), четверть снимает жилплощадь (24,4%), остальные имеют разного вида благоустроенное и неблагоустроенное жилье.

Описание выборочной совокупности дает представление о тех, кто принимал участие в опросе, кто работает непосредственно на городском рынке, но данное описание не отвечает на вопрос об имеющих место (или нет) отличиях выборочной совокупности от генеральной совокупности, т.е. от всего населения Республики Коми. Чтобы подтвердить или опровергнуть мнение населения о кадровом потенциале городских рынков мы решили сравнить социально-демографические характеристики выборочной совокупности с материалами переписи населения 2002 г., что позволяет выявить имеющие место отличия или, наоборот, показать, что кадровый потенциал городских рынков не отличается от других организаций (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный социально-демографический портрет жителей Республики Коми и работников городского рынка, %

Социально-демографические характеристики	Выборочная совокупность 2005 г.	Перепись населения 2002 г.	Отклонение выборочной совокупности от итогов переписи, (+,-)
Возраст, лет:			
до 24	34,9	13,3	21,6
25-29	19,6	13,7	5,9
30-34	14,5	12,5	2,0
35-39	11,3	13,3	-2,0
40-44	11,3	17,2	-5,9
45-49	4,4	15,1	-10,7
50-54	1,5	10,1	-8,6
55-59	1,0	3,0	-2,0
60 и более	1,5	1,8	-0,3
Национальность:			
коми	27,7	25,2	2,5
русские	54,4	59,6	-5,2
украинцы	5,8	6,1	-0,3
белорусы	3,6	1,5	2,1
татары	2,6	1,5	1,1
другие	5,9	6,1	-0,2

Окончание таблицы 1

Социально-демографические характеристики	Выборочная совокупность 2005 г.	Перепись населения 2002 г.	Отклонение выборочной совокупности от итогов переписи, (+,-)
Образование:			
– высшее и н/высшее профессиональное	21,1	20,0	1,1
– среднее и начальное профессиональное	57,9	58,3	-0,4
– среднее (полное) общее	14,5	14,6	-0,1
– основное общее и начальное	6,5	7,1	-0,6
Брачное состояние:			
никогда не состоявшие в браке	32,7	23,4	9,3
состоящие в зарегистрированном браке	34,2	49,5	-15,3
состоящие в незарегистрированном браке	19,6	8,1	11,5
вдовы	4,4	9,3	-4,9
разошедшиеся	9,1	9,7	-0,6

Источники: Сколько нас? Население Республики Коми за полвека. Сыктывкар, 2005. С. 36, 59; Занятия населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. 347 с. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т. / Федер. служба гос. Статистики; Т. 9). С. 56–57; Об уровне образования населения (с использованием данных Всероссийской переписи населения 2002 года). Аналитическая записка, июнь 2005. Сыктывкар, 2005. С. 37.

Пол. В силу своей специфики на городском рынке работают в основном женщины. И, конечно же, распределение всего населения республики на мужчин (47,9%) и женщин (52,1%) отличается от выборочной совокупности. Но для цели нашего исследования этот момент не принципиален.

Возраст. Если сравнить возрастную структуру работников городского рынка и занятых в экономике в возрасте 15-64 лет, то можно отметить следующее. На городском рынке работает молодое население. Особенно заметно превышение в возрастной группе до 24 лет. С увеличением возраста, начиная с 35 лет, на городских рынках меньше лиц старших возрастов, чем это имеет место в целом по всему населению. И только в возрастах старше 60 лет эта доля примерно одинаковая.

Образование. Материалы социологического опроса и данные переписи населения показывают, что структура образовательного уровня почти одинаковая. У работников городского рынка чуть выше доля имеющих высшее и незаконченное высшее образование, но ниже доля имеющих среднее и начальное профессиональное и среднее общее. Поэтому высказывания населения о менее грамотном населении, работающем на городском рынке, не состоятельны.

Национальность. Сравнивая этнические структуры двух совокупностей, можно отметить, что каких-то особых отличий нет. Среди работников городского рынка выше доля лиц коми национальности, но ниже доля русских. Однако если для сравнения взять национальный состав населения г. Сыктывкара, то доля коми здесь – 30,6%, а русских – 58,4%. Как видим, соотношение отдельных национальностей несколько меняется. В целом, можно заключить, что по этническому составу работники рынка не отличаются от всего населения. Присутствие на городском рынке значительного числа лиц кавказской национальности связано не столько с работой, сколько с выполнением ряда иных функций.

Брачное состояние. Структура населения и выборочной совокупности по брачному состоянию имеет существенные отличия. На рынке ввиду более молодой структуры выше доля лиц, никогда не состоявших в браке (больше в 1,4 раза) и более чем в два раза выше доля тех, кто состоит в незарегистрированном браке. В тоже время на городском рынке меньше работает женщин, имеющих семью, вдовых и разошедшихся.

Работа. Относительно работы на городском рынке долгие годы, а особенно в начале 1990-х гг., бытовало расхожее мнение, что там работают неудачники, те, кто не нашел для себя другую работу и вынужден торговать товаром заезжих «купцов» из бывших республик Союза ССР. Частично на вопрос «кто работает на городском рынке», мы ответили выше. Сейчас стоит задача раскрыть все стороны труда, связанных с городским рынком.

Чтобы подтвердить или опровергнуть тезис, что на городские рынки идут работать неудачники, рассмотрим источники формирования человеческих ресурсов. Материалы опроса показывают, что почти треть работников (33,6%) до рынка работали в торговле, 13,4% свою деятельность начали с рынка, 12,5% – это бывшие студенты или учащиеся профессиональных образовательных учреждений, 7,8% – работники образования, 2,6% – медицинские работники, остальные представляют разные отрасли народного хозяйства. Из данного

распределения следует, что городской рынок стал первым местом работы для четверти опрошенных (25,9%), пристанищем для бывших работников образования и медицины.

В ходе исследования мы поставили перед собой задачу выяснить, почему местом работы респонденты выбрали городской рынок. Одно дело, когда речь идет о бывших работниках торговли и другое, когда это касается учителей, врачей, вчерашних студентов и учащихся, получивших совсем другую специальность (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Почему местом работы Вы выбрали работу на городском рынке?», в зависимости от пола, возраста, образования, %

Социально-демографические характеристики	Выбрали работу на рынке потому, что				
	не было других вариантов	устраивает график работы	это наиболее подходящая работа	устраивают условия оплаты труда	находится близко от дома
Пол:					
мужчины	63,2	15,8	21,1	0,0	5,3
женщины	47,3	18,0	15,2	15,6	12,9
Возраст, лет:					
до 24	50,0	18,8	10,4	19,8	11,5
25-29	31,5	18,5	22,2	18,5	24,1
30-34	50,0	25,0	10,0	7,5	5,0
35-39	38,7	22,6	22,6	12,9	16,1
40-44	71,0	9,7	16,1	6,5	9,7
45 и более	60,9	4,3	21,7	8,7	-
Образование:					
высшее и н/высшее профессиональное	56,9	17,2	13,8	6,9	10,3
среднее профессиональное	48,9	17,4	15,2	15,2	9,8
начальное профессиональное	44,8	19,4	14,9	19,4	16,4
среднее (полное) общее	42,5	20,0	20,0	15,0	15,0
основное общее и начальное	44,4	11,1	16,7	16,7	11,1

В целом по выборке респонденты отмечают, что пошли работать на рынок, так как не было других вариантов (48,4%). Эта причина является основной для мужчин и женщин, для всех возрастных групп, не зависит от образования. Второй по значимости причиной выбора местом работы городской рынок стал удобный график работы (17,8%). Эта причина более значима для женщин в возрасте 30-34 лет,

у лиц имеющих общее среднее и начальное профессиональное образование. Для каждого шестого (15,6%) работа на рынке является наиболее подходящей. Для мужчин эта причина является даже второй по значимости. На втором месте она и у лиц в возрасте старше 40 лет и у респондентов с общим образованием.

Четвертой по значимости причиной являются условия оплаты труда (14,5%). Более значима эта причина для лиц в возрасте до 24 лет (2-е место) и имеющих среднее профессиональное образование (3-е место). Для определенной части респондентов рынок стал предпочтительным местом работы потому, что находится близко от дома (12,4%). Эта причина в два раза важнее для женщин по отношению к мужчинам, для молодежи в возрасте 25-29 лет (2-е место).

Однажды, начав работу на городском рынке, многие считали, что, проработав какое-то время, они найдут себе более подходящую работу и покинут его. Что их пребывание будет здесь непродолжительным, временным. Насколько оправдались надежды опрошенных и, в первую очередь, молодежи. Ответы респондентов показывают, что только 26,5% проработали более 5 лет, 17,5% – от 3 до 5 лет, 31,6% – от 1 года до 3 лет и каждый четвертый (24,4%) отработал менее года. Средний период (стаж) работы на городском рынке составил 3,2 года. Это свидетельствует о высокой текучести кадров. Для сравнения приведем данные о стаже работы по ОАО «АЭК «Комизэнерго». Более 5 лет там проработали 64,5%, а менее года 5,2% опрошенных работников (Фаузер, Климашевская, 2004. С. 94).

Мужчины на городских рынках, имеют более длительный период работы, чем женщины. Это, наверное, вызвано тем, что 73,7% мужчин являются собственниками торговых точек, тогда как среди женщин эта доля составляет лишь 17,6%. Увеличивается стаж работы на рынке и с возрастом респондентов (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Сколько лет Вы работаете на городском рынке?», в зависимости от пола, возраста, прежнего места работы, %

Социально-демографические характеристики	Работают на рынке, лет			
	менее 1 года	1 – 3	3 – 5	более 5
Пол:				
мужчины	10,5	15,8	15,8	57,9
женщины	25,4	32,8	17,6	24,2

Окончание таблицы 3

Социально-демографические характеристики	Работают на рынке, лет			
	менее 1 года	1 – 3	3 – 5	более 5
Возраст, лет:				
до 24	35,4	50,0	10,4	4,2
25-29	22,2	33,3	26,0	18,5
30-34	17,5	22,5	20,0	40,0
35-39	6,4	19,4	22,6	51,6
40-44	19,4	9,7	16,1	54,8
45 и более	26,1	13,0	17,4	43,5
Прежнее место работы:				
торговля	17,9	29,5	28,2	24,4
студент, учащийся	34,5	31,0	20,7	13,8
не работал	32,2	45,2	9,7	12,9
образование	22,2	27,8	5,6	44,4
транспорт	9,1	54,5	0,0	36,4
местная промышленность	0,0	28,6	7,1	64,3
сельское хозяйство	20,0	60,0	0,0	20,0
здравоохранение	33,3	50,0	0,0	16,7
другое	30,0	10,0	25,0	35,0

С одной стороны, идет привыкание к условиям работы на рынке, теряются прежняя квалификация и старые социальные связи, а с другой стороны, с возрастом все труднее выдерживать конкуренцию на рынке труда, если начать поиск другой работы.

Наиболее приспособленными к условиям работы на городском рынке оказались бывшие работники местной промышленности, торговли и образования. Так, если в целом по выборке доля тех, кто проработал на рынке более 3-х лет, составляет 44,0%, то в указанных отраслях 71,4, 52,6 и 50,0% соответственно.

Работа на городском рынке имеет свою специфику. Это и доминирование собственников, выходцев из Азербайджана и др. закавказских республик; неблагоприятные и сложные условия труда, так как не все рабочие места находятся в теплых помещениях; специфические взаимоотношения и с работодателями, и с потенциальными покупателями, ряд других особенностей. Поэтому, чтобы правильно оценить труд на городском рынке, необходимо остановиться на условиях работы.

Условия работы. Выявив причины выбора местом работы городской рынок, респондентам было предложено ответить на вопрос,

устраивают ли их условия работы. Только 22,9% ответили, что их полностью устраивают условия работы; основная часть респондентов (65,5%) ответили, что условия работы устраивают частично; а каждого десятого (11,6%) условия работы полностью не устраивают.

Поэтому, наверное, оценивая тяжесть своего труда, респонденты отметили, что работа легкая – 25,4%, средней тяжести – 50,2%, тяжелая – 24,4%. Судя по ответам, работу на городском рынке можно считать скорее тяжелой, чем легкой.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы своей работой?» в зависимости от пола и возраста, %

Пол, возраст	Удовлетворенность работой			
	вполне довольны	не довольны	работа безразлична	затрудились ответить
Пол:				
мужчины	38,9	16,7	11,1	33,3
женщины	42,6	19,9	8,2	29,3
Возраст, лет:				
до 24	42,7	13,5	11,5	32,3
25-29	45,3	17,0	7,5	30,2
30-34	42,5	15,0	5,0	37,5
35-39	45,2	19,3	9,7	25,8
40-44	38,7	38,7	0,0	22,6
45 и более	34,8	34,8	13,0	17,4

Комплексной оценкой работы на городском рынке можно считать ответы респондентов на вопрос об удовлетворенности своей работой. В своем большинстве респонденты работой вполне довольны (42,3%), каждый пятый работой не доволен (19,7%), для 8,4% работа безразлична, третья часть затруднилась в своем отношении к работе на рынке (29,6%). Удовлетворенность работой в зависимости от пола и возраста представлена в табл. 4.

Ответы респондентов показывают, что среди женщин выше доля вполне довольных работой и тех, кто работой не доволен, однако, среди них меньше доля тех, кому работа безразлична и кто не определился с ответом.

Между возрастом и удовлетворенностью работой можно выделить ряд тенденций. Так, вполне довольных работой больше среди респондентов в возрасте 20-39 лет, чем тем, кому за 40 лет. С возрастом растет доля не довольных своей работой. Между крайними возрастными группами это соотношение составляет 2,6 раза. Безразличное отношение к работе уменьшается от 20-летних до возрастной

группы 30-34-лет, а затем вновь увеличивается. В то же время обращает на себя внимание факт, что с увеличением возраста уменьшается число респондентов, не определившихся с ответом с 32,3 до 17,4%.

Можно отметить, что, оценивая удовлетворенность, условия и тяжесть работы на городском рынке, респонденты дали в основном удовлетворительные оценки. Поэтому, неслучайно, более половины респондентов хотели бы сменить место работы (56,0%), четвертая часть собирается и дальше работать на городском рынке (24,6%), каждый пятый пока не определился (19,4%). Установки на перемену места работы в зависимости от социально-демографических характеристик представлены в табл. 5.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Хотели бы Вы сменить место работы?» в зависимости от пола, возраста, образования

Пол, возраст, образование	Хотят сменить место работы		
	да	нет	затруднились ответить
Пол:			
мужчины	55,6	33,3	11,1
женщины	56,1	23,9	20,0
Возраст, лет:			
до 24	64,6	17,7	17,7
25-29	49,1	28,3	22,6
30-34	56,4	20,5	23,1
35-39	32,3	41,9	25,8
40-44	51,6	32,3	16,1
45 и более	73,9	17,4	8,7
Образование:			
высшее и н/высшее профессиональное	56,1	19,3	24,6
среднее профессиональное	55,4	23,9	20,7
начальное профессиональное	53,7	28,4	17,9
среднее (полное) общее	69,2	12,8	18,0
основное общее и начальное	38,9	55,5	5,6

Анализируя данные о мобильности респондентов, можно отметить следующее. Среди тех, кто решил (или хочет это сделать в ближайшее время) сменить место работы, можно выделить работников в возрасте до 24 лет и тех, кому за 45 лет. Не устраивает работа на рынке работников, имеющих среднее (полное) общее образование.

К наиболее постоянной части работников городского рынка можно отнести мужчин, лиц в возрастах 25-29, 35-39 и 40-44 лет, респондентов имеющих начальное профессиональное и основное общее и начальное образование.

Имея высокие установки на перемену места работы, (более половины опрошенных) респонденты тем не менее понимают, что с поиском новой работы у них могут возникнуть проблемы. Так, отвечая на вопрос анкеты: «Легко ли жителям г. Сыктывкара найти для себя хорошую работу?», респонденты ответили так (%): трудно найти – 75,6, легко найти – 5,1, затруднились ответить – 19,3.

Какие выводы можно сделать из вышеизложенного материала. По основным социально-демографическим характеристикам работники городского рынка не отличаются от населения республики. Имеющие место отдельные отклонения обусловлены спецификой работы, характером труда, историей развития городского рыночного хозяйства. Труд на городском рынке нельзя отнести к легкому, поскольку значительное время его работники проводят на открытом воздухе, в любую погоду и время года. Однако, несмотря на это почти половина опрошенных респондентов работой вполне довольна. Осознавая, что в г. Сыктывкар трудно найти хорошую работу, тем не менее более половины работников городского рынка хотели бы сменить место работы.

Литература и источники

Фаузер В.В., Климашевская Е.В. Человеческие ресурсы энергетического комплекса Республики Коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. 176 с.

*Ю. С. Новиков, М. Ю. Новиков**

**Демография и менеджмент:
современная ситуация и проблемы**

Вопросы демографического развития и управления им привлекают все более растущее внимание не только специалистов-демографов, но и политиков, менеджеров и широкой общественности. Причиной этого является то, что демографическая ситуация, положение с использованием рабочей силы, складывающиеся в различных странах и регионах, во многом влияют на состояние и перспективы их экономического и социального развития, на расстановку экономических и политических сил в региональном и мировом масштабе.

Как отмечают ведущие специалисты в области менеджмента [1, с. 10], именно демографическая ситуация в развитых странах в ближайшие 20-30 лет будет определять экономическое развитие и политическую обстановку.

Речь идет о таких тенденциях, как:

- снижение численности населения в развитых и богатых странах и его необузданный рост в странах «третьего мира»;
- кризис рождаемости, который приведет к увеличению среднего возраста работающих лиц и, соответственно, к снижению производительности живого труда;
- неконтролируемая волна иммиграции и пр.

Решать вышеперечисленные проблемы, к которым приведет снижение численности населения, ни одна из стран не готова – нет четко проработанных программ и концепций развития в этих условиях, кроме того, нет ориентированных на это политических партий или движений. Нам представляется, что в решении данной проблемы важное место должен занять менеджмент.

Менеджмент и демография тесно взаимосвязаны между собой. Связи между менеджментом и демографией принимают разные формы. В демографическом энциклопедическом словаре, изданном в 1985 г. под редакцией Д.И.Валентя, под демографией понимается «наука о закономерностях воспроизводства населения в общественно-

***Новиков Юрий Семенович** (Сыктывкар) – доктор экономических наук, ректор Института управления и международных связей, профессор кафедры менеджмента Сыктывкарского госуниверситета.

Новиков Михаил Юрьевич (Сыктывкар) – кандидат экономических наук, проректор Института управления и международных связей.

исторической обусловленности этого процесса» [2, с. 118]. На наш взгляд, именно менеджмент должен взять на себя решение проблем по управлению демографическими процессами, используя весь арсенал приемов и методов, которыми пользуется современный менеджмент. В практическом плане демография описывает демографическую ситуацию, осуществляет анализ тенденций и факторов демографических процессов в стране в целом, на отдельных ее территориях или в группах населения в различные периоды. Демография разрабатывает демографические прогнозы на будущее, менеджмент же, опираясь на современные методы управления экономическими и социально-демографическими процессами, разрабатывает решение этих проблем с минимальными потерями для общества.

Деятельность государства в области управления демографической политикой состоит в том, чтобы в менеджмент приходило все большее количество молодых профессиональных управленцев, получивших специальное менеджерское образование в условиях рыночных преобразований. Питер Друкер предсказывает, что хороший менеджмент XXI в. – это, прежде всего, менеджмент собственной личности, который требует совершенно новых действий от каждого, в особенности от работников умственного труда. Здесь каждый должен научиться мыслить и действовать как руководитель высшего уровня, для того чтобы гармонизировать все взаимоотношения в обществе, организации, на территории.

Население, трудовые ресурсы страны являются одной из главных составляющих национального богатства. Вместе с тем, в последнее десятилетие XX в. и в начале XXI в. происходят серьезные негативные изменения в демографической ситуации Республики Коми. Так, только за 1989–2002 гг. население Республики Коми уменьшилось на 18,6% (или на 232,1 тыс. чел.). Наибольшее сокращение населения произошло, по классификации профессора В.В.Фаузера, на Дальнем Севере республики: Воркуте – на 38,6%, Вуктыле – на 35,2%, Инте – на 34,7%, Печоре – на 29,8%, а также в муниципальных образованиях: Троицко-Печорском районе – на 32,8% и других [3, с. 6].

Как отмечают демографы, основными причинами уменьшения численности населения в Республике Коми являются: интенсивный миграционный отток населения; снижение рождаемости; рост смертности.

На наш взгляд, данные причины, хотя и являются важными, однако они не могут быть исчерпывающими. Такой основополагающей причиной, по нашему мнению, является плохой менеджмент в области

проведения демографической политики как на макро-, так и микро-экономическом уровне. Демографической политикой следует эффективно управлять. В ряде словарей политика определяется как искусство управления. Значит, для целей демографии вполне достаточно определить политику как один из механизмов в системе управления, с помощью которой осуществляются воздействия на тот или иной процесс [4, с. 241].

Итоги последней переписи населения в России свидетельствуют о том, что менеджмент должен учитывать половозрастную структуру населения и исходя из этого строить свою кадрово-управленческую стратегию. Так, в Республике Коми в последние годы наблюдаются значительные изменения в возрастной структуре населения, что подтвердили итоги переписи населения. По сравнению с переписью 1989 г. средний возраст жителей РК увеличился на 4,8 года и составил в 2002 г. – 35 лет, в том числе у мужчин он составил 33 года, у женщин – 36,8 года [3, с. 13].

В менеджменте по демографии следует учитывать распределение населения по полу, поскольку мужчины и женщины одинакового возраста имеют разную величину ожидаемой продолжительности жизни. Заметим, что если по переписи 1989 г. в Республике Коми численность мужчин превышала численность женщин на 14 тыс. чел., то по последней переписи 2002 г., наоборот, численность женщин уже превышала численность мужчин на 42 тыс. чел. Ухудшение соотношения полов связано с высокой преждевременной смертностью мужчин [3, с. 13]. Какой вывод можно сделать? В систему управления всех уровней следует все более привлекать женщин, которые легче переносят разнообразные стрессы, в том числе управленческие.

В принятой экономической программе развития Республики Коми на 2001–2005 гг. в качестве приоритетов уже была выделена «стабилизация демографической ситуации с учетом признания здоровья человека главным приоритетом социально-экономической политики Правительства Республики Коми». На наш взгляд, эта правильная декларация, к сожалению, не была подкреплена соответствующими действиями властей, вытекающих из специфических особенностей Севера. Как отмечают авторы монографии «Практическая демография», для северных территорий цель демографического развития иная, чем для других регионов Российской Федерации. Целью демографической политики северных территорий является поддержание демографической динамики, соответствующей по своим параметрам (численности и составу экономически активного населения) потреб-

ностям их устойчивого экономического развития, в первую очередь, отраслей специализации, а также традиционных промыслов и социальной сферы, при неукоснительном сохранении преимуществ в жизнеобеспечении населения, интенсификации собственных источников роста и повышения уровня стабильности его состава. С данными предложениями следует согласиться. Более того, поскольку вопросы демографического развития еще не находят должного внимания со стороны властей и руководителей регионов и предприятий, представляется, что проблема управления демографическими процессами должна стать самостоятельной проблемой перед менеджментом всех уровней хозяйствования.

Литература и источники

1. Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке. М.: Издательский дом «Вильямс», 2001. 272 с.
2. Демографический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1985. 608 с.
3. Фаузер В.В., Климашевская Е.В. Региональная демография. Сыктывкар, 2004. 46 с.
4. Практическая демография / Под редакцией Л.Л.Рыбаковского. М.: ЦСП, 2005. 280 с.

*И.В. Селезнева**

Женская безработица в Республике Коми

В основе формирования предложения рабочей силы на рынке труда лежат экономические и социально-демографические факторы. При этом под влиянием демографической компоненты оказываются численность и половозрастной состав трудовых ресурсов, т.е. потенциально готовых к участию в производстве. Социальные факторы определяют уровень образовательной и профессиональной подготовки, экономические – формирование той цены рабочей силы, по которой собственник намеревается продать ее на рынке.

Отправной точкой анализа влияния демографической составляющей на формирование предложения рабочей силы на рынке труда является динамика и структура численности всего населения (наличного и постоянного).

Численность населения в трудоспособном возрасте (мужчины 16-59 лет, женщины 16-54 лет) за последние пять лет уменьшилась на 6%. Сочетание процессов выхода на пенсию относительно малочисленного поколения «детей войны» и вхождения в трудоспособный возраст средних по численности поколений, родившихся в 1980-е гг., предопределило некоторое увеличение численности населения трудоспособного возраста в 1997–2001 гг. Таким образом, демографический фактор в 1997–2001 гг. способствовал повышению предложения рабочей силы, поскольку численность населения трудоспособного возраста увеличилась.

Однако в 2003–2005 гг., в период вхождения в трудоспособный возраст поколения, родившегося в период низкой рождаемости 1990-х гг., произошло не только количественное сокращение трудоспособного населения, но и его качественное ухудшение – начало старения экономически активной части населения.

Длительные и устойчивые тенденции постарения и депопуляции не возможно преодолеть в обозримом будущем. В этой связи возрастает роль внешней миграции, которая в настоящее время выступает практически единственным источником прироста населения. Несмотря на то, что на предприятиях есть резервы повышения произво-

*Селезнева Ирина Валерьевна (Сыктывкар) – ведущий специалист Управления федеральной государственной службы занятости населения по Республике Коми.

длительности труда, для обеспечения экономического роста на длительную перспективу потребуется увеличение трудовых ресурсов.

Половозрастная структура безработных в последние два года имеет следующий вид: доля граждан в возрасте 16-29 лет составила 17,4% от всех безработных. При этом из общей численности безработной молодежи на лиц в возрасте 16-24 года приходилось 64,5%. На граждан предпенсионного возраста приходилось 23%, остальные возрастные группы – 57,0%. В большинстве возрастных групп на женщин приходилось более 70%.

Итак, доля женщин, зарегистрированных среди безработных, составляет порядка 70%. Женская и мужская безработица различаются по многим параметрам (по возрасту, уровню образования, социальному статусу, продолжительности и пр.).

Процессы, происходящие в социально-бытовой инфраструктуре, здравоохранении и системе учреждений дошкольного воспитания детей, несоответствие многих составляющих семейной политики условиям рыночных отношений привели к тому, что безработные женщины при устройстве на работу сталкиваются с большими трудностями, особенно на предприятиях негосударственного сектора экономики.

Трудоустройство безработных женщин затруднено отсутствием достаточного числа вакантных рабочих мест, традиционно считающихся женскими, и несоответствием их характеристик образовательному уровню безработных женщин.

Содействие трудоустройству безработных женщин осуществляется путем:

- расширения тактики самозанятости;
- расширения перечня профессий и специальностей, по которым ведется переобучение безработных женщин;
- государственного поощрения работодателей в приеме на работу безработных женщин, прошедших переобучение.

Как показали результаты анкетного опроса безработных, женщины более решительно, чем мужчины, готовы пройти переобучение с целью получения новой профессии, часто они хотят стать бухгалтерами, психологами, секретарями, работниками культуры, здравоохранения, образования, сферы обслуживания.

Анализ перечня профессий, по которым учебные заведения предлагают обучение и переобучение, показал, что число этих профессий крайне ограничено и традиционно рассчитано на общую конъюнктуру рынка труда.

Действующая в настоящее время система профессионального обучения безработных по многим профессиям не обеспечивает достаточного уровня квалификации обучающихся, не дает им необходимого набора практических навыков. Работодатели же в большинстве случаев не заинтересованы в приеме на работу людей, не имеющих высокой квалификации, не способных к быстрому включению в процесс работы, и подчас не представляют в центры занятости сведений о наличии вакансий, потенциально привлекательных для женщин.

Одним из возможных вариантов решения проблемы занятости женщин может стать введение стажировки обучающихся женщин на предприятиях. Это, с одной стороны, поможет женщине получить минимум практических знаний и дать реальное представление о той профессии, по которой она обучается, с другой – работодатель имеет возможность оценить потенциального работника, его знания, умения, навыки, характер, отношение к работе и т.д.

Результаты анкетного опроса безработных показали также, что треть безработных женщин хотела бы заняться предпринимательством, хотя подавляющее большинство из них не знает, как это делается. Плохое знание рынка товаров и услуг, неумение найти свою нишу в предпринимательстве приводят к тому, что женщины, решившие начать свое дело, как правило, не выходят за рамки традиционной женской занятости. Проведение специализированного исследования потребностей рынка в товарах и услугах, необходимых в Республике Коми, позволит расширить сферу приложения сил женщин предпринимательниц, более гармонично вписаться в экономику региона.

Основой повышения потенциала трудоустройства и уровня занятости является высокий уровень конкурентоспособности женщин на рынке труда.

В основе стратегии, которая должна обеспечивать политику равных возможностей на рынке труда как для мужчин, так и для женщин, служба занятости должна дифференцированно работать с двумя основными контингентами женщин:

- нуждающимися в обучении с учетом социальных признаков – находящихся в отпуске по уходу за детьми, инвалидами, одинокими матерями, беженцами, вынужденными переселенцами и др.;
- нуждающимися в обучении в связи с отсутствием профессиональной квалификации, имеющих профессию (специальность), не востребованную работодателями и др.

При этом необходимо, чтобы все девушки и молодые женщины до начала трудовой деятельности, как правило, получали не краткосрочную подготовку, а фундаментальное профессиональное образование.

Это особенно важно, так как проблема молодежной занятости в основном женская, ибо девушки составляют большую часть выпускников школ, профтехучилищ, средних специальных и высших учебных заведений с особыми сложностями трудоустройства.

Для женщин, имеющих рабочие профессии, переподготовку целесообразно осуществлять с учетом их возраста и имеющегося производственного опыта.

Женщинам, которые трудились в тяжелых производственных условиях, рекомендуется обучение профессиям и специальностям, более подходящим для женщин.

В последние годы появились новые сложности в трудоустройстве женщин.

Это обусловлено тем, что около 40% вакансий предъявляет динамично развивающийся негосударственный сектор экономики, который предпочитает работников-мужчин.

Как показывает опыт стран с развитой рыночной экономикой, такие негативные явления можно преодолеть путем стимулирования работодателей к приему на работу женщин.

Самые большие надежды, связанные с трудоустройством и занятостью женщин, возлагаются на развитие малого предпринимательства и самозанятости.

Как показывает практика, основными направлениями женского предпринимательства являются:

- сфера обслуживания;
- легкая промышленность;
- ремесло и промыслы;
- косметология;
- парикмахерские услуги и др.

Семейный бизнес, самозанятость, малое предпринимательство – питательная почва для трудоустройства и активной трудовой деятельности большей части женщин и важнейшее направление экономического оздоровления общества.

Возможности для смягчения гендерных проблем в сфере занятости имеются. Основной эффект дают системность подходов и настойчивость их претворения в жизнь. Женщины должны занять свою нишу на рынке труда.

*В.В. Фаузер, Н.И. Климочкина**

Социально-демографический портрет работников нефтегазового сектора Республики Коми**

Республика Коми находится на Европейском Севере России и входит в состав Северо-Западного федерального округа. Площадь республики – 416,8 тыс. кв. км. Территория имеет наибольшую протяженность с юго-запада на северо-восток – 1275 км; граничит на севере и западе с Архангельской областью, с входящим в нее Ненецким автономным округом, на востоке – с Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским автономными округами Тюменской области, на юго-востоке – со Свердловской, а на юге – с Пермской областью, в том числе с Коми-Пермяцким автономным округом, на юго-западе – с Кировской областью.

Расстояние от г. Сыктывкара до столицы г. Москвы – 1515 км. Численность населения на 1 января 2005 г. составляла 996,4 тыс. человек (0,7% населения России). Плотность населения 2,4 чел. на 1 кв. км. В республике 10 городов. Наиболее крупные из них МО «г. Сыктывкар» (244,5 тыс. чел.), МО «г. Воркута» (127,5 тыс.), МО «г. Ухта» (127,0 тыс.), МО «г. Печора» (64,8 тыс.), МО «г. Усинск» (52,7 тыс.), МО «г. Сосногорск» (51,4 тыс. чел.).

Доминирующие отрасли промышленности: топливная, электроэнергетика, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная. Более 2/3 производства промышленной продукции сосредоточено в городах: Сыктывкар, Воркута, Ухта, Усинск. Республика располагает 1/2 запасов нефти и 1/3 газа Европейского Севера. Республика является топливно-энергетической базой европейской части России. Используются залежи Печорского угольного бассейна, ведется добыча нефти и газа в Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции. Разведаны запасы горючих сланцев, осваиваются запасы торфа, велики гидроэнергетические ресурсы рек бассейнов Печоры и Вы-

*Фаузер Виктор Вильгельмович (Сыктывкар) – доктор экономических наук, зав. отделом социальных проблем Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, зав. кафедрой менеджмента Сыктывкарского госуниверситета.

Климочкина Наталья Ивановна (Ухта) – преподаватель Ухтинского государственного технического университета.

** Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06-02-00228а).

чегды. В Северо-Западном федеральном округе доля Республики Коми по промышленной продукции составляла в 2004 г. 7,2%, в том числе по нефти, включая конденсат – 47,7%, газ естественный – 86,7%, уголь – 99,1% (Республика Коми..., 2005. С. 3).

Перспективы развития экономики республики, прежде всего, определяются дальнейшим развитием нефтегазового сектора экономики (НГС) (Север, как объект..., 2005. С. 312). На его долю в 2004 г. приходилось 37,4% общего объема промышленного производства республики, в нем занято 17,4% населения, работающего в промышленности в целом (Республика Коми..., 2005. С. 10, 29). Учитывая такое важное место НГС не только в экономике республики, нами была поставлена цель – раскрыть качественные характеристики человеческих ресурсов, составляющих главный фактор развития нефтяной и газовой промышленности Республики Коми и Европейского Севера в целом.

Для реализации поставленной цели в марте-апреле 2005 г. был проведен социологический опрос среди работников нефтегазового сектора республики. Всего было опрошено 873 чел. В выборке были представлены головные предприятия или их структурные подразделения: Лукойл-Коми, Ярега-нефть, Северные магистральные нефтепроводы, Нефтеперерабатывающий завод, Газоперерабатывающий завод, ООО «Севергазпром», Севербургаз, Северная нефть и ряд других предприятий. Большая часть опрошенных работает на предприятиях, расположенных в городах – 60,9%, остальные респонденты (39,1%) работают в поселках городского типа. По северности: 15,8% опрошенных работают на Дальнем Севере, 84,2% – на Среднем Севере. По технологическому процессу респонденты распределились так (%): добыча – 60,4; транспорт – 18,9; переработка – 20,7. В выборке на газовую отрасль пришлось 27,4%, а на нефтяную – 72,6%. Ниже, в табл. 1, приводятся основные социально-демографические характеристики выборочной совокупности.

Таблица 1

Социально-демографические характеристики выборочной совокупности работников предприятий НГС Республики Коми, 2005 г., %

Социально-демографические характеристики	Пол		Статус			
	мужчины	женщины	руководители	специалисты	служащие	прочие
Возраст, лет:						
до 24	7,1	14,1	2,8	13,7	9,6	8,4
25 – 29	16,6	14,4	8,2	19,8	15,4	16,1
30 – 34	16,7	12,1	17,4	12,7	14,4	16,1

Окончание таблицы 1

Социально-демографические характеристики	Пол		Статус			
	мужчины	женщины	руководители	специалисты	служащие	работчие
Возраст, лет:						
35 – 39	15,1	17,2	16,5	11,7	21,2	16,1
40 – 44	16,7	12,9	13,8	12,7	12,5	18,0
45 – 49	13,4	10,2	18,3	10,7	6,7	13,2
50 - 54	10,3	13,3	17,4	12,7	12,5	9,1
55 - 59	2,5	3,5	2,8	3,5	4,8	1,9
60 и старше	1,6	2,3	2,8	2,5	2,9	1,1
Семейное положение:						
никогда не состояли в браке	14,5	18,6	9,3	23,8	13,5	14,0
состоят в официально зарегистрированном браке	63,3	42,3	66,6	51,3	44,2	60,8
состоят в браке, официально незарегистрированном	8,9	12,6	9,3	6,6	16,4	10,1
Разведенные	11,0	16,6	8,3	12,2	19,2	12,3
Вдовы	2,3	9,9	6,5	6,1	6,7	2,8
Национальность:						
коми	13,1	14,6	8,3	11,2	24,0	13,3
русские	68,7	58,6	65,1	70,4	46,2	68,7
украинцы	7,9	6,3	9,2	5,1	11,5	6,9
белорусы	4,6	8,7	6,4	5,6	7,7	5,2
татары	2,9	7,9	7,3	6,1	6,7	2,4
другая	2,8	3,9	3,7	1,6	3,9	3,5

В отраслях НГС доминируют мужчины (70,5%), что связано со сложными и тяжелыми условиями труда, техникой безопасности. Пройдя путь реформирования и сокращения, персонал организаций НГС немного помолодел. По возрасту респонденты распределились так (%): до 24 лет – 9,1; 25-29 лет – 15,8; 30-34 лет – 15,3; 35-39 лет – 15,7; 40-44 лет – 15,6; 45-49 лет – 12,5; 50 лет и старше – 16,0. Средний (медианный) возраст персонала организаций нефтегазового сектора составляет сегодня 38,0 лет, что на 0,4 года меньше, чем в среднем по населению республики в возрасте 15-64 лет, занятого в экономике (38,4 лет).

По национальности среди респондентов преобладают русские – 65,9%, затем следуют коми – 13,5%, украинцы – 7,4%, белорусы – 5,7%,

татары – 4,4%, представители других национальностей – 3,1%. Работники организаций НГС достаточно образованы: 29,1% имеют высшее или незаконченное высшее профессиональное образование, 28,1% – имеют среднее специальное профессиональное образование, каждый четвертый (25,9%) окончил профессионально-техническое училище, у остальных опрошенных общее полное и неполное образование (16,9%). Среди опрошенных не высока доля тех, кто не состоит в браке – 15,6%. Более половины состоят в официально зарегистрированном браке (57,4%), каждый десятый состоит в незарегистрированном браке (9,9%), каждый восьмой разведен (12,6%), 4,5% – вдовцы. Для работников нефтегазового сектора характерна выше среднереспубликанской детность – 1,42 против 1,40 у городского населения Республики Коми. По детности опрошенные распределились так (%): 21,9 – не имеют детей, у 31,0 – один ребенок, у 34,8 – двое детей, три ребенка – 10,0 и четверо и более детей у 2,3. Почти три четверти опрошенных работников имеет благоустроенную отдельную квартиру (70,1%), каждый десятый снимает жилплощадь (10,6%), остальные имеют разного вида благоустроенное и неблагоустроенное жилье.

Получить более полное представление о социально-демографическом портрете человеческих ресурсов организаций газовой и нефтяной промышленности можно, сравнив их с данными Всероссийской переписи населения 2002 г., что позволит сравнить и проанализировать, чем отличается выборочная совокупность от генеральной совокупности, т.е. от городского населения Республики Коми (табл. 2).

Таблица 2

Социально-демографический портрет городских жителей
и работников предприятий НГС Республики Коми, %

Социально-демографические характеристики	Выборочная совокупность, 2005 г.	Перепись населения 2002 г., городское население	Отклонение выборочной совокупности от итогов переписи, (+,-)
Пол:			
Мужчины	70,5	47,3	+23,2
Женщины	29,5	52,7	-23,2
Возраст, лет:			
20–24	9,1	13,2	-4,1
25–29	15,8	13,0	+2,8
30–34	15,3	11,3	+4,0
35–39	15,7	11,5	+4,2
40–44	15,6	14,6	+1,0

Продолжение таблицы 2

Социально-демографические характеристики	Выборочная совокупность, 2005 г.	Перепись населения 2002 г., городское население	Отклонение выборочной совокупности от итогов переписи, (+,-)
Возраст, лет:			
45–49	12,5	13,5	-1,0
50–54	11,4	11,4	–
55–59	2,8	5,1	-2,3
60–64	1,8	6,4	-4,6
Национальность:			
коми	13,5	15,5	-2,0
русские	65,9	67,1	-1,2
украинцы	7,4	7,0	+0,4
белорусы	5,7	1,7	+4,0
татары	4,4	1,9	+2,5
другие	3,1	6,8	-3,7
Образование:			
высшее и незаконченное высшее			
профессиональное	29,1	22,2	+6,9
среднее и начальное	54,0	58,1	-4,1
профессиональное			
среднее (полное) общее	14,5	14,4	+0,1
основное общее и начальное	2,4	5,3	-2,9
Семейное положение:			
никогда не состояли в браке	15,6	23,4	-7,8
состоят в официально зарегистрированном браке	57,4	50,0	+7,4
состоят в браке официально незарегистрированном	9,9	7,5	+2,4
разведены	12,6	10,6	+2,0
вдовы	4,5	8,5	-4,0
Детность:			
детей нет	21,9	23,4	-1,5
один ребенок	31,0	30,7	+0,3
двое детей	34,8	34,4	+0,4
трое детей	10,0	8,3	+1,7
четверо детей	1,3	1,8	-0,5
пять и более	1,0	1,4	-0,4

Окончание таблицы 2

Социально-демографические характеристики	Выборочная совокупность, 2005 г.	Перепись населения 2002 г., городское население	Отклонение выборочной совокупности от итогов переписи, (+,-)
Проживают:			
с рождения	44,4	45,0	-0,6
не с рождения	55,6	55,0	+0,6
Продолжительность проживания:			
до 10 лет	30,2*	24,4	+5,8
более 10 лет	69,8	75,6	-5,8

Примечание: * – до 9 лет.

Источник: Сколько нас? Население Республики Коми за полвека. Сыктывкар: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми, 2005. 112 с.; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 1. С. 71; Т.2. С. 80; Т. 4. Кн. 1. С. 296–304; Т.3. Кн. 2. С. 1154–1155; Т. 12. С. 44–45; Т. 14. С. 429.

Из данных табл. 2 можно сделать следующие выводы. В организациях нефтегазового сектора выше, чем в среднем по республике, доля мужчин, меньше доля двух возрастных групп: до 24 лет и тем, кому за 55 лет. Национальный срез не дает особых отличий по русским, коми и украинцам. Удельный вес белорусов и татар несколько выше, чем у городского населения республики. По образованию работники НГС отличаются в лучшую сторону: здесь значительно выше доля лиц имеющих высшее и незаконченное высшее профессиональное образование и ниже доля имеющих основное общее и начальное образование. Распределение респондентов по месту рождения показало практически полное совпадение выборочной и генеральной совокупности, что лишний раз свидетельствует о репрезентативности проведенного исследования.

К числу социально-демографических и трудовых характеристик коллективов НГС можно отнести информацию о перемещениях работников между отраслями народного хозяйства на протяжении всей трудовой биографии (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «На каких предприятиях проходила Ваша предыдущая деятельность?» в зависимости от пола, возраста и статуса, %

Социально-демографические характеристики	Отрасли								
	На предприятиях НГС	На предприятиях других отраслей промышленности	В строительстве	В сельском хозяйстве	На транспорте, в связи	В торговле, общественном питании	В жилищно-коммунальном хозяйстве, бытовом обслуживании	В аппарате управления, общественных организациях	На других
Пол:									
мужчины	38,9	15,6	10,1	5,1	17,0	4,3	3,3	2,6	3,1
женщины	23,1	19,9	8,6	5,5	9,4	11,3	7,8	5,5	10,5
Возраст, лет:									
до 24	35,0	10,0	5,0	2,5	10,0	17,5	10,0	5,0	5,0
25–29	31,1	12,2	13,4	3,3	12,2	12,2	6,7	2,2	6,7
30–34	33,1	15,8	8,3	7,5	16,5	8,3	5,3	2,2	5,3
35–39	37,2	16,8	11,0	5,8	15,3	4,4	5,1	5,8	4,4
40–44	39,7	23,5	11,8	4,4	16,2	5,1	5,1	3,7	5,9
45–49	36,7	22,9	11,0	5,5	23,8	2,8	2,8	2,8	5,5
50–54	39,4	17,2	10,1	6,1	15,1	7,1	5,0	3,0	6,1
55–59	41,7	29,2	8,3	16,7	8,3	12,5	0,0	8,3	8,3
60 и старше	37,5	18,7	12,5	6,3	6,3	0,0	0,0	12,5	12,5
Статус:									
руководители	46,5	18,2	7,1	5,0	8,1	4,0	2,0	2,0	7,1
специалисты	36,0	18,5	9,5	4,2	7,9	6,9	4,8	5,3	6,9
служащие	25,2	14,6	10,7	7,8	15,5	8,7	4,9	5,8	6,8
рабочие	32,0	16,3	10,2	5,2	18,5	6,3	5,0	2,6	3,9

Исследование показало, что трудовой коллектив организаций НГС был сформирован из работников разных отраслей народного хозяйства. Однако основной костяк или каждый третий работник компании (33,7%) отметил, что его предыдущая деятельность проходила на предприятиях нефтяной и газовой промышленности; вторым по значимости поставщиком квалифицированных кадров для организаций НГС выступили также предприятия промышленности (16,8%); каждый седьмой работал на транспорте и в связи (14,6%); каждый

десятый пришел из строительной отрасли (9,8%); определенную часть кадров поставила торговля и общественное питание (6,5%); сельское хозяйство (5,3%); жилищно-коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание (4,6%); аппарат управления и общественные организации дали 3,5% кадров; 5,3% – представители других сфер занятости.

В гендерном разрезе формирование человеческих ресурсов предприятий НГС имеет определенные отличия. Прежний труд мужчин, в отличие от женщин, больше был связан с предприятиями нефтегазового сектора, строительством, транспортом и связью. Женщин пришло больше, чем мужчин из отраслей промышленности, торговли и общественного питания, жилищно-коммунального хозяйства и бытового обслуживания, аппарата управления и общественных организаций, сельского хозяйства.

Между возрастом и прежним местом работы определенной зависимости нет. Можно лишь отметить, что самая высокая доля работников из аппарата управления и общественных организаций, пришедших на работу в организации НГС, наблюдается среди лиц старше 60 лет и у 55-59-летних (в порядке убывания). Молодежь в возрасте до 29 лет охотно покинула торговлю и общественное питание, жилищно-коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание и пришла на работу в НГС.

Особое внимание необходимо обратить на отраслевые каналы формирования персонала организаций НГС по статусу. Можно отметить, что больше всего работников, чей предыдущий труд был связан с организациями нефтегазового сектора, среди руководителей и специалистов, а меньше всего – среди служащих и рабочих. В целом, менеджмент организаций НГС был сформирован выходцами из отраслей промышленности, транспорта и связи, строительства.

Чтобы завершить описание социально-демографического портрета человеческих ресурсов организаций НГС, приведем еще одну немаловажную их характеристику – способы или каналы трудоустройства.

Первое, что можно констатировать – это наличие трех доминирующих способов трудоустройства: самостоятельное трудоустройство через отдел кадров (40,5%), трудоустройство при содействии или по совету родственников, друзей, знакомых (20,3%), в порядке перевода с другого предприятия (15,3%). Второе – незначительная доля трудоустройства с помощью службы занятости (3,4%). Третье, наличие исторических форм набора персонала (%): по направлению после

окончания учебного заведения – 11,0; в порядке организованного набора – 6,0; по комсомольской путевке, общественному призыву – 2,5.

Способы трудоустройства в разрезе социально-демографических групп представлены в табл. 4.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Каким образом Вы попали на работу в организации НГС», в зависимости от пола, возраста и статуса, %

Социально-демографические характеристики	Способы трудоустройства								
	Самостоятельно, через отдел кадров	В порядке организованного набора	По направлению после окончания учебы	По комсомольской путевке, общественному призыву	В порядке перевода с другого предприятия	Направлен на работу по распределению	Через бюро по трудоустройству	При содействии или по совету родственников, друзей, знакомых	Другой
Пол:									
мужчины	45,7	6,4	7,7	2,1	14,2	2,8	2,3	18,0	0,8
женщины	27,9	4,7	8,9	3,5	17,8	3,1	6,2	26,4	1,6
Возраст, лет:									
до 24	31,7	2,5	10,1	3,8	7,6	1,3	2,5	40,5	0,0
25–29	45,7	3,6	5,1	0,7	10,1	0,7	1,5	31,9	0,7
30–34	38,8	7,5	8,2	3,0	10,4	1,5	3,0	27,6	0,0
35–39	42,8	9,4	10,2	0,7	15,2	2,2	6,5	13,0	0,0
40–44	43,0	5,2	8,1	1,5	16,3	5,9	5,9	12,6	1,5
45–49	39,5	8,3	7,3	3,7	22,9	4,6	1,8	11,9	0,0
50–54	40,4	2,0	7,1	7,1	23,3	3,0	3,0	12,1	2,0
55–59	36,0	12,0	8,0	0,0	20,0	8,0	0,0	8,0	8,0
60 и старше	25,0	6,2	12,5	0,0	18,8	6,2	0,0	18,8	12,5
Статус:									
руководители	29,4	7,3	12,8	0,9	20,2	5,5	4,6	19,3	0,0
специалисты	29,5	6,6	12,2	2,5	14,2	2,0	2,0	29,5	1,5
служащие	30,5	7,6	9,5	4,8	16,2	3,8	7,6	19,0	1,0
рабочие	50,0	5,0	4,7	2,4	14,4	2,6	2,8	17,0	1,1

В зависимости от пола можно отметить, что мужчины более настойчивы в поисках работы, у них в полтора раза выше доля устроившихся на работу через отдел кадров, самостоятельно. У женщин данный способ трудоустройства «через отдел кадров, самостоятельно» и другой, «при содействии или по совету родственников, друзей, знакомых» занимают одинаковое место. Основной канал трудоустройства: самостоятельно, через отдел кадров, имел большее значение для молодых работников в возрасте 25-29 лет и меньшее значение для тех, кому за 45 лет. Для начинающих трудовую биографию (до 24 лет) доминирующим каналом трудоустройства является «при содействии или по совету родственников, друзей, знакомых». Для респондентов в возрасте старше 40 лет значимым каналом трудоустройства являлся «в порядке перевода с другого предприятия».

Для руководителей, специалистов и служащих канал трудоустройства «самостоятельно, через отдел кадров» если и занимает также первое место, то по значимости ниже, чем в среднем по выборке, а у рабочих, наоборот, на порядок выше. Отличает руководителей и то, что для них вторым по значимости каналом трудоустройства является «в порядке перевода с другого предприятия» и почти не существен такой, как «по комсомольской путевке, общественному призыву».

Какие выводы можно сделать из всего вышеизложенного. По основным, определяющим характеристикам выборочная совокупность соответствует генеральной, что позволяет говорить о репрезентативности полученных результатов. Что касается качественных характеристик человеческих ресурсов, то здесь можно отметить следующее. Работники нефтяных и газовых предприятий имеют лучший образовательный уровень по отношению к городскому населению республики. Основной состав трудовых коллективов составляют работники, чей труд был связан с промышленностью. При трудоустройстве на работу были использованы традиционные каналы приема, однако в НГС доминирует прием на работу через отдел кадров, самостоятельно.

Литература и источники

1. Возрастно-половой состав и состояние в браке. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. 416 с. (Итоги Всероссийской переписи населения.: В 14 т. / Федер. служба гос. статистики; Т. 2).
2. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. 946 с. (Итоги Всероссийской переписи населения.: В 14 т. / Федер. служба гос. статистики; Т. 4, кн. 1).

3. Образование. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. 880 с. (Итоги Всероссийской переписи населения.: В 14 т. / Федер. служба гос. статистики; Т. 3, кн. 2).
4. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. 493 с. (Итоги Всероссийской переписи населения.: В 14 т. / Федер. служба гос. статистики; Т. 14).
5. Республика Коми в цифрах: Статистический сборник. Сыктывкар: Территориальный орган Федер. службы гос. статистики по Республике Коми, 2005. 40 с.
6. Рождаемость. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. 875 с. (Итоги Всероссийской переписи населения.: В 14 т. / Федер. служба гос. статистики; Т. 12).
7. Север, как объект комплексных региональных исследований / Отв. ред. В.Н.Лаженцев. Сыктывкар, 2005. 512 с.
8. Сколько нас? Население Республики Коми за полвека. Сыктывкар: Территориальный орган Федер. службы гос. статистики по Республике Коми, 2005. 112 с.
9. Численность и размещение населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. 574 с. (Итоги Всероссийской переписи населения.: В 14 т. / Федер. служба гос. статистики; Т. 1).

А.Д. Напалков*

**Представительство коренных (титульных) этносов
в институтах государственной власти
в конце 30-х годов XX века и в начале XXI века
(на примере Республики Коми) ****

Во II половине 80-х гг. XX в. резко меняется политическая ситуация в стране, республике. Общество получает «разрешение» на гласность, демократию. В этот период появляется всплеск интереса народов к своей истории, истории национально-государственного строительства, особенно в национально-государственных образованиях – в бывших союзных и автономных республиках. В некоторых регионах решение проблем, связанных с национальными и межнациональными отношениями, вылилось до кровавых конфликтов.

В этом плане Коми республика оставалась достаточно спокойным районом. Вероятно, подобное объяснялось интернациональным характером, традициями коми народа, его многовековой историей общения, жизни, прежде всего, с русским народом. С другой стороны, взвешенной политикой республиканских властных структур – правительства, обкома КПСС. Именно они выступили с инициативой о необходимости разработки программы развития и совершенствования национальных и межнациональных отношений. Для ее подготовки были привлечены государствоведы, научные силы. Принятая в декабре 1989 г. на пленуме обкома программа получила широкий резонанс не только в республике, но и в центре. Она была высоко оценена и опубликована (единственная) в журнале «Известия ЦК КПСС».

Еще в ходе обсуждения проекта высказывались самые различные предложения, порой диаметрально противоположные. Были и такие суждения, дескать нечего муссировать национальный вопрос, так как его в республике не существует. Причем подобное говорили люди разных национальностей, в том числе коми, занимавшие высокие государственные посты.

* **Напалков Анатолий Дмитриевич** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Работа подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 05-01-41107а/С).

Как представляется, тезис об отсутствии национального вопроса в корне неверен. В любом государстве, где проживают совместно люди разных национальностей, тем более в таком многонациональном, как Российская Федерация, национальный вопрос всегда будет присутствовать. Другое дело, насколько он остро стоит. Да, в Коми этой чрезвычайной остроты не было и, вероятно, не будет. Однако есть и будут проблемы функционирования родного языка, в частности, коми, национальной культуры, сохранения и развития духовной и материальной культуры. А это уже национальный вопрос. Надо признать власти республики это понимали.

Итак, пока существуют различные нации, а, вероятно, они были и будут еще в обозримом будущем, национальный вопрос будет существовать. И среди них, очевидно, одним из главных является представительство титульного этноса, коми народа, во властных структурах, и в частности, в высшем законодательном органе власти.

Как известно, согласно Конституции СССР, принятой в 1936 г., Коми автономная область преобразовалась в Автономную Советскую Социалистическую Республику. Она предусматривала наличие собственной Конституции АССР, создания Верховного Совета и правительства республики. Первый высший законодательный орган власти – Верховный Совет Коми АССР – был сформирован в июне 1938 г.

За период своего существования высший законодательный орган республики формировался 12 раз. Несомненно, в его истории особое место занимает XII созыв, который был избран в марте 1990 г. Поэтому, с точки зрения национального состава, есть смысл поговорить в начале об одиннадцати созывах.

Итак, первый созыв сформировался, после принятия в 1937 г. Конституции Коми АССР, в 1938 г. Нисколько не умаляя деловые, профессиональные качества депутатского корпуса республиканского Верховного Совета, вероятно, не будет ошибкой сказать, по сути, о назначенстве народных избранников. Иными словами, избирателю давалось право не выбирать из множества кандидатов, а только голосовать или не голосовать. Необходимо в связи с этим сразу напомнить, что «Положение о выборах...», а это было законодательным актом, так как утверждалось соответствующим законом, позволяло, допускало право выбора. В соответствующих статьях говорилось, что в бюллетенях необходимо зачеркивать как бы «лишнюю» фамилию и оставлять в нем только одного кандидата. При этом оговаривалось, что в случае оставления (не зачеркивания) в бюллетене всех кандидатов, бюллетень считался недействительным.

Но, как известно, вплоть до 1990 г. сохранялся принцип: один округ – один кандидат. Причем принцип никем не декретированный. Вообще следует отметить, что каких-либо директив, в виде постановлений ЦК КПСС, государственно-нормативных актов, в отношении социально-демографического, в том числе национального состава представительных органов власти, не существовало. В этом плане особняком стоит постановление ЦК КПСС, принятое в 1957 г. во исполнение указаний XX съезда партии. Оно называлось «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связей с массами». Этот по своей сути государственный акт стал первым после Конституции СССР 1936 г. программным документом о формах и принципах работы Советов. Однако о национальном представительстве здесь речь не шла. Большое внимание было обращено на привлечение в органы власти рабочих и колхозников. И подобная установка, вероятно, была нужна.

Известно, что Конституция СССР, равно и Коми АССР, объявляли Советское государство государством рабочих и крестьян. Можно напомнить, только после 1961 г., принятия новой Программы КПСС, СССР стал общенародным государством. Между тем рабочие и крестьяне в органах власти, в том числе высших представляли значительное меньшинство. К примеру, в Верховном Совете I созыва из 79 депутатских мест только 13 принадлежали представителям рабочего класса и колхозного крестьянства, это 16%. Затем динамика изменялась в сторону роста, но еще в 1955 г. (IV созыв), т.е. накануне XX съезда, рабочие, колхозники составляли 28,5% депутатов. Картина резко меняется после указанного постановления ЦК, именно в нем высший партийный комитет признал ненормальным, когда в состав Советов «мало избиралось рабочих и колхозников». В последующие выборы установка ЦК КПСС стала реализоваться. Уже в 1963 г. (VI созыв) в Верховном Совете 43% мест принадлежали рабочим и колхозникам, с 1980 г. во всех остальных созывах – это X и XI – рабочие составляли половину.

Что же касается национального состава парламента республики, то здесь политика обкома (вероятно, и ЦК КПСС), заключалась в пропорциональном представительстве людей разных национальностей, прежде всего коми и русских в Верховном Совете. Как показывает состав республиканского парламента от первого до одиннадцатого созывов, процент депутатов коми национальности был, как правило, выше, чем относительная численность коми народа в составе всего населения Коми АССР (см. табл.).

Таблица

Национальный состав Верховного Совета Коми АССР
(1938–1995), Госсовета Республики Коми (1995–2003)*

Созывы	Всего депутатов	Избрано националь- ностей	В том числе			
			коми		русских	
			число	%	число	%
I. 1938–1947	79	4	60	76.0	17	21.5
II. 1947–1951	93	5	62	66.6	26	28.0
III. 1951–1955	105	5	64	61.0	36	34.3
IV. 1955–1959	116	3	79	68.1	34	29.3
V. 1959–1963	128	4	70	54.6	50	39.0
VI. 1963–1967	144	8	72	50.0	55	38.2
VII. 1967–1971	150	7	73	48.6	61	40.7
VIII. 1971–1975	156	6	68	43.6	69	44.2
IX. 1975–1980	170	9	77	45.3	72	42.3
X. 1980–1985	180	8	80	44.4	81	45.0
XI. 1985–1990	180	12	66	36.6	93	51.6
XII. 1990–1995	180	14	56	31.1	86	47.8
I. 1995–1999	50	5	16	32.0	25	50.0
II. 1999–2003	50	7	14	28	29	58
III. 2003	30		4	13		

*Источники: Народные избранники. Верховный Совет Коми АССР – Государственный Совет Республики Коми. 1938–1998. Сыктывкар, 1998; Выборы в Республике Коми. 1989–2000 (Информационный сборник) Сыктывкар, 2002; Выборы в Республике Коми 2003–2004 (информационный справочник). Сыктывкар, 2004.

Не лишнее еще раз подчеркнуть, что законодательный орган власти республики, равно как и нижестоящие Советы, формировался по принципу: один округ – один кандидат. А кандидатуры рассматривались на высоких партийных уровнях.

Была достаточно простая схема, которая действовала в течение многих десятилетий. Список кандидатов в депутаты формировался партийными комитетами, конечно, не без участия соответствующих руководителей Советов. Так, будущий состав Верховного Совета республики рассматривался в обкоме КПСС, где в начале определялись социально-демографические, классовые параметры, а затем «спускались» вниз – соответствующим горкомам, райкомам КПСС указания подобрать кандидатуру с соответствующими данными: пол, возраст, партийность, национальность, социальное происхождение. И вся эта схема действовала. Было бы, разумеется, ошибкой всю эту работу упрощать. Работа велась серьезная, за сухими и необхо-

димыми параметрами рассматривался прежде всего человек, который бы пользовался авторитетом среди трудовых коллективов, большого количества избирателей.

Сегодня, когда мы находимся в другом политическом измерении, можно с абсолютной уверенностью сказать, что, несмотря на, по сути, назначенство депутатов, в частности, Верховного Совета Коми АССР, в его составе были люди, искренне болеющие за дела районов, городов, предприятий. По мере сил и возможностей они решали государственные дела, добивались выполнения наказов избирателей, вникали в суть проблем.

Вероятно, здесь не лишним будет напомнить о количественном составе республиканского парламента. В Конституцию, принятой в 1938 г., была заложена норма, согласно которой 4 тыс. населения республики избирали одного депутата Верховного Совета. Такой принцип, когда количество депутатов зависело от количества населения, сохранялся до 1970-х гг. Население быстро росло, поэтому Верховсовет внес поправку в Основной Закон. Согласно ее, Верховный Совет состоял из 180 депутатов, т.е. было установлено конкретное число. И уже с X созыва (1980 г.), кончая XII (1990 г.), это количество не менялось.

Итак, представительство коми народа в высшем законодательном органе власти республики за все одиннадцать созывов, а это с 1938 по 1985 г., когда состав Верховсовета определялся обкомом КПСС, примерно соответствовал относительной численности коми в составе населения Коми АССР. Более того, в процентном отношении был даже больше. Так, в 1959 г. коми составляли 30%, а в Верховном Совете их было более 50%. В 1979 г. – соответственно 28,6 и 45,3, и в 1989 г. – 23,3 и 36,6 (см. табл.).

В марте 1990 г. впервые в истории Советов проходят подлинные выборы. Иными словами, только избиратель давал депутатский мандат тому или иному кандидату. И надо отдать должное, количество коми депутатов в высшем органе власти ненамного уменьшилось, из 180 депутатов их было 56, или 31,1%.

Важно здесь отметить о руководителях высших властных структур – это обком, Верховный Совет и правительство. Первые лица входили в так называемую номенклатуру ЦК, поэтому там определялся кадровый состав, в том числе по национальному признаку. Высший Законодательный орган возглавлялся Президиумом во главе с председателем. Согласно Конституции, Президиум в период между сессиями Верховсовета, выполняя роль высшего органа власти. Со дня

образования первого Верховного Совета (1938 г.) вплоть до одиннадцатого созыва включительно (1985 г.) Президиум возглавляли люди коми национальности.

Реальными же властными полномочиями обладали первый секретарь обкома и Глава правительства республики. И в этом тандеме ЦК, вероятно, считал правомерным сочетание по национальному признаку. К примеру, с 1938 по 1965 г. первыми секретарями были люди русской национальности (Рязанов, Тараненко, Дмитрин), а председателями Совета Министров (Совнаркома в начале) – коми: Ветошкин, Турышев, Панев, Безносков. В 1965 г. первым секретарем избирается И.П.Морозов, выходец из с.Межадор Сысольского района. И до 1984 г. и первый секретарь, и предсовмина были коми. Как пишет в своих воспоминаниях бывший секретарь обкома КПСС Н.Н.Кочурин, такое сочетание не очень поддерживалось в ЦК, и в 1984 г. Безносков отправляют в отставку. Вместо него назначается В.И.Мельников. Когда же он возглавил Обком, то правительство – коми В.И.Худяев.

Подобное сочетание по национальному признаку можно было заметить и в других автономиях.

Несколько иную картину представлял собой Верховный Совет XII созыва. Как уже говорилось, он впервые формировался по воле избирателей. Без оглядки на еще существующий обком парламент сам формировал руководящие органы. Согласно поправкам в действующую Конституцию, Верхсовет упразднял Президиум как высшую власть в период между сессиями и делал его своим рабочим органом, который не избирался. Вводилась должность Председателя Верховного Совета, как высшее должностное лицо республики, избираемого депутатами из своего состава. Руководитель правительства также избирался парламентом.

На пост Председателя высшего законодательного органа претендовали пять человек, но в результате самоотводов в список для тайного голосования были включены трое. По праву основными кандидатурами считались Ю.А.Спиридонов (первый секретарь обкома) и Ю.И.Семук, председатель Президиума Верхсовета XI созыва. Первый тур голосования не дал положительных результатов ни Ю.А.Спиридонову, ни Ю.И.Семук. Лишь во II туре депутаты определились, 54% голосовали за Ю.А. Спиридонова. Заметим, в национальном составе Верхсовета XII созыва почти 48% депутатских мест принадлежали людям русской национальности, 31% – коми. Вероятно, можно предположить, часть коми депутатов голосовала

за Спиридонова, как и часть депутатов русской национальности – за Семукова. Еще в первом туре за него проголосовали 45,3% депутатов. Разумеется, и 38 депутатов других национальностей – это 21%, так же, вероятно, голосовали за того и другого.

После избрания Ю.А.Спиридонова председателем Верховного совета, встал вопрос о формировании правительства, и, прежде всего, его руководителя. Напомним, что обком КПСС, по существу, уже не влиял на кадровую политику. Своеобразную роль обкома начал играть Верховсовет. И как бы вновь возникала проблема сочетания высших руководящих деятелей по национальному признаку. Это хорошо понимал, вероятно, председатель Верховсовета, русский по национальности. В своем выступлении на I сессии Ю.А.Спиридонов призвал депутатов более активно регулировать национальную сферу, в том числе посредством подбора кадров. Поэтому он считал необходимым поставить во главе правительства человека коми по национальности. Вероятно, его призыв был понят, хотя и выборы проходили трудно. Тем не менее на повторных выборах во втором туре на должность председателя Совета Министров был избран В.И.Худяев, ранее занимавший этот же пост.

В феврале 1994 г. Верховный Совет Республики Коми принял новую Конституцию. Тем самым закреплялись реформы в политической системе республики. Подобные процессы шли в Центре и в других субъектах РФ. Согласно Основному Закону, в республике закреплялась, по существу, президентская система правления, хотя и руководитель назывался Главой. Формировался и новый законодательный орган – Государственный Совет.

2 марта 2003 г. сформировался Государственный Совет III созыва. И, очевидно, можно говорить о некоторых тенденциях, и, в частности, в представительстве коми народа в высшем законодательном органе республики. А они говорят об устойчивом, постоянном снижении представителя народа, давшего название национально-государственному образованию, в Государственном Совете. Так, в I созыве Госсовета из 50 депутатов 16 были коми, или 32%. Во втором созыве из 50 депутатов коми было 14, или 28%. Количественный состав народных избранников Государственного Совета III созыва, по предложению Главы республики, был сокращен до 30. И выборы 2 марта 2003 г. дали следующие результаты: избрано 24 депутата, из них коми – четыре. Последующие повторные выборы не изменили представительство коми этноса в высшем законодательном органе власти республики. Таким образом, резко снизилось в процентном отно-

шении представительство титульного этноса в Государственном Совете, оно составило 13,3%.

Каковы же, на наш взгляд, причины подобного явления? Одна из главных, вероятно, – это принцип формирования Государственного Совета. Депутаты первых двух созывов избирались от территориальных и административно-территориальных округов. Такое положение давало возможность делегировать сельским районам, в которых, в основном, проживает коми население, своего депутата в высший орган власти. В одном из своих выступлений нынешний Глава республики В.А.Торлопов признавал этот принцип формирования Госсовета наиболее оптимальным, подчеркивая, что коми этнос в основном проживает в сельской местности. Поэтому представительство коми в Госсоветах I и II созыва, было достаточно высоким, соответственно 32% и 28%, хотя уже видно снижение.

По предложению Главы республики количество депутатских мест в III созыве уменьшилось на 20, с 50 до 30. Были отменены и административно-территориальные округа. Территориальные же округа образовывались по количеству избирателей, чтобы было оно примерно равным. К чему это привело – известно. Сельские районы, за редким исключением, объединялись в один большой округ. И результат налицо. Получилось то, о чем в свое время предостерегал бывший Глава республики Ю.А.Спиридонов на одной из сессий Верховного Совета XII созыва. Он, в частности, отмечал, что при таком раскладе депутатами окажутся только представители больших городов.

Анализ депутатского состава Госсовета III созыва говорит о том, что он стал, по сути, Советом городов республиканского подчинения.

Уменьшение количества депутатских мест в высшем законодательном органе, вероятно – необходимый шаг. Если вести речь о профессиональном парламенте, то, может быть, и 30 чел. много. Однако подобные шаги не должны ущемлять интересы, в частности, коми народа. И, вероятно, с помощью соответствующих государственно-нормативных актов необходимо найти какие-то варианты, которые бы минимизировали возникающие проблемы. Среди них сейчас можно услышать об установлении неких квот для представителей коми народа. Но, как нам представляется, при внешнем благозвучии такого варианта, он ущербен для гармонизации межнациональных отношений. Да и есть в этом оттенок унительности для коми.

Нам кажется, что более разумным шагом было бы увеличение территориальных округов в сельских районах. Конечно, в этом случае придется идти на некоторое уменьшение округов в крупных админи-

стративных единицах. Известно, что при выборах депутатов Госдумы по одномандатным округам из национальных образований, Российский закон соблюдает выше предложенный принцип. К примеру, и Коми республика, и Ненецкий АО равны в правах по выборам депутата Госдумы, хотя значительно разнятся по количеству избирателей. Иными словами, независимо от количества избирателей национальное образование делегирует в Думу как минимум одного представителя. Разумеется, при соответствующих количественных параметрах может послать и больше.

Вероятно, профессиональные политики, государственоведы могут предложить и другие варианты. Важно здесь другое, в высшем законодательном органе Республики Коми представительство коми народа не должно уменьшаться от выборов к выборам.

В заключение можно отметить, что согласно анкетного опроса, проведенного лабораторией социальных и антропологических исследований Коми филиала Кировской медицинской академии под руководством доктора исторических наук Ю.П.Шабаева накануне последних выборов Госсовета по теме «Коми парламент: каким я его хочу видеть» более 21% русских респондентов указали значение национальной принадлежности для депутатов, а среди коми таковых было уже свыше 41%.

В настоящем докладе автор обратил внимание представительству коренного (титульного) этноса в высшем законодательном органе власти Республики Коми. Между тем, не меньший интерес вызывает проблема представительства в государственных исполнительных и муниципальных властных структурах.

Литература и источники

1. Народные избранники. Верховный Совет Коми АССР – Государственный Совет Республики Коми. 1938–1998. Сыктывкар, 1998.
2. Выборы в Республике Коми. 1989–2000 гг. (Информационный справочник). Сыктывкар, 2002; Выборы в Республике Коми. 2003–2004 гг. (Информационный справочник). Сыктывкар, 2004.
3. Напалков А.Д. Представительные органы государственной власти Республики Коми: опыт конкретно-исторического анализа. Сыктывкар, 1998.
4. Напалков А.Д. От Верховного Совета к Государственному Совету Республики Коми (Представительные органы власти республики во второй половине 80-х – 90-е годы). Сыктывкар, 2001. 256 с.

*П. В. Габов**

**Влияние этнодемографических процессов
на развитие национальной школы**

Относительно однородное коми население всегда контактировало с пришлым населением. В 30-е гг. XX в. доля некоми населения увеличилась за счет насильственного привоза их из-за пределов автономной области. В Коми АО в 1932 г. уже насчитывалось 38612 спецпереселенцев. Подавляющее большинство из них составляли русские (91%), были и немцы – 2359 чел. Именно репрессированные положили начало изменению национального состава населения Коми АССР, приведшего в итоге к тому, что коми оказалось в меньшинстве на своей этнической территории. Уже первая волна спецпереселенцев – «кулацкая ссылка» – существенно изменила этническую ситуацию в целом и, в частности, в основных районах (сельских) проживания коми. Из истории края знаем, что спецпереселенцы направлялись на работу в лесозаготовительную промышленность. Основными районами лесозаготовок были центральные и южные районы Коми АО. Спецпереселенцы проживали в 27 спецпоселках Усть-Куломского, Сторожевского, Сыктывдинского, Усть-Вымского, Сысольского и Прилузского районов [1]. Уже в начале 1930-х гг. спецпереселенцы и ссыльные составляли 22% населения Коми АО, а в Усть-Куломском и Сторожевском районах – 38-39% [2]. В 1939 г. перепись населения (без заключенных) дает меньшую долю коми в составе населения республики – 72,5%, значительное сокращение произошло в районах, где были спецпоселки [3].

Спецпереселенцы оказывали существенное влияние на изменение этнического состава населения в 1940–1950-е гг., когда доля коми продолжала снижаться. В результате деятельности репрессивной машины к 1949 г. на спецпоселении в Коми АССР находилось 31315 чел. (немцы, украинцы, белорусы, поляки, литовцы и люди других национальностей). В условиях государственной политики этого периода межэтнические контакты спецпереселенцев с местным населением первое время были сведены к минимуму, их поселки строились в некотором отдалении от коми сел. Однако в 1950-е гг. после снятия

***Габов Прокопий Валентинович** (Сыктывкар) – главный специалист Департамента национальной политики Республики Коми.

с учета спецпереселенцев контакты с местным населением касались всех сторон общественной жизни.

Данное положение в этнодемографии не могло не отразиться на деятельности местной школы, которая преимущественно была коми национальной. В 1920-е гг. в начальных классах обучение коми детей осуществлялось на родном языке [4]. В 1925–26 учебном году в Автономной области Коми было 203 коми и 54 коми-русские начальные школы, в которых коми язык являлся языком обучения для 13308 учащихся.

В 1936–37 учебном году на коми языке обучалось 34705 учащихся [5], что составляло 72,6% от всех учащихся школ при доле коми в составе населения республики, по переписи 1939 г. – 72%, т.е. на родном языке обучались все дети коми национальности [6].

С изменением состава населения по причине государственной политики школы по языку обучения постепенно начали делиться на три группы: национальные, смешанные и русские. В 1948–49 учебном году из 511 начальных школ 313 являлись коми, 193 русскими и пять смешанными. Из 38 средних школ 20 являлись смешанными, а 18 – русскими [7]. В смешанных школах преподавание велось на русском языке, но родной язык и литература изучались как самостоятельные предметы.

В коми национальных школах положение ухудшилось с введением союзного закона о школе. К моменту его принятия в 1959 г. по языку обучения коми школ в республике было 375 [8], в том числе начальных – 50% (257 школ), семилетних – 51% (77 школ), средних – 41% (41 школа). Из общего количества 84 тыс. учащихся школ Коми АРСР на коми языке обучался 22707 чел. или 27% [9]. А через десять лет в 1969 г. в республике из 731 школы только 269 остались коми национальными, где обучалось 24% учащихся. «В целом перевод коми школ на русский язык обучения необходимо завершить к 1970 г., – отметил В.А. Шергин, министр просвещения Коми АССР в своем выступлении на III Республиканском съезде учителей» [10]. Русский язык стал вторым родным языком для наших детей [11].

Результат стал очевиден. В Коми АССР в 1970 г. на коми языке в объеме начальной школы обучались только 11,1 тыс. учащихся, что составило 6% их общего числа [12]. Согласно союзному Закону о языках (1973 г.), русский язык, на котором велось преподавание в национальных школах, рассматривался уже не просто как язык межнационального общения, а как второй родной [13]. Отчеты Министерства просвещения Коми АССР 1975 г. подтверждают, что в

республике были ликвидированы все национальные школы, осуществляющие обучение на коми языке.

Таким образом, в советский период этнодемографическая ситуация в регионе стала одной из причин вытеснения коми школы из системы образования. На восстановление утраченного понадобится не одно десятилетие. Это показывает противоречивый период возврата коми языка в национальную школу Республики Коми и в общество в целом. В условиях многонационального состава населения в республике на стыке столетий все же удалось добиться положительных тенденций в развитии национальной школы, что необходимо сохранить и преумножить.

Литература и источники

1. Национальный архив Республики Коми. Ф. 3. Оп. 1. Д. 765. Л. 18–19.
2. Шабалова Л.С. Жить, чтобы выжить // Родники Пармы. Сыктывкар, 1990. С. 120.
3. Рогачев М.Б. Спецпереселенцы в Коми АССР: национальный состав и межэтнические контакты (30–50-е гг.) // Из истории государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Республики Коми. Сыктывкар, 1993. С. 59. (Труды Ин-та яз., лит-ры и истории Коми НЦ УрО РАН; Вып. 56).
4. Попов А.А. Создание и становление коми национальной школы в первое десятилетие Советской власти // Национальные отношения в Коми АССР: История и современность. Сыктывкар, 1991. С. 17. (Тр. Ин-та яз., лит-ры и истории Коми НЦ УрО АН СССР; Вып. 52).
5. Национальный архив Республики Коми. Ф. 148. Оп. 1. Д. 92. 98 л.
6. Кузванова О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф. В начале пути. (Очерки истории становления и развития Коми автономии). Сыктывкар, 1996. С. 159.
7. Национальный архив Республики Коми. Ф. р. 642. Оп. 2. Д. 717. Л. 4.
8. Национальный архив Республики Коми. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1169. Л. 148.
9. Заседание Верховного Совета Коми АССР. 2 сессия 5 созыва 25 июня 1959 г. Стенографический отчет. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1959. С. 16.
10. Там же. С. 103.
11. Материалы III съезда учителей Коми АССР. Сыктывкар, 1996. С. 69.
12. Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры (Сборник статей). Сыктывкар, 1996. Т.1.: История. С. 213.
13. Пузырев Ф.И. Справочник директора школы. М.: Просвещение, 1983. С. 34.

*Г.Л. Борозинец, А.К. Витязев**

О половой дифференциации, человеческой любви и продолжении рода

Половая дифференциация общества актуальна всегда, ведь от нее зависит воспроизведение традиционных половых отношений и рода человеческого. Особую актуальность она приобретает в связи с институционализацией гомосексуальных отношений в некоторых странах.

Надо сказать, официальное признание государством права на гомосексуальные отношения и брак – это не только результат сексуальной революции в мире, но и огромный задел в преобразовании общества. Если данные отношения войдут в общественную практику и сознание и получат доминирование, проблема рождаемости приобретет дополнительную остроту для поиска нового алгоритма ее решения.

При анализе либерализации половых отношений, снятия запретов на гомосексуализм, обращает на себя внимание то, что расширение морально-правовых норм на эти отношения, по сути, означает завершение отделения секса и потребности в нем от детородного производства и потребности в детях у индивидов, превращение секса в гедонические отношения. В сущности, либеральные законодатели признаются в объективности процесса половой дифференциации, в его независимости от социального сознания – в том, что половая потребность управляет человеком, а не человек ею.

Говоря о сексе и потребности в нем, можно привести следующие их определения. Секс – это совокупность телесных, психических и социальных процессов и отношений, в основе которых лежит и посредством которых удовлетворяется половое влечение, либидо [1, с. 267]. А.М. Свядош считает, что половое влечение получило название либидо по предложению З.Фрейда. Он также предлагает выделять в процессе развития полового влечения этапы: эротический и сексуальный. Если сексуальное влечение, по его мнению, завершает

***Борозинец Григорий Ленфридович** (Ухта) – кандидат философских наук, директор Ухтинского филиала Современной гуманитарной академии.

Витязев Александр Клавдиевич (Ухта) – кандидат социологических наук, начальник отдела научных исследований Ухтинского филиала Современной гуманитарной академии.

половое развитие и является влечением к половому контакту (акту), то эротическое влечение – желание не только духовного, но и телесного контакта; нежности, ласки [2, с. 6]. Следует заметить, у большинства женщин влечение к половому акту (сексу) появляется лишь после того, как они испытали оргазм, полное удовлетворение от полового сношения.

В общем, отрывая половую потребность от процесса ее удовлетворения, от той составляющей, вместе с которой они образуют половую жизнь, о ней можно сказать то, что она выражает бессознательную потребность индивидов в продолжении рода.

Животное не осознает потребности в продолжении рода и, следовательно, не выделяет ее из половой потребности. Человек, в отличие от животного, осознает ее и благодаря этому дифференцирует половую потребность аналитически и реально, в мышлении и поведении, нацеливаясь на получение удовольствия от полового акта, в одном случае, и на получение зачатия – в другом. Он планирует свою половую жизнь и потому выбирает себе партнера для ее ведения сообразно с вышеобозначенными целями. При этом он волен создавать семью, сожительствовать или прибегать к услугам публичных заведений, благодаря существованию которых обнаруживается не только товарность секса, но и отделенность его от половой любви как привязанности к идеалу мужчины или женщины. Поскольку половой идеал формируется у человека не товарно-денежным способом, о товарности любви не может быть и речи. О формировании полового идеала нельзя также говорить как о чисто субъективном и чисто объективном процессе, так как, с одной стороны, он зависим от сознания индивида, с другой – нет. Считая объективную сторону формирования любви биологопсихологической, субъективную сторону ее можно назвать социально-психологической. То есть, осознавая биологическую составляющую половой любви как систему половых ценностей, врожденного вкуса к типу полового партнера и вплетая ее в систему других ценностей как моды, общественного мнения, человек осознает образ своего идеального полового партнера, а с ним – образы идеальной половой любви и идеальной половой жизни. При этом реальный партнер становится именно средством достижения интегративной суммы идеалов – состояния полной, всесторонней удовлетворенности половой потребности как состояния высшего полового физического и духовного блаженства. И это обстоятельство указывает на то, что не всегда благо имеет вещную природу. Всегда ли является благом половая любовь – вопрос, требующий специального

рассмотрения, поскольку понятие блага не распространяется на жизнь животных.

Говоря о любви животных, можно согласиться с мнением, что у стоящих на нижних ступенях эволюции животных любви не существует [3, с.247]. Так, самки-пауки часто пожирают после совокупления своих самцов, если те не успевают тотчас убежать от них.

Любовь в собственном смысле обнаруживается у животных, начиная с птиц. При этом выявляется, что у самок между половым и материнским инстинктами существует антагонизм, всецело сводящийся к преобладанию последнего. Возможно, по этой причине любовный инстинкт у самцов развит сильнее. Во время парования птиц самец кажется более страстным и влюбленным в свою самку, последняя же держится довольно пассивно, занятая виением гнезда [3, с. 279].

У женщин часто наблюдается то же самое: любовный инстинкт их всецело подчинен материнству. Кроме того, в связи с тем, что в дикие времена человек не имел времени любить, он должен был постоянно бороться за свое существование, любовь его была чисто животной (биологической) и состояла в удовлетворении одних грубых половых инстинктов [3, с. 287], составляющих инстинкт сохранения рода. Связывая половую дифференциацию первобытных людей только с половым способом их размножения и удовлетворения потребности в продолжении рода, следует сказать, что эта дифференциация является чисто биологической и не касается общества, и его потребности в продолжении своего существования во времени. Общество в то далекое время не только не управляло рождаемостью, но даже не пыталось ее регулировать. Зависимость общества от размножения людей, от половой дифференциации, полового состава населения и его половой жизни актуализировалась лишь в наши дни в связи с депопуляцией, падением рождаемости в высокоразвитых странах. Угроза депопуляции отдельных стран и переизбытка населения, как в Китае и Индии, открыла социальную дифференциацию потребности в продолжении рода, появление этой потребности не только на уровне жизни отдельных индивидов, но и на уровне жизни общества в целом. Благодаря этому обстоятельству можно сказать, что в простых, малоразвитых обществах социальные факторы не подавляют рождаемости, что биологическое и социальное производство человека существуют в них как бы параллельно друг другу, неинтегрировано. Вытеснение же из производства человека биологической составляющей мы связываем с развитием труда, материального производства. Дело в том, что климатический вызов природы

обусловил появление труда – производства средств существования и человека в социальном смысле, т.е. готового к труду, к социальной, а не биологической жизни. С появлением профессионального образования стало ясно: социальное производство человека состоит в его образовании и воспитании. При этом как-то забылось биологическое образование человека, не онтогенез в целом, а та его часть, которая относится к зачатию и внутриутробной жизни: к жизни до рождения. Борясь за существование, удовлетворяя и тем самым стимулируя посредством труда потребность человека в самосохранении, а не в продолжении рода, развивая социально-трудовой стереотип (алгоритм) его поведения, общество тем самым подавляло развитие биологического стереотипа полового поведения, ведь потребности в самосохранении и продолжении рода связаны обратно-пропорциональной зависимостью, а биологическое производство человека не стало трудом. При этом устоявшиеся патриархальные традиции тормозили превращение биологической формы половых отношений в социальную, хотя существование публичных домов, приданого и калыма указывали на проникновение товарно-трудовых отношений в эту сферу. И если обращение к услугам публичного дома знаменовало куплю-продажу только секса – труд проституток, то калым и приданое при сватовстве говорили о купле-продаже сексуальных и детородных услуг вместе. Эмансипация женщин разрушила старые товарно-денежные отношения в области брака на уровне семьи и подготовила почву для создания новых на уровне государства, общества в целом. Благодаря ей и сексуальной революции в развитых странах потребность в сексе социально детерминировалась, тогда как потребность в детях – нет. В результате материнский инстинкт перестал подавлять потребность в сексе. Спрос на эотику и секс начал развивать их как предложение, образуя круг. Порочность этого круга состояла в том, что избыточная социальная стимуляция врожденной эотики-сексуальной потребности у женщин приводила к подавлению материнского инстинкта: меняла баланс потребностей в сексе и детях, возникающий в ходе естественной дифференциации половой потребности при онтогенезе. Женщина начинала торжествовать над самкой, секс над материнством. Как показывают наблюдения, нечто подобное возникает и в мире животных. Известно, что половое возбуждение в период течки делает злыми тех самок, которые обыкновенно отличаются кротостью. В результате, например, коровы и кошки отгоняют от себя в это время своих телят и котят, которых незадолго до этого ласкали [3, с. 290].

В свете этих наблюдений можно полагать, что социальное детерминирование биологических потребностей состоит не только в создании особых (искусственных) условий для их опосредованного удовлетворения, но и в искусственной стимуляции. Так, потребность в самосохранении как естественных средствах существования, превратясь благодаря труду в потребность в искусственных средствах существования, начала не только удовлетворяться, но и развиваться в процессе создания этих средств – в процессе труда. Потребность людей в самосохранении стала массовым спросом на производство средств существования, благ, тогда как потребность в сохранении рода не превратилась в спрос на детей. Труд в процессе своего исторического развития оказался стимулом однобокого развития производства жизни, и производство человека не было до конца превращено в труд. Материнство не стало профессией, не получило должного социального стимулирования. В результате оно стало деградировать. Снижение рождаемости в развитых странах и родовое отчуждение, проявляемое в насилии над детьми и детоубийстве, в росте беспризорности и числе отказов матерей от своих новорожденных детей – лишнее тому подтверждение.

Таким образом, можно сказать, что население в России вымирает вместе с материнством. Причина этого вымирания – нарушение дифференциации потребности в жизни у человека, уровневый и системный дисбаланс ее производных потребностей. Родовое же отчуждение это не причина, а симптом данной патологии, вызванной отчуждением человека от труда в сфере детородного производства. Родовая потребность или потребность в продолжении рода и потребность в самосохранении или средствах, условиях существования – одна единая потребность в жизни, существовании, самосохранении в широком смысле. Эта начальная, базовая потребность не полностью, следовательно, неравномерно социально детерминирована в процессе развития труда. Выпадение потребности в детях из социального уровня, задержка ее развития на биологическом уровне потребностей человека – причина дисбаланса и отклонения в диалектике человеческих потребностей.

Диалектическая патология здесь состоит в том, что отсутствие потребности в детях на социальном уровне человеческих (био-социальных) потребностей обеспечивает отсутствие не только их сбалансированности, но и единства, которое заключается как в полноте суммы этих элементарных потребностей, так и в их интеграции в одну единую потребность. В сущности, сбалансированность потребностей

и есть то диалектическое единство противоположностей, благодаря которому множество составляет одно внутреннее, хотя и противоречивое, но гармоничное целое. Данный взгляд на систему позволяет глубже понять, что должна представлять из себя внутренне раздвоенная потребность в существовании, жизни, самосохранении в широком смысле, так сказать, в норме, идеале и что представляет на деле, в реальной жизни, в том числе, в патологии дифференциации-интеграции, внутреннего развития, цикличность которого предполагает последовательное выделение элементарных потребностей из базовой, разворачивание и так сказать, обратный ему процесс, их сворачивание, инволюцию. Так в онтогенезе биологических организмов органы и их функции созревают неравномерно. Появление способности к размножению завершает их развитие. С исчезновением этой способности начинается инволюция организмов и органов. Поскольку пиком онтогенеза является возникновение способности к размножению, оно видится смыслом биологического существования, а так как в основе размножения заложена редупликация, удвоение ДНК и деление клеток надвое, воспроизведение себе подобных путем такого удвоения-деления раскрывает потребность клеток превращаться в нечто иное, хотя и тождественное себе. Таким образом, в размножении, особенно в половом, можно обнаружить тенденцию «возвращения к себе иным», развития начала в свою противоположность, идею изменчивости. Онтогенез и филогенез своим существованием доказывают наличие потребности живых организмов изменяться. Изменения эти подчинены определенным алгоритмам. Алгоритм онтогенеза это правила, по которым генотип превращается в фенотип. Алгоритм филогенеза несколько иной. Он состоит в правилах «возрастающей дифференциации» [4, с. 205], применяемых в отношении не одного отдельного организма, а целых видов и классов животных. При этом филогенез не имеет цикличности: он прямолинеен, а не криволинеен. Тем не менее, с точки зрения однолинейности, когда имеет место не мгновенное вырождение вида, а оно идет в течение какого-то времени, развитие его, этого вида в чем-то напоминает развитие отдельного организма, хотя причины его умирания лежат вовне, а не скрыты в генетическом коде. Здесь особи вида не могут отстоять свое существование отнюдь не в силу старения. Изменение условий существования, вызов, отчуждение природы ставит под удар естественного отбора.

Понимая, что многие виды животных вымерли, оказавшись неготовыми, неприспособленными к внезапным изменениям природных

условий, можно предположить о негарантированности выживания методом биологического приспособления, самосохранения, о тупиковости, ограниченности эволюции. Если бы не появился способный к труду биологический вид, *Homo sapiens*, на высших животных можно было бы поставить конечную точку эволюционного процесса. Актуализация труда из биологических задатков трудоспособности знаменовала не просто переворот в приспособляемости, самосохраняемости, но продолжение эволюции в качестве истории: выделение в эволюции нового направления и таким образом деление, дифференциацию ее на биологическую и социальную.

Говоря о вышеобозначенном революционном перевороте в эволюции жизни, следует заметить, что первоначально жизнь как биологический способ существования возникла с появлением в молекулярном мире способности к самовоспроизведению, редупликации; благодаря копированию (транскрипции) молекулы ДНК самой себя, самоудвоению и отделению дочерней молекулы от материнской. Возможно, в то далекое время жизнь в мировом океане представляла собой одно только высокомолекулярное размножение, суть которого состояла в росте молекулы по определенному алгоритму, ведущему к ее удвоению. Собственно рост молекулы ДНК как удвоение и был ее размножением, явлением преобразования иного себе в нечто подобное себе – созданием однородной биогенной среды. То есть, возможно, первоначально функция жизни не была дифференцирована, и бесполое размножение одновременно служило регенерацией, самосохранением, характеризовало активность и агрессивность этой формы существования в определенных условиях. Теперь, если считать, что функция регенерации, самосохранения произошла от функции размножения, деления клеток, ДНК, дифференциацию и развитие последней следует брать за причину генезиса первой. Полагая, что развитие функции жизни шло не только в сторону регенерации и размножения как преобразования иного в подобное, идентичное себе, а также и в сторону появления биологического самосохранения как пассивного приспособления под условия окружающего, последнее можно назвать не только мимикрией и маскировкой под иное себе, но преобразованием себя в иное себе. Отсюда можно заключить, что биологические формы стремятся к удвоению себя и окружающего. Так, осьминоги, например, не только размножаются, но и легко маскируются под рельеф дна. Естественно, без копирования как подражания нет никакой маскировки, а без копирования как транскрипции нет и редупликации, размножения и регенерации. Но если мы можем

сказать, как идет процесс копирования (транскрипции) при редупликации ДНК, то о механизме копирования при маскировочном поведении и отражении – нет. Тем не менее, связывая размножение и поведение самосохранения, как пассивное приспособление, единым происхождением, можно вышеобозначенные виды копирования объединить в одну группу.

В общем следует согласиться с тем, что без копирования себя и окружающего нет жизни, что они необходимы для биологического существования, для сохранения рода и самосохранения. Но если все биологические виды способны лишь к пассивному копированию в качестве отражения, то в отличие от них человеческий вид – и к пассивному, и активному. В труде, в преобразовании окружающего, в материальной и духовной культуре виден след предвосхищения, опережения, проникновения в будущее – в реальность, которой до появления труда не было. Благодаря труду, перевороту в приспособлении, адаптации и ориентации копия и образец поменялись местами: природа как нечто иное, отчужденное стала не только сознательно копироваться человеком, но и преобразовываться в нечто неотчужденное, в культуру. То есть, если мир природы для человека сохранился в качестве образца естественной жизни, то социальный мир оказался в роли копии иного, нежели природа, образца, не естественного, а искусственного, создаваемого силой воображения человека. Полагая, что восприятие и сенсорный синтез заключают в себе пассивное копирование окружающего, не стоит возражать против того, что воображение и понятийный синтез не могут быть без активного, опережающего копирования, как творения, где духовный образ является не копией с натуры, а самостоятельным образцом, воплощаемым в реальность.

Коротко говоря, предлагаемая нами дифференциация копирования несет в себе элемент переворота. Если при воспроизведении себе подобных и регенерации имеет место один вид копирования, то при отражении – другой, можно сказать, противоположный. Считая, что в человеческом обществе наряду с биологическим воспроизведением себе подобных имеется и социальное как образование и воспитание, можно согласиться с существованием еще одного – искусственного вида копирования. Теперь, связывая пассивное и активное копирование при отражении с пассивным и активным копированием при приспособительном поведении как самосохранении, легко в производстве средств существования увидеть не только труд, но и ту активность отражения и приспособления, которой нет у животных.

В свою очередь, соединяя биологическое и социальное производство человека в одно единое воспроизводство себе подобных, можно обнаружить некоторые их отличия, заключающиеся в том, что социальное производство человека это труд, а биологическое – нет. При этом необходимо заметить следующее. Переворот дифференциации копирования себя и иного себе состоит в том, что если на биологическом уровне первое относится к воспроизведению себе подобных, размножению и регенерации, а второе – к пассивно-приспособительному самосохранению, то на социальном уровне они, эти виды копирования, меняются местами. Производство человека как социального животного больше напоминает превращение биологического существа в нечто иное, отчужденное от себя биологического. Производство же средств существования, наоборот, напоминает превращение иного, природы в нечто родственное, свое, неотчужденное от человека и не бросающее ему вызов. Понять значение переворота невозможно, если не сказать, что дифференциация состоит в формировании пределов в беспредельном, конечного в бесконечном. Считая жизнь бесконечной, непрерывной, невозможно ее постичь. Поскольку жизнь сама устанавливает свои пределы, нет необходимости придумывать их. Перевороты, превращения, прерывания и есть ее пределы. Так с революционным переворотом самосохранения, с появлением труда возникла граница между биологической и социальной жизнью. Переворот в воспроизведении себе подобных обозначил грань между человеком и животным. Привести устанавливаемые переворотами пределы к какой-либо системе невозможно, не внося в этот процесс адекватного объяснительного принципа или идеи. Если превращения энергии, например, не объяснять противодействием ее сохранения рассеиванию, превращения человеческого Духа – преодолением его отчуждения, превращение человекообразной обезьяны в человека – ответом на вызов природы, спасительным трудом.

Анализируя объяснительные принципы в поисках нечто общего в них, легко заметить, что и в первом, и во втором, и в третьем примерах в основе превращений лежит взаимодействие двух противоположных процессов: в превращениях энергии – рассеивание и сохранение, в превращениях Духа – отчуждение от себя и возвращение к себе, самосохранение, в превращении животного в человека – вызов природы и ответ, труд, спасение. Существование диаметрально противоположных процессов (исчезновения и сохранения) в явлениях превращения знаменует проблемность бытия, то, что без противовеса

любой процесс ведет к проблеме. Рассеивание энергии ведет к ее исчезновению, отчуждение Духа – к деперсонализации, утрате своего Я, вызов природы – к естественному отбору и вымиранию. Возможно, и деление ДНК это выход из проблемы ее безграничного роста: одно из решений проблемы бесконечности, беспредельности, непрерывности жизни. Полагая, что конечное уравнивает бесконечное путем его ограничения как в пространстве, так и во времени, можно в дифференциации видеть взаимодействие этих сторон бытия. Но всё было бы слишком просто, если бы бесконечность природы ограничивалась только величиной однородных атомов, как это есть в механистической модели древнегреческих атомистов. И даже обогатив атомистскую дифференциацию идеей специализации, заимствуя ее у стихийных материалистов, нельзя сказать, что полученная модель дифференциации в точности соответствует ее реальному образцу. То есть необходимо сказать о богатстве дифференциации, запечатленном в пестроте Космоса, которая не есть хаос. Дифференциация системна, по крайней мере, для человека. Подтверждением этого служат эклектика Эмпедокла – автора «*logos mîxeos*», как числового отношения смеси стихий, рецептуры вещей – и учение Алкмеона Кротонского о равномерном выделении противоположностей из первоматерии, о «*simmetria krasis*», как соразмерности сил противоположностей, противовесов [5, с. 191]. Системной является дифференциация химических элементов в таблице Менделеева, товаров – в учении К. Маркса о товарно-денежном обращении, клеток – в учении о клеточном строении живых организмов.

Мир дифференцирован, и это создает познавательные проблемы: одного и многого, конечного и бесконечного, тождественного и иного и т.д. Для того, чтобы понять суть дифференцирования, человек создал различные его модели, структурные и функциональные, в том числе. Для описания дифференциации используются понятия качества и количества, ряда и уровня, общего и особенного. Системный подход к дифференциации обязывает упорядочивать создаваемые посредством ее картины, искать методы, приемы, алгоритмы упорядочивания. Так, преобразование какого-либо множества в ряд простого перечисления его общего качества – это прием, противоположный сведению множества в бескачественный ряд простого перечисления. В ряд можно располагать не только однородные, но и разнородные вещи, отличающиеся, например, кратностью величин, или только тем, что величина их возрастает в одном направлении. Из этого следует, что дифференциация – это методологическое выделение в одном

многого, это выделение не только частей, но и их взаимного расположения, взаимодействия, функционирования, генезиса. Вместе с тем, по нашему мнению, дифференциальный метод отличается от дедуктивного тем, что он дает путь не просто к частному случаю, а к частной системе.

Следует также отметить, что аналитическая дифференциация, встречаемая в математике, имеет свои специфические черты. Эта специфика состоит в стремлении открыть приемы, алгоритм преобразования реального неправильного в идеальное, совершенно правильное. Как показывает математическая практика, результатом таких попыток является вывод о невозможности абсолютно полного, точного совпадения, отождествления копии и образца, реального и идеального даже в мышлении, где они представлены символами. Их неидентичность, какие бы преобразования ни совершались, ведет к бесконечности идентификации, ведь А как символ объекта и А как символ его идеи при их полном совпадении, превращении в одно единое А наделяют его двусмысленностью. Например, целое число 1 не есть дробь 0,999 даже при допущении совпадения их величин. Особенное – то, чем отличается натуральное от преобразованного, должно присутствовать в них для их различения при всей их идентичности. Так, голос товарища издаваемый в телефонную трубку и он же слышимый на выходе за сотни верст – это один и тот же (узнаваемый) голос и нет. Особенное есть тот предел, что позволяет различать сличаемое, допустим, узнавать знакомого при встрече, когда воспринятый образ и запечатленный ранее совпадают, интегрируют в нечто одно идентичное себе: идентифицируются. Поскольку при болезни Альцгеймера пациенты перестают узнавать родных и близких, можно стирание в памяти образов считать причиной нарушения у них идентификации. Воспринимая оригинал и не имея, не зная его копии, невозможно не только их сличить, но и выявить между ними грань, предел. Служит ли он дифференциалом – другой вопрос, требующий знания, что есть дифференциал. Если считать дифференциал знаком дифференциации, это одно. Другое, когда каждая черта лица – дифференциал. Предел дифференциации лица на черты, когда, вдруг, лицо узнается – третье.

Следует заметить, рассмотрение де Лопиталем кривой в качестве ломаной с очень малыми сторонами [6, с. 307] чем-то напоминает дифференциацию при узнавании людей друг друга, хотя неизвестно, какими приемами психика пользуется для этого. Не исследован до конца и процесс половой дифференциации: не то, как природа

осуществляет половую дифференциацию особей видов, а как особи осуществляют ее при помощи запахов и обоняния. Полагая, что самки животных узнают своих детенышей по запаху, используя анализатор обоняния, следует предположить сложную специфику запаха каждой особи и то, что разложение запаха на составляющие имеет предел как момент узнавания родственного, знакомого и иного.

Люди, в отличие от животных, используют для узнавания преимущественно зрительный и слуховой анализаторы. Поскольку одежда прикрывает вторичные половые признаки человека, люди придумали разную одежду для противоположных полов. Благодаря этому моменту стало возможным различать биологическую половую дифференциацию и социальную.

Процесс биологической половой дифференциации у человека, как формирования его половой принадлежности, проходит ряд этапов, благодаря чему выделяют генетический, гонадный и гормональный пол [2, с. 82–83]. Биологический пол определяет гражданский, что влияет на половое воспитание и формирование половой аутоидентификации. Последнее А.М. Свядощ предлагает назвать субъективным полом [2, с. 83]. Возможна диссоциация между полом биологическим, гражданским и субъективным. Особенно это резко выступает в случаях транссексуализма. Транссексуалистами Н. Benjamin (1954) предложил называть лиц, которые не только ощущают свою принадлежность к противоположному полу, но и упорно стремятся изменить ее хирургическим путем [2, с. 83]. Транссексуалисты составляют наиболее резко выраженную, «ядерную» группу врожденной формы гомосексуализма и транвестизма. Причины гомосексуализма до настоящего времени недостаточно выяснены. Различные точки зрения на происхождение этого явления можно свести к следующим теориям: генетической, неврогенной, эндокринной, нейроэндокринной, внутриутробной, психоаналитической, кондициональной [2, с. 83].

Особо важное значение гомосексуализм приобрел в наши дни. Это связано не только со снятием социального запрета на гомосексуальные отношения, но и с низкой рождаемостью в европейских странах. Проблема вырождения белой расы, поиск ее решения заставляют исследовать не только явление рождаемости, но и гомосексуализма, в том числе, половой аутоидентификации, того, каким путем индивид устанавливает свой пол и половой стереотип поведения, какими приемами пользуется при этом. И если интегрировать биологические и социальные теории гомосексуализма, однополого секса, в единую теорию, в уступке общества, в признании патологических половых

отношений нормальными можно увидеть слабость теоретической мысли, непонимание взаимодействия природы и общества в человеке, того, как детерминирует социальная составляющая биологическую. Ведь человек – это прежде всего социальное, а не биологическое животное и поэтому не биологический пол должен определять социальный, а наоборот, социальный пол – биологический. Хотя это звучит абсурдно, но в том, что половозрелый биологически субъект закрепляет у себя противоположный половой стереотип поведения, а не тот, что вытекает из его половой конституции, виден парадокс социальной жизни. Вероятно, определенные условия жизни способствуют изменению половой дифференциации общества, тому, что индивид, осуществляя половую аутоидентификацию, руководствуется не наличием у себя вторичных половых признаков, а чем-то другим – иным алгоритмом дифференциации. Возможно, он испытывает отчуждение к своему биологическому полу. И если отчуждение способно вызвать перверсию алгоритма половой дифференциации, то этот процесс станет протекать по противоположным правилам. На свои половые признаки субъект станет реагировать извращенно, формируя извращенный половой стереотип поведения. Отвращение к своему биологическому полу, половая фобия, как отчуждение, станет сутью данной патологии.

Не исключено, что половая фобия – проявление дисморфофобии или дисморфомании: шизофрении, в основе которой лежит нарушение дифференциации сознания. При этом невыраженность границ между половым *Я* и половым *не-Я* обуславливает бисексуальность индивида, сочетание гетеро- и гомосексуальности в его поведении. В том случае, когда имеется отчуждение от полового *Я* и *не-Я* выявляется нарушение половой идентификации и аутоидентификации. Пациент не просто плохо различает, в том числе, свой пол, он испытывает отвращение к своим и таким же чужим биологическим или социальным половым признакам, стремится изменить свой пол или одежду, прическу, половую ориентацию. Не исключено, что корни данной психопатологии скрыты в социальной патологии, в создании таких условий жизни, которые способствуют формированию всеобщего отчуждения человека: полового, родового, трудового и т.п.

Литература и источники

1. Сексология: Энциклопедический справочник по сексологии и смежн. обл. Минск, 1993. С. 351.
2. Свядощ А.М. Женская сексopatология. М., 1988. С. 176.

3. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство: сочинения. М., 1998. С. 528.
4. Ковалевский М.М. Соч. в 2-х т. Т. 1: Социология. СПб., 1997. С. 286.
5. Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. М., 1997. С. 576.
6. Клейн Ф. Элементарная математика с точки зрения высшей. В 2-х т. М., 1987. Т. 1. С. 432 .

А. К. Витязев*

**Социальные и психологические аспекты
аутоидентификации человека**

Образование новых постсоветских государств и европейской интеграции актуализировало идентификационные процессы на разных уровнях общественного и индивидуального сознания. В результате современные тенденции изучения идентичности стали характеризоваться активизацией исследований в конце XX – начале XXI в. [1, с. 351]. При этом анализ психопатологии и связанного с ней распада аутоидентификации приобрел особый интерес [1, с. 349]. Дело в том, что социальнообусловленная патология сознания – дереализация и деперсонализация – сказывалась на идентификационных процессах в обществе самым неблагоприятным образом. Распад аутоидентификации людей способствовал распаду общества, нарушал спокойное течение жизни, устойчивость социального развития. Многообразие сторон общественной жизни обуславливало разнообразие проявлений идентификационной патологии. Поскольку к компонентам социальной идентичности относят гражданскую, этническую, национальную, классовую, конфессиональную, половую и др. идентичности, имеет смысл разобраться в некоторых особенностях нарушения социальной аутоидентификации человека.

В конце сентября 2005 г. в столице Республики Коми, городе Сыктывкар, прошла Всероссийская научная конференция «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)», одной из проблем которой стала национальная идентификация представителей титульных этносов. В частности, обращалось внимание на то, что после этнической революции, протекавшей в конце 1980-х – начале 1990-х гг. на территории СССР этнокультурные ориентации коренных и малочисленных народов России изменились [1, с. 157–159]. Если раньше молодые люди из однопациональных коми и из смешанных в этническом отношении семей чаще выбирали для себя национальность коми, то теперь пятая часть городских подростков (возраст 16-17 лет), у которых оба родителя коми, называют себя русскими [2, с. 6, 10]. На возникающий при этом геномический парадокс мало кто

*Витязев Александр Клавдиевич (Ухта) – кандидат социологических наук, начальник отдела научных исследований Ухтинского филиала Современной гуманитарной академии.

обращает внимание, а ведь данные этнической геномики убеждают в том, что люди одной этнической группы имеют генетическое родство. Родство это заключается в том, что в геномах индивидов одного этноса имеются так называемые маркеры или идентичные участки ДНК. Благодаря постоянному их присутствию, в вариабельности (полиморфизме) генома прослеживается некоторая повторяемость. Это позволяет типологизировать геномы людей, а затем систематизировать их по степени отдаленности и близости родства. В результате устанавливается своеобразная родственная линия этносов, так сказать, генеалогия, ведущая к общему предку или группе животных, давших начало человечеству как биологическому виду с его подвидами, т.е. расами. Ведь все известные маркеры ДНК обладают расово-диагностическими свойствами [3, с. 13].

Таким образом, если исходить из того, что маркеры ДНК контролируют признаки, из которых складывается фенотип той или иной расы, можно предположить, что с биологической стороны этносы – продукты скрещивания подвидов (рас) *homo sapiens*. Объясняя биологическое происхождение этносов скрещиванием рас, следует сказать о механизме появления самих рас. Как нам кажется, расы или подвиды человеческого вида могли возникнуть в результате мутаций и действия естественного отбора. Формированию данных видов способствовали постоянная миграция племен и изменения климата на планете.

В общем, различая в этносах биологические и социальные признаки, можно предположить существование их взаимосвязи, хотя это звучит довольно странно с точки зрения чисто трудовой теории происхождения человека. Данная взаимосвязь, на наш взгляд, состоит в том, что человек как биосоциальное существо живет не только по социальным, но и биологическим законам. Так, например, никто не может отменить того, что онтогенез приговаривает человека к старению и смерти. Мало того, влияние онтогенеза на социогенез и психогенез человека настолько велико, что в случаях дебильности видно, как социальное развитие ребенка не может достичь необходимого уровня, а при старении наблюдается утрата трудоспособности вместе с дряхлением организма. Биосоциальность людей не может не сказываться и на их аутоидентификации, заключающейся в определении индивидом у себя не только расовых, половых и других биологических признаков, но и социальных, раскрывающих умение трудиться, мыслить и общаться. Вопрос культуры в данном случае касается нюансов быта, образа жизни групп людей, в том числе,

этнических. Связывая образ жизни с этническими стереотипами людей, следует сказать о том, что развитие мировой цивилизации размывает этнические признаки и благодаря этому стирает этническую сторону *я* человека. Люди разных стран, особенно в городах, начинают все больше походить друг на друга. Из жизни уходят не только национальные наряды, уходит в прошлое половая значимость одежды. Женщины, например, давно носят брюки и часто коротко стригутся. Естественно, стирание половых и этнических различий в одежде и т.д. сближает людей, снимает их отчужденность друг от друга, однако этот же процесс влияет и на формирование их самосознания, поскольку изменяет традиционную дифференциацию сознания на *я* и *не-я*. Так, строя интернациональное сообщество и благодаря этому стирая национальные различия между людьми, политическое руководство СССР в перестройку подошло к тому, чтобы изменить и идеологическую их аутоидентификацию. Как ни странно, ответом на горбачевские новации стал разгул националистических движений, распад СССР на ряд, в том числе, однопациональных государств.

Стремясь найти объяснение вышеобозначенному феномену, невольно обращаешься к диалектике, к тому, что в предшествующее время внутригосударственный интернационализм и размывание межэтнических границ компенсировались интенсивным формированием советского *я*. Создавались советская история и культура. Шел мощный поиск отличительных признаков, идентификаторов советского общества и человека. Когда же в горбачевское время интернационализм из внутреннего стал внешним, процесс этот вызвал внутри СССР обратное движение. Потеряв суперэтнокультурные ориентиры, население СССР для удовлетворения потребности в аутоидентификации обратилось к формированию локальных этнокультурных ориентиров, идентификаторов. То, что данный процесс принял политический характер – отдельная тема. Важно другое. Нужно согласиться с тем, что в обществе нет чистых процессов, что в любом явлении заключено как минимум два противоположных процесса, единство которых состоит в их динамическом равновесии. По аналогии с гомеостазом, поскольку известно, что биологический организм молод и крепок, пока анаболизм доминирует над катаболизмом и старится, слабеет после переворота в доминировании противоположностей, общество существует, если в нем доминируют общие для всех индивидов и этносов ценности. Общие социокультурные ценности, ориентиры, идентификаторы связывают субкультуры, возникающие и

исчезающие во времени существования данной культуры и тем самым способствуют сохранению социальной целостности в интервале определенного исторического периода. Так, известно, что в истории современной западной культуры были и хиппи, и панки, но эти субкультуры с их идентификаторами не поколебали устоев западного общества.

Конечно, отождествлять биологические и социальные организмы нельзя, так как это ведет к биологизаторству. Но если учесть биосоциальность людей и то, что социальный и биологический гомеостазы замешаны на одной диалектике, можно в этих процессах поискать нечто общее, так сказать, их динамику и статику.

Как известно, статику дает воспроизводство или стойкое возобновление одних и тех же отношений, в природе – естественных, в обществе – искусственных. Например, на океанических островах с сильными ветрами встречаются птицы только с большим и маленьким размахом крыльев. Не будь такого ветра, отношение, приспособление птиц к природе было бы иным. Нечто подобное можно увидеть и в обществе, пока изменение социальных условий не вызовет динамику социальных отношений. В рабовладельческом обществе, как известно, условия существования рабов вели к тому, что они бросали работать и начинали жить разбоем и грабежами, становились асоциальными. Ведь благодаря этим условиям рабы не имели своего я и, следовательно, не могли удовлетворять свою потребность в социальной аутоидентификации. В современных условиях рабочие более-менее удовлетворяют данную потребность. Подтверждением этого служит история рабочего класса и настоящая пролетарская субкультура. Однако то, что наймом ныне охвачены в России не только рабочие промышленности, но и так называемые работники бюджетной сферы, госслужащие, это усложняет выработку чисто пролетарских аутоидентификаторов. Найм и отсутствие частной собственности на средства производства роднят вышеобозначенные социальные группы, позволяя отнести их к какому-то одному общему классу, а именно к среднему, если к третьему относить бомжей. Считая бомжей деклассированными элементами и поэтому относя наемных работников к третьему классу, к среднему классу можно причислить мелких и средних собственников средств производства, использующих наемную рабочую силу, поскольку верхний, первый класс – это элита.

Предлагая вышеобозначенную схему деления общества на классы в целях выработки объективных идентификаторов, можно столк-

нуться с рядом проблем. Во-первых, не ясно, к одному или сразу к двум классам следует относить физических лиц, являющихся учредителями какой-либо фирмы и работающих в этих фирмах по найму. Во-вторых, сложности возникают при классификации чиновников высшего звена, относимых, с одной стороны, к элите, с другой – к наемному классу. В-третьих, трудно отнести к какому-либо из трех классов фермеров, неспособных пробиться на российский рынок со своим товаром. Полагая, что вышеобозначенные трудности деления нашего общества на классы ведут к проблеме классовой аутоидентификации россиян, можно для ослабления этой проблемы предложить более четко разработать аутоидентификаторы общероссийского я, тем более, что отсутствие таковых, как показывает этническая революция в СССР, способствует чрезмерному развитию локальных аутоидентификаторов способных привести к классовым конфликтам и революции. Однако сделать это не так-то просто. Выработка общероссийских аутоидентификаторов требует знания типологии обществ, разделенных на классы или социальные слои. Исходя из цивилизационного подхода, например, следовало бы решить, существует ли современная российская цивилизация. Опираясь, в свою очередь, на формационный подход, неплохо было бы определить, что-за формация присуща современной России. Поскольку же Россию чаще всего относят к либеральному буржуазному обществу, встает закономерный вопрос, тождественно ли это общество с его культурой обществу развитых капиталистических стран. Решая данный вопрос положительно, ставя знак равенства между этими обществами, следует, тем не менее, задуматься над тем, куда относить в этом случае пролетарскую культуру с ее социальным телом. Считая, что пролетарская культура была присуща советскому обществу и не отрицая факта ее существования в качестве субкультуры в обществе капиталистическом, можно прийти к мысли, что классово-культурная двойственность присуща не только капитализму, но и социализму, что буржуазная культура существовала и в советском обществе, в качестве субкультуры. Отличие советского общества от капиталистического состояло в том, что в первом буржуазное сознание подавлялось пролетарским, а во втором, наоборот. Степени подавления буржуазного сознания пролетарским отвечала степень чистоты советского общества. Но чем чище становилось советское общество в классовом отношении, тем сильнее нарушался его социально-экономический гомеостаз: тем больше оно экономически хирело. Осознание данного диалектического момента позволило некогда СССР

ввести хозрасчет, затем – частную собственность. Поскольку, в отличие от Китая, новое российское общество экономически мало как окрепло за время перестройки, можно в приватизации увидеть перекося, вызвавший нарушение динамического равновесия общества с обратной стороны. Ведь если в советское время вымирала буржуазия, то в настоящее время – пролетариат. Причиной вымирания пролетариата в России стала безработица, вызванная погоней за дешевой рабочей силой. Гастарбайтеры вытесняют российский пролетариат с рынка труда и превращают в бомжей. В результате можно сказать, что нарушение динамического равновесия производства жизни в советское время вело общество к экономическому отставанию, а в нынешнее время ведет к депопуляции, так как нашу элиту больше заботит микроэкономика, а не геномика, демография, этнография и т.п. То, что экономический подход элиты к нашему обществу отдает космополитизмом, мало кого интересует. Между тем интернационализация российского крупного капитала косвенно указывает на размывание общенациональных ориентиров в нашем обществе, что ведет к стиранию границ между *мы* и *не-мы* как коллективным, общероссийским *я* и *не-я*, к изменению дифференциации социального сознания у индивидов, недостаточности, как при социальной шизофрении. В этой связи можно сказать, что возникло новое социально-психологическое явление – социальная шизофрения.

Говоря о социальной шизофрении, следует отметить, что это есть определенное состояние общественного сознания, при котором, в одном случае, слабо выражена его дифференциация на *мы* и *не-мы* как на коллективное, общероссийское *я* и *не-я*, в другом – наблюдается отчуждение от российского *я*, от родины, когда россияне говорят о России как о чужом государстве, называя ее «эта страна». В третьем случае обнаруживается так называемая социальная дереализация, когда индивиды утверждают, что не они сами, их *я*, а социальный мир изменился, стал чужим: не они стали чужими родине, а родина им стала чужой. Возможно, длительное пребывание на чужбине – основная причина изменения самосознания некоторых россиян, их аутоидентификации. Есть масса примеров, когда наши элитные соотечественники, усваивая ценности зарубежных стран, например, Франции в XIX в. формировали в России моду говорить на французском языке и вести себя на французский манер. Ориентация сознания многих русских людей на ценности Запада в середине XIX – начале XX в. позволила выделить их в особую группу, называемую «западники».

Ориентация в окружающем, обращение сознания к предметному, в том числе, социальному миру – экстраверсия по К. Юнгу, рефлекс по Декарту – требует не только выявления его ориентиров, но и того, чтобы они служили идентификаторами для узнавания, установления подлинности, аутентичности объективного мира, тождественности ранее запечатленному его образу, т.е. самому себе. Узнавание – это совпадение, установление идентичности образа и образца, нечто психического, субъективного и предметного, объективного по определенным общим чертам или критериям, идентификаторам. Без узнавания человек не может ориентироваться не только в окружающем, но и в себе, своей личности, своим я при рефлексии, интроверсии. Так, при ретроградной амнезии, утратив социальный образ своего я, человек не может сказать, кто он: как его звать, откуда он родом, кто его родители, кем работал, где жил, и т.д., хотя, глядя на себя, может сказать, какого он пола и к какой расе относится. Благодаря амнезии открывается то, что каждый человек в своей жизни усваивает как идентификаторы предметного мира, так и аутоидентификаторы, делимые на социальные и биологические. Хотя идентификация человеком предметного мира и самого себя – субъективный процесс, базируется он на объективных идентификаторах. В использовании субъектами объективных идентификаторов прослеживается единство общего и особенного. Ведь каждый индивид имеет свою особенность. В норме этого единства никто не замечает. Патология идентификации позволяет открыть состояние сознания, когда субъект, человек не узнает мира тождественным самому себе, подлинным, аутентичным не потому, что не сохранил в памяти его образ, идентификаторы, а в результате их психического изменения. Относя это состояние сознания к дереализации, деперсонализацией следует считать состояние сознания при неузнавании человеком себя тождественным себе, как узнавании себя иным, чужим, неподлинным себе. Так половозрелый транссексуал, например, вдруг начинает ощущать себя лицом противоположного пола. В результате он стремится изменить пол, точнее, свои половые признаки или биологические аутоидентификаторы на противоположные. Суть патологии состоит, на наш взгляд, в том, что у транссексуала по эндогенной причине извращается половая ориентация и соответственно меняются психические аутоидентификаторы. Относя данную патологию к половому отчуждению личности, можно предположить, что личность – конструкция из многих я, если не считать это множество аспектами личности. Ведь, согласно мнения З. Фрейда, я расчленимо [4, с. 335]. Ставя знак равенства между

я и личностью, логично задаться вопросом, является ли личность, я, самосознание «возвращением сознания к себе», самоотражением, поскольку при субъективно-идеалистическом подходе к личности, заявляющей «весь мир во мне», к самосознанию можно отнести и предметное сознание. При этом следует согласиться с тем, что субъективно-идеалистически настроенная личность ориентируется в предметном мире, в *не-я*, как в самой себе, своим *я*, что субъективный идеализм с точки зрения психологии это эго-абсолютизм с его установкой: только *я* обладает существованием.

Теперь, сравнивая субъективно-идеалистический подход к *я* с противоположным, вульгарно-материалистическим, следует заметить, что *я*, самосознание отрицается в последнем случае, поскольку сознание является для вульгарного материализма ничем иным, как отражением предметным миром самого себя. В сущности отражение, как отношение объективного мира к самому себе, очень похоже на отношение, обращение сознания к себе и отличается от последнего объективистской стороной дела. В результате можно сказать, что вульгарно-материалистический подход к миропониманию позволяет расширить представление субъективного идеализма, о самосознании как отношении сознания к себе, отражении им самого себя, его раздвоении. Ведь утверждение, будто только *я* имеет существование, это полагание самосознания как сознания в его движении к себе, самоотражении, раздвоении, изменении на противоположное, иное, чуждое себе сознание, быть может, предметное, если между сознанием и отражением, в материалистическом его понимании, допускать переход относимый к перевороту в мышлении, которое начинает мыслить предметный мир, отнюдь, не как предметное сознание, не субъективно, а объективно, благодаря смене или значения идентификаторов мира, или самих идентификаторов, субъективных на объективные. Думается, что смена объективных идентификаторов на субъективные позволяет открыть активность психического фактора, то, что не только объект может существовать независимо от сознания, но и сознание – от объекта. Субъективизм или оторванность от внешнего мира обозначает именно этот момент, тогда как объективизм – противоположный. С точки зрения психологии, это выглядит так, что при оценке себя каждый человек может пользоваться только мнением окружающих в одном случае и только своим собственным, в другом, отрываясь то от внешнего окружения, то от самого себя, дезориентируясь и дезадаптируясь в том и другом случае.

В общем, каждый человек при самоидентификации может пользоваться как объективными, так и субъективными идентификаторами, которые можно назвать аутоидентификаторами. Применительно к транссексуалам, объективными идентификаторами их пола являются врожденные половые признаки, тогда как субъективными, определяющими субъективный, а не гонадный, гормональный и генетический пол – те, на которые он ориентируется при половом самоопределении, т.е. противоположные половые признаки. При этом правильное мнение окружающих, объективная оценка врожденной половой принадлежности транссексуалов совершенно не интересует.

Также и при этническом самоопределении, субъект может отнести себя к какому угодно этносу, невзирая на генеалогию и геномику. Подобно трансвеститу, переодевающемуся в одежду противоположного пола, перенимает меняющий этническую принадлежность человек до этого чуждые ему обычаи, нравы, язык, культуру. Он отчуждается от своего этнического я в социальном смысле, поскольку неспособен изменить геномических идентификаторов.

Не следует путать с социально-этническим отчуждением отдельные случаи объявления субъектами так называемых коренных или малочисленных народов России себя русскими. Дело в том, что в многонациональных государствах из этносов формируется суперэтнос с его историей, культурой – суперэтническим я. Так, в советское время в России роль суперэтнического я выполнял образ советского человека, формируемый властями в сознании трудящихся масс. В настоящее время общероссийское, суперэтническое я не разработано детально, не имеет своего этнонима, поэтому для суперэтнического самоопределения заимствуется этноним многочисленного русского народа. Если на данное самоопределение наложить запрет, Россия может фрагментироваться, подобно СССР, на ряд маленьких государств, в которых обнаружится, что их так называемый монолитный этнос образован из разных племен, борющихся за свою независимость, самоопределение или аутоидентификацию. Так, в случае выделения Республики Коми в самостоятельное государство может начаться, и кажется уже началось, самоопределение коми-ижемцев. И как знать, каким будет накал борьбы ижемцев за независимость. Не исключено, что эта борьба напомнит всем ситуацию в современной Палестине.

Говоря о национально-освободительном движении, нужно иметь в виду, что в наше время его уравнивает глобализм, движение

объединения народов и их стран, государств в некое интернациональное космополитическое образование, способное иметь соответствующую материальную и духовную культуру, следовательно, глобалистское или мировое общественное сознание, которое будучи обращенным к себе образует мировое *я* или *над-я* (*сверх-я*).

Это *над-я* можно понимать в двух аспектах: во-первых, как некую существующую мировую духовную культуру, еще неувоенную каким-либо одним отдельным индивидом, и, во-вторых, ее же в усвоенном виде, когда она присутствует в сознании индивида, формируя его личность. Если в первом случае идентификаторы мировой культуры объективны, то во втором – субъективны, хотя имеют значение объективных. Раздвоенность любой духовной культуры позволяет сформировать так называемое возвращение ее к себе, самоотражение, которое осуществляется не само собой, а посредством человека, от чего оно, самоотражение, самосознание становится не отношением к себе ни от кого и ничего не зависящего сознания, но опосредствованным общественным самосознанием. Опосредствованно, через человека, через иное возвращается общественное сознание к себе аутентичным себе.

Таким образом, если в образце духовной культуры, общественном сознании выделять мировой (глобалистский), суперэтнический и этнический слои, то и в образе ее, а также и в индивидуальном сознании необходимо выделять соответствующие уровни. Уровневая структура сознания человека не ограничивается вышеобозначенным делением, так как, созревая в процессе онтогенеза, психогенеза и социогенеза, человек различает в себе не только социальное в том числе, этническое, но психическое и биологическое начала вместе с их идентификаторами. Связывая результат социальной аутоидентификации человека с его *над-я*, можно продукт психической аутоидентификации связать с его *я*, а биологической – с *оно*. Считая волю главнейшим проявлением субъективности как психической активности и полагая, что она управляет опорно-двигательным аппаратом, соматикой, тогда как висцеральная жизнь организма человека всецело зависит от саморегуляции, к *оно* можно отнести осознание именно этой, упомянутой в последнюю очередь, структуры человека. Воля как психическая активность, обуславливающая опережающее мышление, целеполагание и целедостижение, перейдет в таком случае к *я* личности. В результате к *над-я* следует отнести социальный аспект личности, в том числе, этническую, суперэтническую и глобалистскую его характеристики.

В заключение хочется сказать о том, что функционально выделенные структуры самосознания человека находятся в состоянии подвижного равновесия устанавливаемого в процессе развития его жизнедеятельности. Равновесие это способно изменяться под влиянием как внешних, так и внутренних факторов. Известно, например, что при эндогенно возникающей шизофрении снижение психической активности, безволие (апат-абулия) приводит заболевшего человека к снижению социальной активности и недееспособности. Снижение биотонуса при так называемой «витальной тоске» может вызвать снижение и исчезновение настроения, идеаторной и моторной (биологической) активности. Страдает при вышеперечисленной патологии и сфера потребностей, влечений. Появление суицидальных мыслей и действий, например, свидетельствует об исчезновении потребности в самосохранении, об отчуждении я индивида, а появление мыслей и действий, направленных против жизни собственных детей – об исчезновении его потребности в сохранении рода, о родовом отчуждении.

Родовое отчуждение и отчуждение от своего я может вызвать не только эндогенная психопатология. Известна масса случаев суицида и детоубийства по экзогенным, в том числе, социальным причинам, подавляющим перечисленные выше потребности, составляющие общую потребность в жизни. Ярко выраженная потребность в жизни проявляется как в высокой средней продолжительности жизни, так и в высокой рождаемости в обществе. Удивительным является то, что массовое увеличение потребности в жизни не сопровождается одновременным увеличением средней продолжительности жизни и рождаемости. История демографии демонстрирует нам факты высокой рождаемости и смертности в малоразвитых обществах и низкие рождаемость и смертность в высокоразвитых современных обществах. Переход общества из первого состояния во второе может сопровождаться снижением рождаемости без снижения смертности. Поскольку в России с момента перестройки по настоящее время снижение рождаемости не сопровождается снижением смертности, можно думать о задержке переходного периода.

При объяснении вышеобозначенных демографических явлений можно исходить из положения об обратно-пропорциональной зависимости потребностей в самосохранении и сохранении (продолжении) рода, в результате которой стимулирование и усиление одной из них вызывает подавление другой. Положение это находит подтверждение при наблюдении за животными и людьми. Так, известно, что в засуш-

ливое лето аисты выкидывают своих птенцов из гнезда. Во время голода на Украине в первые годы советской власти были отмечены случаи массового детоубийства и людоедства. Как можно видеть из данных примеров, ухудшение условий существования, отсутствие таких средств существования как продукты питания ведет к изменению гомеостаза биологических потребностей, что сказывается не только на поведении людей, но и на их сознании. Полагая, что появление и развитие труда способствовало не только улучшению условий существования, но удовлетворению и развитию потребности в самосохранении, этим фактором можно объяснить увеличение средней продолжительности жизни людей, снижение смертности и рождаемости в высокоразвитых обществах.

В свою очередь, можно утверждать, что в обществах, где развитие труда не ведет к улучшению благосостояния и условий жизни большинства людей, снижение рождаемости не сопровождается снижением смертности и ростом средней продолжительности жизни.

Поскольку Россия, стремясь стать цивилизованной европейской державой, вступая в ВТО, боится не повышения уровня заработной платы, уровня жизни основной массы населения, а безработицы, за этим «страхом» можно поискать интересы определенных слоев общества, так как известно, что наших работодателей привлекает дешевая рабочая сила гастарбайтеров, вытесняющих с рынка труда отечественных производителей. Связывая наработанный за годы перестройки и реформ экономический стереотип поведения работодателей с их самосознанием, можно сказать, что оно в качестве буржуазного не просто резко отличается от самосознания наемного класса, но раскалывает общенациональное самосознание антагонистическим образом, ведя его к внутреннему конфликту.

Узнав из СМИ о том, что представители крупного бизнеса откладывают на «черный день» деньги в зарубежных банках, большая часть населения нашей страны также не может не задумываться о «черном дне», благодаря чему у нее может формироваться апокалипсическое предчувствие. Рассказы о возможном падении на Землю огромного метеорита и о угрозе эпидемии птичьего гриппа человечеству не отвлекают население от апокалипсических мыслей, а усиливают их. Естественно, такая стимуляция инстинкта самосохранения не остаться безответной. Если паническое и упадническое настроение масс – один из возможных ответов на вышеупомянутую стимуляцию, то вера в спасение и Спасителя – другой ответ. Надо сказать, что это не исключает роста агрессии в социальной среде, в частности, терроризма.

Помимо всего прочего имеет смысл заострить внимание еще на одном возможном результате аутоидентификации огромной массы российского населения, на появлении мысли, что она остается в дураках. Отнесение себя, своего я к этой категории способно вызвать у многих граждан чувство неудовлетворенности своим социальным положением и потребность каким-то образом изменить сложившиеся отношения в обществе. И пока дело не дошло до стихийных выступлений масс, есть время подумать о том, как избежать антогонистического расслоения российского общества, как сделать так, чтобы все наши граждане были и ощущали себя в «одной лодке», а не в «семье народов» с ее «отцом».

Решая поставленную задачу, можно обратиться к опыту европейских стран, где жизнь в настоящее время намного стабильней, чем в России. При этом не будет лишним прийти к пониманию сущности данного опыта посредством социологического и социально-психологического анализа.

Продолжая тему аутоидентификации человека, следует также сказать, что аутоидентификация – довольно сложный процесс. Множество аспектов данного процесса раскрывает разнообразие человеческих отношений в обществе. Выделяя в социальных отношениях половые, возрастные, профессиональные, религиозные, межэтнические, международные и собственнические отношения, вместе с ними необходимо выделять и соответствующие их идентификаторы, определители. Так, собственность как идентификатор позволяет населению аутоидентифицироваться и собираться в группы в зависимости от того, частная она, или отчужденная. Кроме вида имеет значение размер собственности, благодаря которому люди делятся на бедных и богатых. Используя идентификатор собственности, в современном обществе можно обнаружить лиц, не имеющих собственности и имеющих собственность в малых, средних и больших размерах. При этом тех, кто владеет мелкой собственностью, можно отнести, во-первых, к наемным работникам, во-вторых, к фермерам, не использующим наемную рабочую силу, в-третьих, к мелкой буржуазии, к так называемым мелким лавочникам, которые на современном жаргоне именуются ПБОЮЛ (предпринимателями без образования юридического лица). Кроме перечисленных категорий населения, мелкой собственностью владеют пенсионеры-дачники. Объединяя все перечисленные категории мелких собственников в одну группу, следует задаться вопросом, всем ли им присуще единое мелкобуржуазное самосознание. Отвечая на поставленный вопрос отрицательно,

можно прийти к мысли о неоднородности среды мелких собственников и что в ней формируются разные представления об обществе благоденствия. Так, национал-социалисты Германии прошлого века, по происхождению мелкие буржуа, видели социальное благоденствие другим, нежели их соотечественники пролетарского происхождения. Оказавшись более агрессивными и сплоченными, лавочники одержали победу над рабочим классом, но не над крупной буржуазией, уведшей их в завоевательный поход подальше от пролетаризации. Страх разорения сделал мелкобуржуазный класс революционным, организовал его в движущую силу, привел к пивному путчу, но не далее того. Подавив пролетарское движение и таким образом удовлетворив потребность в самосохранении, немецкие лавочники успокоились так и не осознав, что разоряла их и пролетаризировала под видом конкуренции крупная буржуазия, элита. Будучи более умной и дальновидной, элита быстро смекнула, во что для нее может обернуться осознание мелкобуржуазным классом истинной причины его обнищания, и отправила его на фронт.

Так бесславно закончилась мелкобуржуазная революция в Германии, протекавшая под флагом национализма.

Анализируя взаимоотношения между пролетариатом и буржуазией в России прошлого века, следует сказать, что здесь пролетариат одержал верх и стал пролетаризировать или идентифицировать с собой последнюю путем отчуждения частной собственности и разрушения буржуазной культуры (сознания), ее идентификаторов. По идее, уничтожение в обществе возможности буржуазной аутоидентификации должно было привести к полному исчезновению потребности в богатстве, частной собственности у индивидов. Однако ваучеризация разрушила мнение о необратимости результата аутоидентификационной инженерии. Причиной возможности реставрации в России вначале мелкобуржуазного, а затем и просто буржуазного самосознания стала не столько пластичность самосознания, сколько то, что за частной собственностью скрывалась потребность людей в средствах производства, следовательно, в искусственных средствах существования, в самосохранении. Ожидание будущего богатства снимало с них экзистенциальный страх, неуверенность в завтрашнем дне, действовало на психику, самосознание как антидепрессант. Мысль, что для зажиточности надо много работать, не смущала людей. Когда же оказалось, что много работать не означает быть состоятельным и уверенным в завтрашнем дне, труд в сознании масс потерял значение идентификатора богатства, антидепрессанта. В

массах появилось ощущение обманутых надежд, тем более, что обещанного шведского социализма, социального благоденствия не наступило. Извинения бывшего президента Б.Н.Ельцина ничуть не поправили дела. Каков будет новый прогноз, трудно сказать, так как неизвестно, куда заведет страх, неудовлетворенная потребность в самосохранении людей, потерявших веру во власть. Утратив социальные ориентиры, масса во многом дезориентировалась и дезадаптировалась. Но это состояние дереализации и деперсонализации не может продолжаться вечно. Если природное естество, инстинкт самосохранения возьмут верх, существующие социальные ориентиры тогда потеряют всякое значение. Установившийся социальный порядок утратит устойчивость. Наступит тот самый «черный день», который элита помимо своей воли так долго готовила для всех, в том числе для себя: день крушения социальной аутоидентификации России.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Аутоидентификация – установление личностью своей подлинности, аутентичности, идентичности себе;
2. Аутоидентификация связана с самосознанием и отражением объективной реальности, предметным сознанием, составляющими содержание понятия сознания индивида;
3. Патология самосознания – деперсонализация – ведет к патологии аутоидентификации человека.

Литература и источники

1. Социология: Энциклопедия. Минск, 2003. С. 1312.
2. Шабаев Ю.П. Новые явления в этнодемографических, этнокультурных и этнополитических процессах на европейском севере России // Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии. Сыктывкар, 2004. С. 157–177.
3. Шабаев Ю.П. Этнодемографическое развитие Коми в контексте демографических процессов у финно-угорских народов Российской Федерации. Сыктывкар, 2005. С. 30.
4. Лимборская С.А. Изучение геномных маркеров в популяциях современных жителей северной Евразии для анализа особенностей их этнической истории. Сыктывкар, 2005. С. 22.
5. Фрейд З. Введение в психоанализ. М., 1991. С. 455.

Содержание

Приветствие научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии	3
Приветствие Института российской истории РАН	3
Игнатов А.А. Типология российских регионов по преобладающим в них этнодемографическим процессам с конца 1930-х годов (Попытка реализации подхода «сверху»)	4
Фаузер В.В. Финно-угорские народы: история демографического развития	18
Низамов А.Г. Численность и расселение марийского населения в Республике Башкортостан	31
Репневский А.В. Россия и Архангельский Север в зеркале переписи 2002 года	38
Сурина М.В. Современные проблемы этнокультурного развития Уральского региона глазами демографа (по материалам переписей населения)	49
Чажин Г.Н. Этноты Пермского края во Всероссийской переписи населения 2002 года	60
Сквозников В.Я. Этнодемографические процессы в Республике Коми	68
Шахтин В.И. Этнодемографическая ситуация и перспективы ее развития в городах Крайнего Севера Республики Коми	87
Рудольф А.А. Проблемы управления демографическими процессами в условиях муниципального образования (на примере Сыктывдинского района Республики Коми)	91
Попова Л.А. Влияние этнической структуры населения Республики Коми на современные модели демографического поведения ..	100
Фаузер Г.Н., Загайнова Г.В. Особенности сельского расселения населения Республики Коми	112
Муртазина И.Б. Старшее поколение как фактор демографического развития	124
Габов П.В. Динамика межнациональных отношений в Республике Коми в условиях этнодемографического развития	127
Семенов В.А. Межэтнические отношения в Республике Коми по материалам родословных студентов Сыктывкарского государственного университета и Коми государственного педагогического института	132

Клепиков Н.В., Фаузер В.В. Социально-демографический портрет работников городского рынка	135
Новиков Ю.С., Новиков М.Ю. Демография и менеджмент: современная ситуация и проблемы	146
Селезнева И.В. Женская безработица в Республике Коми	150
Фаузер В.В., Климочкина Н.И. Социально-демографический портрет работников нефтегазового сектора Республики Коми	154
Напалков А.Д. Представительство коренных (титульных) этносов в институтах государственной власти в конце 30-х годов XX века и в начале XXI века (на примере Республики Коми)	165
Габов П.В. Влияние этнодемографических процессов на развитие национальной школы	174
Борозинец Г.Л. , Витязев А.К. О половой дифференциации, человеческой любви и продолжении рода	177
Витязев А.К. Социальные и психологические аспекты аутоидентификации человека	191

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
НА СЕВЕРЕ ЕВРАЗИИ**

Сборник научных трудов. Выпуск 3. Часть 4.

Научное издание.

Печатается по решению оргкомитета Всероссийской научной
конференции по исторической демографии
«Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)».

Оригинал-макет – Н.К.Забоева.

Компьютерный набор. Уч.-изд. л. 12,0.
Тираж 200 экз. Заказ № 49.

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982 г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Типография «Полиграф-сервис»
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36